ИВ. КНИЖНИК

П. Л. ЛАВРОВ

ЕГО ЖИЗНЬ и ТРУДЫ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ"
ЛЕНИНГРАД 1925

ДК
212
'16

1769
95

Ленинградский Гублит № 7156. Печ. 6 000 экз.—9 л. Зак. 1007.

Госуд. типография имени тов. Зиновьева, Ленинград, Социалистическая, 14.

ВВЕДЕНИЕ.

Литературная судьба П. Л. Лаврова.

14 июля 1923 г. исполнилось столетие со дня рождения Петра Лавровича Лаврова, а 6 февраля 1925 года исполняется 25-летие со дня его смерти. Между тем до сих пор у нас нет ни одной работы, которая изобразила бы более или менее подробно жизнь, деятельность и литературное наследие этого выдающегося человека с точки зрения революционной теории марксизма.

Литературная судьба Петра Лавровича Лаврова поистине трагична.

Будучи одним из самых значительных русских людей, прославившихся своей борьбой за социализм, человек такого калибра, как Герцен, Чернышевский, Плеханов, он, однако, гораздо менее их известен даже нашей интеллигенции, не говоря уже о рабоче-крестьянских массах.

Многие, правда, знают, что П. Л. Лавров написал под именем Миртова замечательные «Исторические письма», что он считается «отцом народничества» и «суб'ективного метода в социологии», но дальше этого общепринятые знания не идут. Установился даже какой-то шаблон говорить о П. Л. Лаврове только,—это даже в книгах. Прочитайте, например, «Историю русской общественной мысли» Иванова-Разумника, и вы там найдете, что Лавров—«ближайший предшественник Михайловского», «связующее звено между Герценом и Михайловским» и творец «суб'ективного метода». Многие представляют себе П. Л. Лаврова просто каким-то либералом, который лишь случайно сделался вождем русского народничества 70-х годов.

Этот шаблон оценки П. Л. Лаврова издавна в ходу потому, что лишь очень немногие из писаний П. Л. Лаврова известны не только широкой публике, но и некоторым историкам общественной мысли.

П. Л. Лавров больше всякого другого из названных выше писателей-революционеров писал в легальной русской печати. Он печатался в ней около 40 лет, но почти всегда должен был скрывать свое имя: сначала потому, что он был профессором артиллерийской академии и других военных учебных заведений и, как официальное лицо, не мог выступать открыто в печати, не рискуя карьерой ученого, а потом, будучи сослан в 1867 году и через 3 года убежав за границу, вынужден был скрывать свое имя еще больше, так как упоминание его было вообще воспрещено в России.

Лучшее из того, что написал П. Л. Лавров, издано за границей и в Россию могло попасть только контрабандой, которая, как известно, немногим доступна. Но и то, что П. Л. Лавров писал в русских журналах без подписи или под всякими псевдонимами, оставалось в тени. Лучшие из трудов Лаврова оказались ко времени нашей революции так основательно забытыми, что, когда издательство «Колос» напечатало в конце 1919 г. «Парижскую Коммуну» Лаврова, впервые изданную им за границей 40 лет до того, в 1879 г., то она показалась каким-то новым произведением, как будто только что написанным, и о ней заговорила вся наша коммунистическая печать, как о новинке-шедевре, и ее стали цитировать на-ряду с Марксом.

Иванов-Разумник, как видно из его статьи в сборнике «Вперед», посвященном Лаврову (1923 г.), тоже изменил под влиянием этой книги свое мнение о Лаврове. Он должен был признать, что Лавров такой максималист в политике революции, каким никогда не были ни Герцен, ни Михайловский.

Благодаря коммунистической печати, цитировавшей «Парижскую Коммуну» Лаврова, читатели из рабочих и крестьян тоже могли за последние 4—5 лет несколько приблизиться к новому взгляду на Лаврова.

Но, увы! Приходится сказать, что П. Л. Лавров все еще продолжает быть незнакомцем как для нашей интеллигенции, так и для широких рабоче-крестьянских масс. Те великие революционные истины, которые высказаны Лавровым в «Парижской Коммуне», более подробно обоснованы им и дополнены в других его книгах: в «Государственном элементе в будущем обществе» и в «Современной революции и задачах нравственности». Однако этих книг почти никто не знает. Для интеллигенции не-коммунистической эти книги как—бельмо на глазу, и они не хотят их замечать, а интеллигенты-коммунисты так завалены текущей работой, что им некогда этими книгами заняться. И хотя упомянутые книги уже переизданы в 1919—1921 г г., они еще неизвестны рабоче-крестьянскому читателю.

А между тем усвоение этих книг П. Л. Лаврова помогло бы духовному утверждению пролетарской революции и возглавляющей ее пролетарской партии, так как Лавров был самым пламенным проповедником той и другой.

Но этого мало. Для углубления нашего понимания исторического происхождения и исторической необходимости нынешней борьбы СССР против всего старого буржуазного мира, против которого и П. Л. Лавров был пламенным борцом, нам в высшей степени важно изучить Лаврова целиком, во всех его мельчайших произведениях, и изучить каждый шаг его общественной деятельности, которая гармонически была слита с его идеями.

Между тем до сих пор, за 7 лет революции, издана едва ли половина литературного наследия Лаврова, и многие факты его жизни и деятельности еще не исследованы. Трудность издания его сочинений заключается в том, что работы Лаврова затеряны в старых журналах и газетах, без подписи или под псевдонимами, которые еще надо раскрыть. Факты же революционной деятельности Лаврова по необходимости были покрыты тайной и оффициально самим Лавровым отрицались. С героической настойчивостью работает на поприще раскопок Лаврова П. Витязев, но очевидно, что сил одного человека для такой огромной работы мало

Еще об одном печальном обстоятельстве приходится упомянуть, потому что оно мешает введению Лаврова в обиход пролетарского читателя. О Лаврове писали до сих пор почти исключительно люди непризванные, люди не его духа, которые только по недоразумению считают его своим учителем, так как они восприняли несколько слабейших мест его, а о главнейших и сильнейших, которые против них, молчат.

Странно, в самом деле, когда о Лаврове пишет автор, выражающий свое несочувствие «восточной политике III Интернационала» (см. примечание на стр. 350 сборника «П. Л. Лавров», изд. «Колос», 1922) и считающий современную Россию «Адом и Чистилищем» (стр. 403, там же), или другой автор, полагающий, что нет разницы между Россией 1865 г. и Россией 1920 г. в том, что «перед русской интеллигенцией как тогда, так и теперь стоит тяжелая альтернатива: или отказ от лучших традиций... или бегство с родины и отказ от прямой работы на пользу своего народа» (стр. 384, там же).

Эти авторы даже не подозревают, как гордился бы Лавров «восточной политикой III Интернационала», чуждой империалистического хищничества и уже возбудившей симпатии народов Востока к СССР, как счастлив был бы Лавров тем, что Москва стала штабом международного рабочего движения и в ней происходят ежегодные всемирные рабочие конгрессы вождей пролетариата, и как презирал бы Лавров тех, кто в такое революционное время, при такой роли России в это время, лепечет что-то о «традициях» и бежит в стан ликующей буржуазии.

Естественно, что подобные «поклонники» Лаврова неспособны вложить Лаврова в наш революционный обиход, а напротив—только извращают его идеи, толкуя их односторонне.

Задача настоящей работы—содействовать тому, чтобы прекратилось это положение, позорное для памяти Лаврова как революционера, и чтобы его стали изучать не люди, сданные в архив истории, а борцы коммунистической революции, по отношению к которой Лавров является во многом предтечей, хотя он и не может быть

приемлем для нас в некоторой части своих философски-исторических и социологических положений, в которых он уклоняется от марксизма и остается идеалистом. Зато в вопросах практической политики он, независимо от Маркса, думал как революционный марксист и о диктатуре пролетариата, и о ненужности буржуазных свобод в эпоху пролетарской диктатуры, и о недопущении к школьному образованию противников нового строя, и о многом другом (см. об этом ниже).

В виду того, что полного издания сочинений П. Л. Лаврова еще нет и некоторые факты его жизни еще не исследованы, здесь не может еще быть дано исчерпывающее изображение его жизни, деятельности и учения. Автор смотрит на свою работу лишь как на первоначальный набросок, имея в виду в будущем, когда станет доступным все литературное наследие П. Л., вернуться еще к настоящей работе, чтобы ее исправить и дополнить.

Но уже сейчас автор старался свести воедино все факты его жизни, сведения о которых разбросаны в самых различных источниках и часто противоречивы, старался изложить эти факты на фоне великих исторических событий, современником которых был П. Л. Лавров, и об'яснить их как результат воздействия общественной среды, окружавшей его в России и за границей. Автор полагает, что изучение жизни, деятельности и учения П Л. Лаврова может помочь всякому «беспартийному» гражданину СССР приблизиться к пониманию тех великих задач, которые преследует мировая коммунистическая партия или III Интернационал, всякий же коммунист, изучая жизнь, деятельность и учение П. Л. Лаврова, тем самым изучит несколько страниц далекого прошлого своей собственной партии. Это прошлое восходит к I Интернационалу, хранителем политических заветов которого П. Л. Лавров оставался до конца своей жизни, и оно гораздо ближе нам по духу, чем недавнее прошлое эпохи II Интернационала.

Чтобы облегчить желающим более подробное изучение жизни, деятельности и социально-политического учения П. Л., в конце книжки приложены: 1) перечень важнейших

статей и книг П. Л. в хронологическом порядке их написания или появления в печати, 2) указатель статей и книг, использованных автором для изучения жизни, деятельности и литературного наследия П. Л. и рекомендуемых как необходимые пособия, и 3) аннотированная библиография сочинений П. Л. и работ о нем, появившихся у нас с 1917 г.

Если эта работа заинтересует личностью и учением П. Л. Лаврова рабоче-крестьянского читателя, который о нем почти не знает ничего, или заставит по-новому оценить П. Л. Лаврова читателя-интеллигента, который имеет о нем в большинстве случаев неверные предста вления, автор будет удовлетворен.

ГЛАВА I.

П. Л. Лавров до выступления на литературное и общественное поприще (1823—1857 г.г.).

П. Л. Лавров говорит сам о себе в своей автобиографии, что его миросозерцание установилось лишь в 30-х годах его жизни, то-есть в половине 50-х годов XIX века, а подробности его миросозерцания выработались лишь в 50-х годах его жизни, то-есть в середине 70-х годов. Мы знаем также из его биографии, что впервые он выступил на широкую дорогу литературной и общественной деятельности в 1857 г., когда ему исполнилось 34 года. Таким образом, чтобы понять, что представлял собою П. Л. Лавров в это время, нам надо рассмотреть прежде всего условия его личной жизни и общественную атмосферу, в которой он вырос.

П. Л. Лавров родился по старому стилю 2 июня, по новому стилю 14 июня 1823 г. в имении своего отца, богатого помещика, в селе Мелехове, Великолуцкого уезда, Псковской губернии [1]. Мать П. Л. была дочерью обрусевшего шведа Гандвига, управлявшего горным заводом в Сибири. В крови П. Л., таким образом, смешались две расы— славянская и германская, что, как известно, способствует даровитости и талантливости

П. Л. был младшим в семье. У него еще были сестра и брат, которые были старше его, первая почти на

---

[1] Как видно из формулярного списка П Л. Лаврова, написанного им самим в 1863 г и напечатанного в томе III «Красного Архива» за 1923 г, у отца его было также имение в Торопецком уезде той же губернии.

11 лет, второй на 6 лет, так что П. Л. ребенком жил среди взрослых одиноко, без товарищей по играм. Предоставленный себе самому, он рано научился думать и находить приятное занятие в рассматривании книг с гравюрами и рисунками, а в пять лет уже научился читать одновременно по-русски и по-французски, в 8 лет читал по-немецки, а через несколько лет изучил и английский язык. В то время в дворянских семьях говорили одновременно и на русском и на французском языке, для матери П. Л. немецкий язык тоже был как родной и она обучала ему младшего сына сама, английскому языку обучали старшего брата, на уроках которого П. Л. присутствовал. Обучали языкам П. Л. и специалисты-учителя, жившие в доме. Естественно, таким образом, что П. Л. рано изучил три иностранных языка, владение которыми так пригодилось ему впоследствии для научной работы.

Кроме занятий с домашними учителями, П. Л. много занимался и сам, особенно усердно упражнялся в решении задач по арифметике и в чтении исторических сочинений, писал стихи и драматические сцены.

Влияние семьи сказалось на П. Л. еще в том, что он исполнял все обряды православия, но в то же время не чужд был и религиозного вольнодумства Вольтера и французских энциклопедистов, прочитанных им в библиотеке его отца. В политическом отношении он был бесхитростным верноподданным самодержавного царя, как и отец его, который дружил с знаменитым реакционером Аракчеевым. В 1837 г., 14-ти лет, П. Л. отвезен был в Петербург на воспитание в артиллерийское училище, которое всего пять лет до того окончил М. А. Бакунин

Очутившись здесь впервые среди товарищей, П. Л. очень скоро стряхнул с себя влияние своего домашнего тепличного воспитания, к 16 годам сильно развился физически и, благодаря своим духовным качествам, был очень восприимчив и к новым влияниям окружающей среды.

В то время (в конце 30-х и в начале 40-х годов XIX века) Россия переживала бурный рост промышленности и сельского хозяйства. Вследствие промышленного переворота в Англии, своего хлеба там не хватало и он

ввозился главным образом из России. Цены на хлеб все росли, а это повело к применению капиталов к сельскому хозяйству, для чего помещики делали займы у казны под заклад крепостных душ. Появились в России первые сельско-хозяйственные выставки и даже журналы по сельскому хозяйству. Барщинный труд крепостных крестьян перестал удовлетворять русских помещиков, как труд втрое менее производительный, чем труд «свободного» земледельца. Дворянские общества начинают ходатайствовать об улучшении быта крестьян. Мысль об освобождении крестьян от крепостной зависимости, занимавшая еще декабристов, беспокоит теперь и само правительство, которое создает один за другим секретные комитеты для обсуждения крестьянского вопроса, тем более, что крестьяне учиняют бунты против помещиков. В 1842 г. появляется первый указ об обязанных крестьянах, предоставляющий им личную свободу, но с прикреплением к земле помещика, которую крестьянин должен арендовать за оброк или барщину.

Покровительственный таможенный тариф 1822 г., введенный против конкуренции английских фабричных товаров, способствует развитию русской текстильной промышленности. Правда, внутренний русский рынок в то время очень слаб вследствие отсутствия покупательной способности у большинства населения, зато правительство прокладает для русской промышленности внешние рынки, ведя войны с Персией и Турцией и заняв балканские княжества на Дунае. Министр финансов Канкрин вводит в то же время вместо обесцененных ассигнаций серебряную валюту, что облегчает торговлю и придает устойчивость промышленности. Чтобы понять, в каком темпе последняя развивалась, надо вспомнить, что еще в 1825 г. у нас было всего 170 металлургических заводов и фабрик с $22^1/_2$ тысячами рабочих и с продукцией на 3 миллиона пудов, а через 25 лет металлургических заводов и фабрик стало 299, рабочих в них—$88^1/_2$ тысяч и продукции—на 16 милл. пуд. Число фабрик и заводов выросло менее, чем вдвое, зато число рабочих в них возросло в 4 раза, а продукция в 5 раз, что свидетельствует об укрупнении производства

и о росте производительности труда. Вместо готовой пряжи, из заграницы теперь привозят хлопок, а пряжу начинают изготовлять в самой России (в 1824—1826 г.г. ввезено хлопка 74 тысячи пудов, а пряжи 337.000 пудов, в 1848—1850 г.г. ввезено хлопка 1 милл. пудов, а пряжи только 281 тыс. пудов). При Николае I проложено рельсовых путей около 1.000 верст. Значительно возросли обороты внутренних ярмарок в Ирбите, Нижнем-Новгороде, Киеве, Харькове и Полтаве, а внешняя торговля с Европой—в 3½ раза (в 1806 г. она оценивалась в 107 милл руб., а в 1857 г.—в 366 милл. руб.). В 1835 г. издается и первый фабричный закон в России о предупреждении рабочего за две недели вперед до увольнения.

Между тем политический строй России той эпохи совершенно не соответствует бурному росту ее экономического развития. Запуганное восстанием декабристов, а затем революцией во Франции и польским восстанием 1830—1831 г.г., правительство Николая I строго регламентирует весь внешний обиход жизни вплоть до ношения бороды и длинных волос. Особенно бесчеловечной муштровке подвергаются солдаты и офицеры (а солдатская служба продолжалась тогда 25 лет, т.-е. почти всю жизнь в офицерах же пребывали почти все молодые люди из дворян). Под строгий надзор поставлены учителя, университеты, а особенно литература, где в чести находятся лишь те, кто проводит знаменитые истинно-русские начала: «православие, самодержавие, народность».

И вот, на фоне этого несоответствия в развитии производительных сил и общественных отношений, из среды самого же дворянства уже с 30-х годов выделяется его лучшая, наиболее восприимчивая часть, по преимуществу молодежь, военная и студенческая (Бакунин, Огарев, Герцен, Станкевич, Грановский, Анненков, В. Боткин и др.), которая чувствует глубокое отвращение к окружающей ее политической действительности и начинает стремиться к тому, чтобы изменить ее. Сначала это выражается только в разговорах и спорах. Споры сосредоточиваются в 40-х годах вокруг вопроса об исторических судьбах России, причем все упомянутые здесь представители интел-

лигенции составляют группу «западников», а их противники (братья Аксаковы, Хомяков, Самарин. братья Киреевские и др.)—группу «славянофилов». Обе группы одинаково признают своеобразный путь экономического развития России при наличии в ней сельской общины и артели, которые предохранят ее от капитализма и пролетариата. Но между тем как славянофилы отстаивали своеобразие и политического и духовного развития России, настаивая на сохранении самодержавия и православия, западники склонялись к революции во имя демократии и даже социализма и проповедывали материализм в философии и атеизм в духе Фейербаха. Впрочем, в процессе споров, среди самих западников выделилось правое крыло во главе с Грановским, которое было ближе к либерализму.

К дворянской передовой интеллигенции к концу 40-х годов присоединяются представители свободных профессий из разночинцев, обслуживающие нашу промышленную и землевладельческую буржуазию (учителя, профессора, врачи, а особенно литераторы и их вождь Белинский). В виду политических условий, исключающих общественные выступления, передовые идеи обсуждаются в тесных кружках, принимают в литературе форму философских и эстетических споров. Кое-кому удается вырваться из духовной тюрьмы, которую тогда представляла Россия, за границу (например, Бакунин уехал в 1840 г., Спешнев, участвовавший позже в кружке Петрашевского, в 1842 г.). Здесь, в бурлившей тогда Европе, совершаются как бы идейные разведки, завязывается знакомство с республиканскими и социалистическими сочинениями, которые затем проникают и в Россию. Уже в 1845 г. Петрашевский составляет в Петербурге богатую библиотеку по истории и социальным наукам, организовывает коллективную библиотеку для выписки иностранных книг, начинает собирать на своих «пятницах» ряд лиц, ставших впоследствии общественными деятелями и писателями, и почти единолично составляет в духе фурьеризма и материализма словарь политических терминов, первый выпуск которого издан Кирилловым, а второй до выпуска в свет сожжен цензурой в 1846 г. Как свидетельствуют Достоевский и

Анненков в своих воспоминаниях о второй половине 40-х годов, влияние утопических социалистов среди русской интеллигенции было тогда очень велико: все их изучали, обсуждали, проповедывали. Даже в петербурском университете проф. Порошин, читавший политическую экономию, знакомил студентов с учениями Фурье, Прудона Луи Блана, Л. Штейна.

Политическая буря, пронесшаяся над Европой в 1848 г., производит на передовую русскую интеллигенцию особенно сильное впечатление. Реформы папы Пия IX в Италии и ее борьба за единство, затем ряд революций во Франции, Германии, Австрии, Италии, первое выступление рабочего класса против буржуазии в июне 1848 г. во Франции заставили всю мыслящую Россию, как реакционную, так и передовую, очень остро почувствовать социальный вопрос и отозваться на него значительными писаниями и выступлениями.

Между тем, как славянофилы усматривали в событиях 1848 г. лишь крушение «гнилого Запада», ежедневная пресса («Северная Пчела» Греча и Булгарина, «С.-Петербургские Ведомости») всячески поносила революцию, а правительство Николая I готовилось к походу в Пруссию и Австрию для подавления революции,—передовая молодежь с особенным интересом набросилась на политические новости. Петербургские студенты устроили специальный студенческий клуб на частной квартире, где собиралось до 400 человек, читавших запрещенные газеты и книги и ведших оживленные беседы. Вечера Петрашевского приобрели в это время большую известность, и из них выделились кружки Пальма и Дурова, Кашкина и Плещеева. Во всех этих кружках читали доклады об учении Фурье, о взглядах коммунистов на религию, а также знаменитое письмо Белинского к Гоголю и «Солдатскую беседу» Григорьева, где говорилось о расправе французских крестьян со своими помещиками и королем и о необходимости сделать то же и у нас. Проекты Петрашевского об освобождении крестьян с землей без выкупа и о республиканском правлении получили очень большое распространение. В кружке Петрашевского группа Спешнева уже говорила о возможном вос-

стании крестьян. Кружок Дурова даже решил устроить тайную типографию.

Не менее сильное впечатление произвели на передовую молодежь события 1849 г., когда революция в Европе была задушена, при чем в удушении венгерской революции принял ближайшее участие Николай I, пославший в Венгрию 130-тысячную армию, а страх перед революцией внутри России побудил того же Николая I еще более усилить систему полицейского гнета.

В Россию запрещен был в'езд иностранцам, а русским выезд разрешался лишь в порядке исключения; находившимся за границей русским предложено вернуться в Россию; ввоз иностранных книг в Россию подвергнут новым ограничениям; все подозрительные книги в книжных магазинах конфисковывались; тайный сыск стал применяться ко всем—на улицах, в театрах, на базарах и в частных домах; начали преследовать писателей: Салтыкова-Щедрина сослали в Вятку, Тургенева—в деревню, Юрия Самарина и Ивана Аксакова посадили в крепость, запретили даже славянофилам печатать свои сочинения; Белинского от ареста спасла только смерть его в мае 1848 г. Петрашевцев в числе 23 человек присудили к смертной казни, а затем их «помиловали» в момент полного приготовления к казни, подвергнув их пытке смерти и присудив их к каторжным работам, к ссылке в Сибирь и разжалованию в солдаты.

Никитенко в своем «Дневнике» насчитал в это время 12 разного вида цензур для печати. «Отечественные Записки» и «Современник» подвергались жесточайшим преследованиям, хотя редактор первого из этих журналов—Краевский, после смерти Белинского, в унисон с реакционной печатью восхвалял «самобытность» России.

Число студентов в университетах на всех факультетах, кроме медицинского и богословского, было ограничено 300. Кафедра философии была упразднена, деканам приказали наблюдать за преподаванием профессоров.

Но совершенно тщетными оказались все усилия реакционного правительства заглушить побеги революционной мысли.

Как раз в 1848 г. Чернышевский, как видно из его дневника, делается утопическим социалистом и республиканцем и начинает проводить эти тенденции в «Современнике». Среди славянофилов, в свою очередь, появляются голоса, враждебные оффициальной николаевской России и изображавшие ее в ее настоящем свете. Так, Хомяков в рукописном стихотворении, написанном в начале Крымской войны и озаглавленном «Россия», между прочим писал:

«В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна»...

Вся передовая Россия зачитывается «Бедными людьми» Достоевского, «Антоном Горемыкой» Григоровича, «Запутанным делом» Салтыкова, переводами из Жорж Занда и Евгения Сю. Герцен в книге «С того берега» впервые систематически излагает идеи будущего народничества, и в Лондоне начинает работать его печатный станок, который вскоре наводняет Россию вольным словом.

Откол от дворянства части передовой его молодежи стал несомненным фактом. Таким же фактом стало и нарождение разночинной интеллигенции. Наличность последней заметило и само правительсто при разборе дела Петрашевского, в кружке которого участвовали не одни дворяне, но и мелкие чиновники, купцы и даже приказчики. Для всей этой мелко буржуазной массы увлечение идеями левых учеников Гегеля и утопическим социализмом Сен-Симона, Фурье, Оуэна и Луи-Блана было неизбежным.

Преподаватели артиллерийского училища и некоторые из товарищей П. Л. Лаврова по этому училищу, повидимому, были вполне в курсе тех идей и споров, которые занимали в то время наиболее передовых представителей русской интеллигенции, и сами содействовали их распространению.

Как П. Л. Лавров сам указывает в своей автобиографии, в 22 года (т.-е. в 1845 г.) он перестает верить в бога

и делается материалистом. К материализму П. Л. пришел через левых гегельянцев и главным образом через Фейербаха, который учил, что бог есть лишь то, чем хотел бы быть человек, и потому у человека была и есть потребность создавать бога. В то же время П. Л. познакомился с идеями Сен-Симона, Фурье, Оуэна и Прудона. Их идеи борьбы за освобождение личности, за свободное ее развитие глубоко западают в сознание П. Л. и становятся одним из важнейших лозунгов его общественной проповеди.

П. Л. окончил курс в артиллерийском училище в 1842 г., а в июне 1844 г. назначен в том же училище преподавателем математики. В 1847 г. П. Л. Лавров женился на Антонине Христиановне Катер, происходившей из обрусевшей немецкой чиновно-дворянской семьи, вышедшей замуж за некоего Ловейко и рано овдовевшей. К 1857 г. у П. Л. было 4 детей: два сына 8 и $1^1/_2$ лет и 2 дочери 7 и 5 лет. С 1852 г. он был приглашен преподавать высшую математику в специальном классе Константиновского военного училища. По смерти отца в 1852 г. и старшего брата в 1853 г., П. Л. стал полным хозяином родового наследственного имения отца, о котором упоминалось выше.

Преподавание математических наук побуждало П. Л. Лаврова вплотную заняться историей механики в приложении к военной технике, и он заинтересовался вообще историей науки, изучив сочинения философов и ученых с древнейших времен вплоть до современной ему эпохи.

Таким образом, ко времени своего выступления на литературное и общественное поприще в 1857 г. П. Л. обладал уже большой эрудицией. В политическом отношении, как можно судить по стихам П. Л. тех годов, он был буржуазным радикалом, мечтавшим о конституции и призывавшим «суд истории» над Николаем I.

В стихотворении «Русскому народу» он пишет, обращаясь к России:

«Восстань, свободная, пред силой беззаконной,
Пред хаосом властей!
От неурядицы спасенье, оборону

Найди в душе своей!...
Предстань, царь, пред судом истории, народа,
Пред божиим судом!
Ты правду отвергал, ты попирал свободу,
Ты был страстей рабом;
Россию погубил ты гордостью пустою
И мир вооружил...
Смирись пред братьями, пред родиной святою
Ты немощен и хил.
„Простите мне“,—скажи,—„мое забвенье, братья!
Мне нужен ваш совет.
Откройте грешнику народные об'ятья,
Другой опоры нет“...

ГЛАВА II.

Литературная и общественная деятельность П. Л. Лаврова до ссылки. Начало его революционной работы. (1857—1866 г.г.)

Между тем общественная атмосфера России все более и более сгущалась. Еще за полгода до окончания неудачной Крымской войны Николай I кончает самоубийством, а Александр II берет либеральный курс, открыв более широкий доступ в университеты для молодежи, уменьшив стеснения печати и в манифесте по поводу окончания Крымской войны обещав целый ряд преобразований. Действительно, в конце 1857 г. в каждом губернском городе создаются выборные дворянские комитеты для обсуждения крестьянской реформы. Однако дворяне центральных промышленных губерний, где земля была плоха и где почти все крестьяне были на оброке, соглашаются освободить крестьян с землей, взяв за нее высокую плату, а дворяне черноземных и степных губерний, где земля была хороша, отстаивают освобождение крестьян без земли, чтобы получить в их лице дешевых сельских рабочих или выгодных арендаторов.

В итоге, «Положение о крестьянах», рассмотренное в правительственных редакционных комиссиях, в Главном Комитете и в Государственном Совете, подписанное Александром II-м 19 февраля 1861 г. и опубликованное 5 марта того же года, дало «свободу» десяти с половиной миллионам помещичьих крестьян и дворовых людей с сохранением еще на два года барщины и оброка, при чем у крестьян отнято в пользу помещиков около одной пя-

той части их прежних наделов, дворовые вовсе не получили земли, лишь 27% крестьян получили более или менее достаточный надел, а 73%—недостаточный, заплатили же они за него почти вдвое больше против его рыночной цены, что привело к большой крестьянской задолженности.

Неудивительно, что подобное «освобождение» вызвало глубокое разочарование и, как следствие его, новый взрыв тысячи ста крестьянских бунтов за каких-нибудь два года. На фоне этих крестьянских бунтов естественно зашевелилась и революционная молодежь.

В конце 50-х и в начале 60-х годов во всех крупных центрах России устроено было множество воскресных школ, где преподавала революционная молодежь. В одном Петербурге к началу 1861 г. школ было до 20-ти, а в одной из них было до 700 учащихся. Молодежь же составляла книги для народа и распространяла их с помощью офеней.

На лекции в петербургский университет ходили, кроме студентов, молодые офицеры, чиновники и даже дамы. Передовые профессора, например, Костомаров, наметили даже в связи с этим изменение университетского устава. Предполагалось также широко поставить публичные лекции.

В московском университете среди студентов было несколько сот поляков, которые были хорошо организованы и настроены революционно. В 1861 г. они подготовлялись к восстанию в Польше. В марте 1861 г. П. Г. Зайчневский, после панихиды по убитым в Варшаве демонстрантам, в костеле в Москве произнес речь, в которой призывал к сплочению под красным флагом социализма. Тот же Зайчневский летом 1861 г. занимался агитацией среди крестьян в имении своего отца в Орловской губернии и вскоре вместе с другим студентом П. Э. Аргиропуло был арестован за распространение заграничных подпольных сочинений. В то время распространялись в литографированном виде сочинения Герцена «С того берега», «Развитие революционных идей в России» и «Юрьев день», Энгельсона «Что такое государство», Огарева «Разбор книги барона Корфа» (об освобождении крестьян), запрещенные сочинения Шевченки и др. В том же 1861 г. М. И. Михайлов осужден на каторгу за составление про-

кламации «К молодому поколению», написанной Н. В. Шелгуновым. Тот же Шелгунов, имевший чин подполковника, зимой 1861 г. написал прокламацию «Русским солдатам от их доброжелателей поклон», а Чернышевский написал прокламацию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон».

Даже Казань была одним из центров студенческого революционного движения. Там многие профессора с кафедры критиковали правительство. Осенью 1861 г. студенты служили панихиду по крестьянам, убитым во время бунта в апреле 1861 г. в селе Бездне, Спасского уезда, Казанской губернии. Здесь возник даже тайный кружок, имевший целью поднять восстание на Волге, но был выдан одним из членов, оказавшимся предателем.

Стоит рассмотреть процесс двух бывших студентов Курбаковского и Блудорова, ставших учителями городского училища в г. Сергаче, Нижегородской губернии, и арестованных здесь в январе 1862 г. за атеизм и за распространение прокламации «Молодому поколению», стоит послушать заявление Блудорова на суде уголовной палаты, что он этого суда не признает, чтобы понять, какое было действенное революционное настроение у тогдашней молодежи.

Неудивительно, что, когда правительство 18 мая 1861 г. попыталось ввести в университетах новые порядки, ограничивавшие туда доступ беднякам (повышена плата за учение и значительно уменьшено число освобождаемых от платы) и вводившие там полицейский режим, во всех университетах в сентябре 1861 г. вспыхнули крупные волнения, и петербургский, московский и казанский университеты временно были закрыты. В Петербурге были 12 октября столкновения студентов с полицией, и 300 студентов было посажено в Петропавловскую крепость. Множество студентов было, кроме того, исключено из университетов, и Герцен бросил им клич: «В народ! в народ! вот ваше место, изгнанники науки!»—лозунг, впоследствии подхваченный сначала Бакуниным, а затем Лавровым.

С 1861 г. впервые развивается в России массовое революционное движение, выражающееся в студенческих

демонстрациях и в тайных революционных организациях, охватывающих сотни и даже тысячи членов. Тайное общество «Великорусс», выпустившее три листка в России (они же были напечатаны в 1861 г. в «Колоколе», что дало им еще большее распространение), летом 1862 г. было заменено другой более левой организацией «Земля и Воля», которая имела отделения по всей России. В одной Москве в ее организации было до 400 членов. В Петербурге в специальных военных частях, артиллерийской и инженерной, к «Земле и Воле» принадлежали десятки молодых офицеров. В Западном крае членами организации были до 200 офицеров, находившихся в тесных сношениях с руководителями подготовлявшегося восстания в Польше. О размахе деятельности «Земли и Воли» дает некоторое представление и факт издания ею одного номера журнала «Земля и Воля», двух номеров листка «Свобода» и нескольких прокламаций, в том числе и специально обращенных к офицерам.

Вождями революционной молодежи того времени по справедливости считались Н. Г. Чернышевский и М. А. Бакунин. Как и Герцен, Чернышевский тоже стоял за «крестьянский социализм», видя в общине здоровую хозяйственную организацию, которая может помочь России, минуя капитализм, создать сразу социалистический строй. Ко времени «освобождения» крестьян он сосредоточил все свое внимание на этом вопросе, так как понимал, что это—основной вопрос эпохи. В упомянутой выше прокламации «Барским крестьянам» он отразил подлинные интересы крестьянства, говоря об отрезках и о том, что следствием отрезков будет большая арендная платы с крестьян. Чернышевский участвовал также в 1861 г. в листке «Великорусс», в трех номерах которого говорилось о правильном разрешении крестьянского вопроса, о необходимости освобождения Польши и о конституции.

Бакунин, бежавший из Сибири и прибывший в конце 1861 г. в Лондон к Герцену и Огареву, сразу повлиял на их полевение. Когда в Петербурге по инициативе кружка Серно-Соловьевича в начале 1862 г. возникла подпольная организация «Земля и Воля», имевшая связь с Лондоном,

Бакунин сразу вступил в члены этой организации и в своей речи на банкете в Стокгольме подробно развил ее программу. В июле 1862 г. в брошюре «Народное дело—Романов, Пугачев или Пестель» Бакунин вновь развил свою программу, где он предлагает национализацию земли, народное самоуправление «с царем или без царя» (как захочет народ), но без чиновников, самоопределение всех народов России на федеративных началах, а молодежи советует итти к народу и сближаться с ним, чтобы в момент восстания быть вместе с ним.

Когда вспыхнуло польское восстание 1862—1863 г.г., Бакунин весь отдался ему, надеясь, что в России в то же время восстанут староверы и сектанты, революционная молодежь из «Земли и Воли» и Финляндия. Ему удалось привлечь на свою сторону в польском вопросе и Герцена.

Добролюбов и Писарев также сыграли немалую роль в революционизировании молодежи того времени. Добролюбов стремился согласовать жизнь с убеждениями и требовал коренного изменения общественных отношений согласно идеям высшей справедливости. Он прямо и резко ставил вопрос о борьбе с общественной несправедливостью и требовал слияния всей жизни с общественным делом. Писарев в статье, написанной по поводу брошюры Шедо-Ферроти о Герцене и напечатанной в тайной типографии, резко писал в том же духе борьбы: «Примирения нет. На стороне правительства стоят только негодяи, подкупленные на те деньги, которые обманом и насилием выжимаются из бедного народа. На стороне народа стоит все, что молодо и свежо, все, что способно мыслить и действовать». Будучи арестован, Писарев из тюрьмы в своих статьях проповедывал умственный труд и необходимость распространения естествознания.

Между тем в Петербурге весной 1862 г. появилась прокламация «Молодая Россия», написанная Зайчневским. Она говорила таким революционным языком, который превзошел самого Бакунина и встретил даже его осуждение в упомянутой выше брошюре «Народное дело — Романов, Пугачев или Пестель».

Прокламация «Молодая Россия» начинается словами «Россия вступает в революционный период своего существования» и кончается возгласом: «Да здравствует социальная и демократическая республика русская!» Она констатирует, что «революции всё способствует в настоящее время волнение Польши и Литвы, финансовый кризис, увеличение налогов, окончательное разрешение крестьянского вопроса весною 1863 г., когда крестьяне увидят, что они кругом обмануты царем и дворянами; а тут еще носятся слухи о новой войне. Начнется война, потребуются рекруты, произведутся займы, и Россия дойдет до банкротства. Тут-то и вспыхнет восстание, для которого достаточно будет незначительного повода». Авторы прокламации заявляют, что «Колокол» Герцена не служит больше выражением мнений «революционной партии» при своей только либеральной программе. Они заявляют, что «изучали историю Запада и это изучение не прошло для нас даром: мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48-го года, но и великих террористов 92-го года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90 х годах». Они смеются и над наивностью редакции «Великорусса», думающего адресами государю спасти Россию.

Воззвание это распространялось и в войсках среди офицеров, подброшено было в некоторые дома. Однако призывы к кровавой расправе, пожары в Петербурге в мае 1862 г., приписывавшиеся поджогам студентов, и польское восстание 1863 г. вызвали усиление реакции. Еще в июне и июле 1862 г. были закрыты все воскресные школы и читальни, закрыт «Шахматный клуб», где собирались литераторы, закрыто общество для пособия студентам, затруднено чтение публичных лекций, об'явлены суровые временные правила о печати, установлен надзор за типографиями, приостановлены на 8 месяцев «Современник», «Русское Слово» и «День». Пошли аресты участников «Земли и Воли» и «Молодой России». Среди арестованных были также и Чернышевский, Писарев и один из двух братьев Серно-Соловьевичей. С величайшей жестокостью распра-

вился Муравьев-вешатель с восставшими поляками, а 19 мая 1864 г. совершен акт торговой казни на площади над Чернышевским, и он сослан на каторгу. Вместо того, чтобы устрашить молодежь, эти репрессии еще более возбудили ее.

Зимой 1863—1864 г. в Москве возникает «ипатовский» кружок, из которого в 1865 г. выделяется новое тайное общество «Организация», вскоре в свою очередь выделившее из своей среды в начале 1866 г. террористическую группу «Ад» во главе с Ишутиным. В задачи этого общества входили не только пропаганда среди крестьян и революционизирование их, но и устройство, согласно идеям Чернышевского, разных производительных ассоциаций (артелей и мастерских), библиотек и бесплатных школ, чтобы посредством их сближаться с народом; устройство обществ «взаимного вспомоществования», «переводчиков и переводчиц» и т. п. «Организация» предписывала части своих членов раз'ехаться по провинциальным городам, знакомиться там с молодежью, организовывать ее и распространять среди нее идеи социализма. Устав «Организации» был основан на централизации и строжайшей тайне от вновь принятых членов, при чем все члены общества обязаны были беспрекословно исполнять все приказания своих руководителей вплоть до совершения уголовных преступлений, иначе им угрожала смерть. Группа «Ад» предполагала, что убийство Александра II послужит началом всеобщего восстания и социальной революции. Прокламация «Друзьям—рабочим», обращенная ко всему трудящемуся населению, должна была раз'яснить смысл цареубийства. Из среды этой группы вышел Д. В. Каракозов, покушавшийся 4 апреля 1866 г. на Александра II. Перед казнью он написал царю письмо, где говорил, между прочим: «Если бы у меня было сто жизней, а не одна, и если бы народ потребовал, чтобы я все сто жизней принес в жертву народному благу,—клянусь всем, что есть святого, что я ни на минуту не поколебался бы принесть такую жертву».

В такую бурную эпоху мог ли П. Л. Лавров оставаться спокойным наблюдателем совершавшихся событий и не поддаться настроению окружавшей его революционной студенческой и военной молодежи?

Начиная с 1857 г., П. Л. весь уходит в литературную и общественную работу. Обе эти сферы работы неразрывно слиты у него. Еще в 1841 г напечатано в «Библиотеке для чтения» его стихотворение «Бедуин». Начиная с 1852 г. в «Артиллерийском Журнале» появляются его заметки по технике военного дела и обзоры военных журналов и книг. В 1857 г. он посылает Герцену для напечатания в «Колоколе» 2 политических стихотворения с препроводительным письмом, которые и были напечатаны в приложении к «Колоколу» — в 4-й книжке «Голосов из России». Эти 2 стихотворения, равно как и другие политические стихотворения П. Л., нелегально переходили из рук в руки и переписывались всей тогдашней передовой интеллигенцией. В легальной печати в России П. Л. выступает со статьями на научные и философские темы— о воспитании, о системе наук, о гегелизме, о механической теории мира. В 1860 г. выходит в свет первая книга П. Л. «Очерки вопросов практической философии. Личность», а затем появляется в журналах ряд статей по философии и, наконец, интересные труды: «Влияние развития точных наук на успехи военного дела и в особенности артиллерии» и «Очерк истории физико-математических наук», напечатанные одновременно в «Артиллерийском Журнале» и «Морском Сборнике» за 1865 и 1866 г.г. В то же время П. Л. пишет предисловие и редактирует переводы «Логики» Милля и «Классификации наук» Спенсера, работает в качестве помощника редактора «Артиллерийского Журнала», заведует философским отделом «Энциклопедического словаря русских ученых», закрытого в 1863 г. за «безбожие», и негласно редактирует «Заграничный Вестник» в 1864 — 66 г г., так как III отделение и цензурный комитет не утвердили его официальным редактором этого журнала.

Несмотря на свое оффициальное положение военного профессора (а в это время П. Л., кроме указанных выше учебных заведений, читает еще высшую математику в Артиллерийской Академии, с 1849 г. носит чин полковника и орден Анны 3-ей степени, а с апреля 1861 г.—орден Станислава 2-й степени), П. Л. выступает публично и с речами

против правительственных мероприятий на общих собраних в петербургской городской думе и в петербургском губернском земстве, членом которых он состоял, как землевладелец. В сентябре 1861 г. П. Л. присутствует на сходке студентов в университетском дворе, «воодушевляя их словами и вмешательством в их буйные предприятия», как говорит донесение агента охранного отделения. П. Л. принимает участие и в ряде других общественных выступлений: 1) в двух письменных протестах на имя министра народного просвещения по поводу ареста поэта-революционера М. И. Михайлова (15 и 16 сентября 1861 г.), 2) против проекта университетского устава Н. И. Пирогова и 3) против травли студенческой молодежи в печати (последнее выступление имело место в мае 1862 г. одновременно с Н. Г. Чернышевским; за несколько месяцев до ареста Чернышевского П. Л. сблизился с ним).

Царское правительство составляет себе определенное мнение о крамольном профессоре П. Л. Лаврове уже в 1861 г. и, когда студенческий комитет из уволенных студентов приглашает П. Л. читать лекции по философии в Вольном Университете, оно ему это запрещет. В мае 1861 г. не разрешена П. Л. лекция о грамотности в пользу воскресных школ [1]. Точно так же министр народного просвещения не допускает П. Л. занять кафедру философии в петербургском университете, хотя его кандидатуру поддерживает известный в то время профессор К. Д. Кавелин.

Эти неприятности не останавливают общественных выступлений П. Л. Он продолжает быть главным организатором и одним из старшин литературного «Шахматного клуба» (служившего центром собраний всей передовой интеллигенции), он устраивает собрания офицеров-артиллеристов у себя на квартире по вопросу о помощи студенчеству в его выступлениях и демонстрациях. Осенью 1864 г. под его поручительством освобожден из Петропавловской крепости студент Пушторский. Будучи казна-

[1] См. статью М. Лемке «Дело о публичных лекциях в 1880-х г.г.» в «Историко-литературном сборнике», посвященном В. И. Срезневскому Изд. Отделения Русск. Яз. и Слов. Р. А. Н. Лгр. 1924.

чеем комитета Литературного Фонда и членом его с февраля 1862 г. до 2 февраля 1864 г. [1], затем членом его ревизионной комиссии, П. Л. Лавров 6 марта 1865 г. вносит предложение в Литературный Фонд о выдаче денежного пособия Н. Г. Чернышевскому и о ходатайстве перед правительством о пересмотре его дела. П. Л. собирает деньги по подписному листу в пользу тогдашнего крамольного профессора П. В. Павлова и составляет проект протеста против его высылки. В 1865 г. П. Л. организует первое в России «Общество женского труда», участвует в «Комитете грамотности» и в «Обществе издания дешевых книг для народа», куда он делает денежные взносы. В 1866 г. П. Л. принимает участие в «Издательской артели», чтобы избавить переводчиков и литераторов от эксплуатации издателей и давать заработок безработным литераторам и переводчикам (как мы видели, подобные артели устраивались и ишутинской «Организацией»).

Все эти факты говорят о политическом радикализме П. Л. в тот период его жизни. В 1862 г. П. Л. введен был А. Н. Энгельгардтом (преподавателем химии в Артиллерийской Академии) в подпольную революционную организацию того времени «Земля и Воля». Хотя сам П. Л. говорит, что активного участия в «Земле и Воле» не принимал, но и голый факт вхождения в эту организацию, в связи с указанными выше его выступлениями, во всяком случае рассеивает легенду о том, что до своей ссылки П. Л. был просто буржуазным либералом. Интересно отметить, что главное свое сочинение этого периода своей жизни «Очерки вопросов практической философии. Личность», вышедшее в 1860 г., П. Л. посвятил Герцену и Прудону, хотя по цензурным соображениям скрыл это посвящение под инициалами. Можно предположить, что П. Л., бывший постоянным читателем «Колокола» Герцена, познакомился в нем и с «Коммунистическим Манифестом», переведенным для него в 1862 г. Во всяком случае, недавно найденная П. Витязевым статья «Постепенно», написанная им не позже

[1] См. список членов комитета Литературного Фонда на стр. 73 «Юбилейного сборника Литературного Фонда 1859—1909».

января 1863 г., представляющая в насмешливом виде постепенный ход реформ, говорящая о необходимости одновременного коренного изменения общественного строя и заканчивающаяся остроумной сказкой о четырехкрылом хане, явно свидетельствует о революционном настроении П. Л. Всякого рода меньшевикам и «минималистам действительности» и в наши дни очень полезно прочитать эту статью [1].

Во всяком случае, когда П. Л. говорит в своей «Автобиографии», что «с самого начала своей литературной деятельности необходимость политического и социального переворота была для него очевидна, и указания на это можно легко найти в его печатных произведениях, в особенности же в его стихотворениях», мы можем ему вполне поверить.

---

[1] В статье «Постепенно» вероятнее всего отразилось влияние на П. Л. со стороны Чернышевского, который еще в 1861 г. в «Современнике» (январь, стр. 37—38), тоже в иносказательной форме, развил мысль о «благодетельных скачках» в истории, подвигающих далеко вперед общественное развитие. «Исторический путь— не тротуар Невского проспекта... Кто боится быть покрытым пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность»...

ГЛАВА III.

Ссылка П. Л. Лаврова, бегство его за границу и окончательное политическое оформление (1866—1871 г.г.).

После всего сказанного выше о политической деятельности П. Л., неудивительно, что, когда Каракозов 4 апреля 1866 г. сделал попытку застрелить Александра II, и царское правительство начало с особым усердием искоренять крамолу, оно обратило внимание и на П. Л.

[25 апреля 1866 г. у П. Л. произведен обыск, найдены письма, свидетельствовавшие о его знакомстве с Чернышевским, М. И. Михайловым и Н. И. Утиным (последний летом 1863 г. бежал за границу), найдены крамольные стихи его против Николая I и Александра II и, наконец, в корректурных гранках упомянутая выше статья «Постепенно», послужившая главной уликой для установления революционного настроения П. Л.] Хотя никакой связи П. Л. с Каракозовым обнаружить не удалось, его все же предают суду военно-судебной комиссии, увольняют со службы, 9 месяцев держат в тюрьме и 15—27 февраля 1867 г. увозят в ссылку в глухой городишко Тотьму, Вологодской губернии, где было лишь несколько ссыльных. Осенью 1868 г. его переводят в губернский город Вологду, но, вследствие происков местных жандармов, через два месяца, в октябре 1868 г., увозят в еще бо́льшую глушь, чем Тотьма,—Кадников, где П. Л. был единственным ссыльным и где он находился под наблюдением двух жандармов, специально для этого назначенных. Впро́чем, ссылку П. Л. разделяла и его престарелая мать, жившая с ним и в Тотьме, и в Вологде, и в Кадникове.

В момент своего ареста П. Л. был уже вдовцом: жена его умерла после тяжкой болезни еще в 1865 г. По прибытии в Тотьму П Л. сблизился и вступил в гражданский брак с польской революционеркой Анной Павловной Чаплицкой, сосланной туда же еще с февраля 1866 г. Есть известия, что П. Л. старался принимать участие в общественной жизни даже в Тотьме, где он устраивал любительские спектакли. Но больше всего он занимался научно-литературной работой, написав здесь целый ряд статей на самые разнообразные темы для журналов «Вестник Европы», «Современное Обозрение», «Отечественные Записки» и «Неделя», а также для «Невского Сборника». В «Неделе» были напечатаны в виде ряда статей его знаменитые «Исторические письма», где необходимость служения народу, провозглашенная незадолго до этого Герценом и бакунистами, выставлялась как непререкаемое веление совести и как долг всякого порядочного человека (подробный список всего написанного П. Л. в период 1866—1870 г.г., а также и в другие годы до и после ссылки, см. в I-м приложении к настоящей работе).

В годы ссылки содержание работ П. Л. принимает новое направление. Если до ссылки он пишет главным образом по вопросам философии и истории науки, то теперь он начинает работать в области истории, истории культуры, социологии и антропологии. Здесь же зарождается у П. Л. и план его работы по истории мысли, который он впоследствии разрабатывал до самой смерти в течение 30 лет.

Условия жизни в ссылке не были вполне благоприятны для литературной работы П. Л. Прежде всего ему не хватало книг, и затем на него вредно влиял климат Вологодской губернии. Еще во время жизни П. Л. в Тотьме о переводе его в более южные губернии хлопотала в Петербурге Е. А. Штакеншнейдер, близкий друг П. Л., но хлопоты эти не увенчались успехом. Так как гражданская жена П. Л.—А. П. Чаплицкая в июне 1868 г. получила разрешение переехать в Пензенскую губернию, при чем этот переезд, по ее замыслу, должен был только облегчить ей бегство за границу, то можно предположить, что и П. Л. еще во

время своего пребывания в Тотьме задумал также бежать за границу. Как сообщает Русанов, П. Л. вел переговоры о своем бегстве (конечно, письменные и через третьих лиц) даже с Герценом. Повидимому, в ожидании побега П. Л., Чаплицкая задержалась в ссылке до февраля 1869 г., живя в Вологде, куда неоднократно из Кадникова тайно приезжал к ней на свидания П. Л. В марте 1869 г. П. Л. писал князю Суворову, имевшему репутацию либерала, хлопоча через него о разрешении ему выехать за границу, и, когда эти хлопоты остались без ответа, только побег другого ссыльного Сажина в июне 1869 г., побудивший местные власти усилить свой надзор за ссыльными, помешал П. Л. бежать за границу еще в 1869 г. вслед за Чаплицкой. Во всяком случае Г. А. Лопатин, приехав в Петербург в начале 1870 г., узнал там, что П. Л. уже целый год собирается бежать за границу, что и побудило Лопатина лично поехать в Кадников, чтобы помочь П. Л. осуществить свое намерение. (Как известно, П. Л. бежал с помощью Лопатина 15—27 февраля 1870 г.).

Уверенность П. Л. в близком торжестве русской революции, вынесенная им из знакомства с революционным настроением окружавшей его в Петербурге военной среды (само правительство, как свидетельствует Герцен, было тогда убеждено в неизбежности всеобщего крестьянского восстания), желание соединиться с горячо любимой им Чаплицкой и потребность в создании для себя лучших условий для научной работы были главными причинами побега П. Л. из ссылки. Повидимому, П. Л. предполагал, что, вследствие изменившихся в России политических условий, для него возможно будет скорое возвращение на родину. Но обстоятельства сложились иначе.

1—13 марта 1870 г. П. Л. прибыл в Париж, где уже находилась Чаплицкая. Он вошел в ученые круги, 21 апреля того же года стал действительным членом Парижского Антропологического Общества и сблизился с известным французским ученым Брока, который считается отцом современной антропологии. Но в то же время П. Л. не мог не подвергнуться влиянию тех политических событий, очевидцем которых он стал в Париже.

В тот год во Франции оппозиционное настроение против правительства Наполеона III все возрастало. Как раз в начале 1870 г. на крупнейшем металлургическом заводе Шнейдера в Крезо, по случаю стачки рабочих, были вызваны войска, стрелявшие в рабочих. Это вызвало огромное сочувствие рабочих к Интернационалу и массовое присоединение к нему. В Париже, Руане, Марсели и Лионе образовались областные федерации Интернационала. В июне 1870 г. правительство предало суду 39 членов Интернационала в одном Париже. Правительственные газеты настаивали на войне для поддержания престижа династии; министр иностранных дел произнес в палате депутатов воинственную речь, парижская полиция организовала патриотические манифестации, и вопрос о кандидатуре двоюродного брата прусского короля на оказавшийся вакантным испанский престол послужил поводом к об'явлению Францией войны Пруссии 19 июля 1870 г. Члены парижской и других французских федераций Интернационала за несколько дней до об'явления войны протестовали против нее в особом воззвании к немецким рабочим. Вильгельм Либкнехт и Август Бебель, в качестве социал-демократических депутатов северо-германского рейхстага, воздержались от голосования кредитов на войну с Францией. Против войны протестовал в специальном манифесте и Генеральный Совет Интернационала в Лондоне. Все эти факты и репрессии против членов Интернационала французского и прусского правительств много заставили о себе говорить и, хотя Первый Интернационал еще был тогда слишком слаб, чтобы предотвратить войну, но уже самое его намерение не допустить ее не могло не обратить на себя внимания такого человека, как П. Л. Действительно, нам известно, что П. Л. близко сошелся с членом Первого Интернационала переплетчиком Варленом, бывшим учеником Бакунина, и осенью 1870 г., уже после начала войны, введен был им в члены Интернационала, в секцию Терн (так назывался один из городских округов Парижа).

Между тем, вследствие неподготовленности Франции к войне, ее войска уже с начала августа стали терпеть поражения. Это вызвало еще больший рост оппозиции про-

тив правительства Наполеона III, и 14 августа, под руководством Бланки, сделана была даже попытка восстания, окончившаяся неудачей; но, после капитуляции французской армии 2 сентября (после битвы при Седане), через 2 дня восстал весь Париж, и династия Наполеона была низложена.

4 сентября 1870 г. образовалось «правительство национальной обороны» из членов республиканской буржуазной партии. Рабочий класс, хотя имел уже такие организации, как 4 областные федерации Интернационала и Федерацию рабочих синдикальных камер (с конца 1869 г.), хотя стал уже на путь коллективизма в духе Бакунина и Бланки вместо недавнего увлечения мелко-буржуазной проповедью Прудона (что видно из позиции французских депутатов на Базельском конгрессе Интернационала осенью 1869 г.), однако, не составляя сплоченной политической партии и не обладая общей программой и тактикой действий, не сумел стать во главе событий в эти дни переворота. Большинство рабочих во главе с амнистированным Бланки преисполнены были патриотизма и поддерживали «правительство национальной обороны». Лишь после того, как член правительства Гамбетта, принявший делегацию от рабочих, не удовлетворил целого ряда ее требований, касавшихся обороны страны, рабочие в противовес правительству создали свою особую организацию—«Центральный Комитет 20 округов Парижа» для контроля над агентами правительства и для содействия обороне Парижа. После обложения Парижа германской армией (с 18 сентября) почти все парижские рабочие вошли в национальную гвардию, достигшую 300.000 человек. Вследствие саботажа обороны правительством передовые рабочие стали вскоре называть правительство «правительством народной измены» и задумали заменить его коммуной, т.-е. городским самоуправлением. В этом замысле большую роль сыграл Бакунин и его последователи среди французских рабочих. 28 сентября 1870 г. бакунисты сделали попытку захватить ратушу в Лионе, 2 октября—в Бресте, 31 октября—в Лионе и в Париже, а 4 ноября—опять в Лионе. Все эти попытки окончились безрезультатно, так как большинству рабочих лозунг коммуны был еще непонятен. Неудачей окончилась

и попытка восстания Бланки 22 января 1871 г. в Париже. Но по мере того, как положение парижской бедноты все ухудшалось из-за недостатка с'естных припасов и топлива, не только рабочие, но и мелкая буржуазия начинают надеяться, что Коммуна могла бы удачной вылазкой прогнать осадившего город врага и ввести равномерное распределение продуктов. Капитуляция правительства перед врагом и принятие 27 февраля 1871 г. позорного мира Учредительным Собранием (Франция обязалась уплатить 5 миллиардов франков контрибуции и отдать Эльзас-Лотарингию), состоявшим в большинстве из монархистов, возбудили в массах оскорбленные чувства патриотизма. Закрытие 10 марта 5 левых республиканских газет, ряд провокационных декретов Национального Собрания 11 марта 1871 г. (отказ в отсрочке квартирной платы и приказ об уплате в 2 дня по всем векселям, просроченным по случаю войны с 13 августа 1870 г., что повело к опротестованию 150.000 векселей в течение 4 дней в одном только Париже), возбудивших против правительства, кроме рабочих, и мелкую и среднюю буржуазию, наконец провокационная попытка на заре 18 марта захватить у национальной гвардии артиллерийские орудия,—все это стихийно вызвало новую революцию 18 марта. Правительство бежало в Версаль, а Центральному Комитету национальной гвардии поневоле пришлось занять ратушу и назначить выборы в Коммуну. При всех ошибках, сделанных Центральным Комитетом при организации выборов, все же в правительство Коммуны вошло 27 рабочих, 13 служащих, 32 представителя революционной интеллигенции, 4 мелких торговца и 2 офицера—всего 78 человек и среди них ни одного представителя господствовавших классов. Это было первое в новой истории настоящее демократическое правительство. Его декреты, хотя и были далеки от социализма и от полного понимания интересов классовой борьбы, все же коренным образом отличались от законов любого буржуазного правительства и имели в виду подлинное благо беднейшей части населения. Притом с самого начала правительству Коммуны пришлось выдержать все испытания гражданской войны, так как бежавшему в Версаль прави-

тельству удалось столковаться с неприятелем, до срока вернуть из плена свыше 100.000 войска, пополнить его войсками из провинций и психологически настроить их против парижан, как против бунтовщиков-тунеядцев и разбойников (о такой психологической подготовке войска да и всего крестьянского населения Франции позаботилась правительственная печать).

П. Л. Лавров всеми обстоятельствами своей предыдущей жизни был прекрасно подготовлен к тому, чтобы правильно понять совершавшиеся на его глазах великие исторические события и всей душой сочувствовать наиболее передовым представителям рабочего класса. Он пережил осаду Парижа немцами как и все, в определенные часы отправлялся в продовольственный участок и там получал установленный паек, а после снятия осады ходил пешком в предместья Парижа, чтобы принести оттуда на своих плечах мешок с картофелем и другими съестными припасами. После провозглашения Коммуны он не бежал, а остался в Париже и через члена Коммуны Варлена предложил правительству Коммуны свои услуги по организации школ.

Еще в марте 1871 г., сейчас же после провозглашения Коммуны, он пишет своему другу Е. А. Штакеншнейдер: «В первый раз на политической арене не честолюбцы, не болтуны, а люди труда, люди настоящего народа... Я очень сочувствую этой партии, и единственные здешние связи мои, весьма незначительные впрочем, в этом кругу».

5 мая 1871 г., когда Коммуна уже видимо стала изнемогать от напора контр-революционных войск, осадивших снова Париж, П. Л. пишет тому же другу: «Борьба Парижа в настоящую минуту—борьба историческая, и он действительно находится теперь в первом ряду человечества Если бы ему удалось отстоять себя, это бы подвинуло историю значительно вперед; но, если он и падет, если реакция восторжествует, идеи, засвидетельствованные несколькими неизвестными людьми, вышедшими из народа, настоящего народа, и ставшими во главе управления, эти идеи не умрут»...

Но П. Л. не довольствовался одним лишь словесным сочувствием Коммуне. В том же мае месяце он решает

поискать помощи Коммуне вне Франции у Интернационала, который он, как и многие в то время, считал очень могущественной организацией с миллионами членов, могущих путем манифестаций на французских границах оказать надлежащее давление на контр-революционное правительство Франции. Получив паспорт у правительства Коммуны и крупную сумму денег и предупредив о своем отъезде Варлена, П. Л. с успехом пробрался в Брюссель, где во главе местного федерального совета Интернационала, стоял тогда Цезарь Де-Пап, а потом в Лондон— в Генеральный Совет Интернационала, возглавлявшийся Марксом и Энгельсом.

В лице П. Л. Маркс и Энгельс имели перед собой первого очевидца героической борьбы Парижской Коммуны за свое существование, первого свидетеля ее социально-политических мероприятий, сумевшего дать им надлежащую оценку. Можно поэтому предположить, что рассказы П. Л. о Коммуне оказали некоторое влияние на анализ и оценку событий Парижской Коммуны, которым подверг их Маркс в своей «Гражданской войне во Франции».

Но, к сожалению, П. Л. не удалось оказать Парижской Коммуне помощи путем рабочих манифестаций (Первый Интернационал был для этого слишком малочислен и слаб), и вскоре Парижская Коммуна была потоплена в крови (28 мая 1871 г.). Крупная сумма денег, полученная П. Л. от правительства Парижской Коммуны на военную поддержку, передана им Генеральному Совету Интернационала и пошла на поддержку беглецов Парижской Коммуны. (См. Неттлау «Биография Бакунина»).

П. Л. вернулся в Париж, обогащенный личным знакомством с вождями Интернационала и с подлинным состоянием рабочего движения в это время. И характерно, что, хотя П. Л. и убедился в слабости Интернационала и в неизбежности поражения Парижской Коммуны, он на всю жизнь делается их поклонником. 10—22 октября 1871 г., через 5 месяцев после поражения Коммуны, он дает ей в письме такую оценку:

«Для тех, кто истинно желает прогресса человечеству, кто знает, что лишь на пути социального переворота

этот прогресс в настоящем возможен, кто привык всматриваться глубже в ход истории и не пугается некоторого количества крови и гноя, которые текут под его ланцетом из ран человечества, для тех Парижская Коммуна—одно из замечательнейших явлений истории... Парижская Коммуна 1871 г. будет важною эпохою человеческого движения, и эта дата не забудется»...

В другом письме П. Л. пишет: «Революция 1871 г. не была социальной революцией, но она была приближением к ней. Это, ее неизменная заслуга, и поэтому я считаю ее важною эпохой в истории».

ГЛАВА IV.

Влияние «Исторических писем» и приглашение П. Л. редактировать заграничный орган русского революционного движения (1871—1873 г.г.).

Мы видели, что П. Л. имел связь с социалистами из «Земли и Воли» еще в 1862 г. Вступление в Интернационал, сочувствие Парижской Коммуне и знакомство с основоположниками научного социализма естественно должны были еще более приблизить его к социалистам. Но в это же время случился ряд событий в России, которые окончательно привели П. Л. в лагерь борцов за социализм и выдвинули его в качестве одного из вождей русского революционного движения.

В России в те годы революционное настроение все более и более нарастало. «Освобожденная» деревня постепенно расслаивалась на безземельных и безлошадных батраков и многочисленных кулаков. В значительной степени этому расслоению содействовали высокие арендные цены на землю, система все возраставших косвенных налогов и тяжесть выкупных платежей за землю. Избыточное деревенское население уходило в города и там увеличивало собою ряды пролетариата. Города росли. Фабрики и заводы, основанные главным образом с помощью иностранной буржуазии, умножались, увеличивалась железнодорожная сеть и водный транспорт по рекам внутри России, основывались банки и всякие акционерные компании, росла внешняя торговля, так как завоевание Кавказа в 1859—1864 г.г. и покорение Туркестана и Бухары в 1867—1868 г.г. открыли дорогу русской торговле фаб-

рикатами в Персии и Турции и дали России хлопковое сырье из Туркестана. В 1871 г. восстановлены были военные права России и на Черном море, утраченные было ею после Крымской войны, и возобновилась торговля русским сырьем через Дарданеллы. Русская промышленная буржуазия росла и обрастала обслуживавшей ее интеллигенцией. Введение губернских и уездных учреждений и публичного суда с 1864 г. тоже увеличило кадры разночинной интеллигенции в виде агрономов, статистиков, врачей, учителей, адвокатов и т. п. К этой разночинной интеллигенции вскоре примкнула учащаяся молодежь из дворян, оскудевших после «освобождения» крестьян и склонных к покаянию в своем былом крепостничестве. Зарождался и рабочий класс, начавший напоминать о своем существовании стачками. Первая большая стачка произошла на Морозовской фабрике в 1865 г., в 1869 г. была стачка на фабрике Коншина в Серпухове, а в 1870 г. мы видим целую серию стачек в Питере, на Невской бумагопрядильне и в других фабриках.

Были в это время в России отдельные люди, которые уже ясно понимали историческую роль рабочего класса на Западе, как ее выяснил Маркс. В 1869 г. известный впоследствии критик и революционер П. Н. Ткачев перевел на русский язык знаменитое предисловие к книге «К критике политической экономии» Маркса, где дано сжатое изложение исторического материализма. На своем магистерском экзамене в Киеве в 1868 г. Николай Иванович Зибер, по предложению проф. Н. Х. Бунге, блестяще изложил теорию Маркса. Зибер был первым истолкователем марксизма в русской легальной литературе. Его любимая поговорка: «Пока мужик не выварится в фабричном котле, ничего у нас путного не будет». Г. А. Лопатин, который увез П. Л. Лаврова из ссылки, сблизился с Марксом и Энгельсом в 1870 г., кооптирован был ими в Генеральный Совет Интернационала и участвовал во всех его заседаниях. Лопатин побудил некоторую часть русской молодежи изучить сочинения Маркса. В сентябре 1869 г. учившаяся в Женеве русская молодежь, образовавшая там русскую секцию Интернационала во главе с Н. И. Утиным, избрала

самого Маркса своим представителем в Генеральном Совете. Когда в марте 1872 г. в Петербурге вышел в издании Полякова переведенный Г. А. Лопатиным и Николаем—оном (начал перевод Бакунин еще в 1868 г.) первый том «Капитала», то 3.000 экземпляров этого издания распроданы были очень скоро, а в мае 1872 г. в «Вестнике Европы» появилась очень хорошая статья по поводу первого тома «Капитала», написанная И. Кауфманом. Зимой 1872 г. в студенческих кружках в Петербурге читались рефераты, излагавшие «Капитал» (см. Аптекман «Общество «Земля и Воля» 70-х годов», изд. 1924 г., стр. 65—66). Н. Русанов рассказывает в своих мемуарах, что в 1873 г. в Твери он знал бывшего члена «Молодой России» Зайчневского, изучившего «Капитал», «Коммунистический Манифест» и «Гражданскую войну во Франции» (см. «Летопись революции» № 13. Н. С. Русанов. «Из моих воспоминаний». Берлин. 1923).

Но все эти явления, уже намечавшие неизбежность правильного осознания русской революционной интеллигенцией исторического пути развития России, стояли как бы в стороне от большой дороги тогдашней русской общественной мысли. Пролетариата в России тогда еще было слишком мало, чтобы это могло быть иначе. К тому же идеология масс и даже идеология интеллигенции, как массы, почти всегда отстает от экономического развития. Хотя рабочий класс уже начинал шевелиться и давать о себе знать, но он был еще малочислен и его не замечали. По традиции, шедшей еще от Герцена и воспринятой «Землей и Волей» начала 60-х годов и Чернышевским, революционная интеллигенция конца 60-х годов, считавшая своим вождем Бакунина, менее всего рассчитывала в своих революционных планах на рабочий класс. Она мыслила себе социалистическую революцию только через крестьянство, так как в нем находила уже в готовом виде зачатки социализма (в общине и в артели). Она была уверена, что обманутые «освобождением» крестьяне одни только могут совершить революцию. Она видела в 1.100 крестьянских бунтах начала 60-х годов явные признаки готовности крестьян к революции. Вышедшая в 1869 г.

книга Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», выяснившая положение «освобожденных» крестьянских масс, только могла утвердить революционное настроение молодежи. (О значении книги Флеровского см. в указанной выше книге Аптекмана, стр. 73). Агент Бакунина и его международного анархического «Альянса»— Нечаев в 1869 г. создал в России ряд революционных кружков, которые назначили твердую дату революции 19 февраля 1870 г., когда по «Положению» 1861 г. должны были прекратиться временно-обязательные отношения крестьян к помещикам. Революция должна была быть совершена главным образом крестьянской и городской голытьбой, «разбойниками», но ей помешало убийство Нечаевым студента Иванова в ноябре 1869 г. и вынужденное бегство Нечаева за границу.

Хотя П. Л. Лавров жил в конце 60-х годов в глуши ссылки, вдали от центров русской революционной молодежи, он слишком был проникнут ее чаяниями, чтобы не быть их верным выразителем в своих писаниях. В «Исторических письмах» П. Л. затронул как раз самые животрепещущие вопросы тогдашней современности, нащупанные им среди окружавшей его в Петербурге передовой военной и университетской молодежи, сумел придать им наиболее общечеловеческое философское и нравственное выражение, согласовав их с идеей прогресса и активной деятельностью во имя прогресса, как она мыслилась революционной разночинной интеллигенцией. Проповеди личного усовершенствования в духе Писарева на основе изучения естествознания он противопоставил проповедь общественной деятельности на основе изучения развития общества и предпочтения сознательной цивилизации косной культуре. Бывши сам еще так недавно помещиком и владельцем крепостных «душ», он сумел одновременно выразить и настроение «кающихся дворян», ставших, «ценой» крепостничества миллионов, меньшинством «критически мыслящих личностей». Таким образом, его проповедь «уплаты долга народу» путем жертвенных дел в его пользу явилась синтезом индивидуализма, присущего мелко-буржуазным разночинцам и «кающимся дворянам», и их

жажды общественного революционного дела, вызывавшейся их тогдашним положением крайне шатким и неустойчивым, вследствие полного их политического бесправия. Неудивительно поэтому, что «Исторические письма» возбудили интерес в передовой молодежи и читались нарасхват еще во время печатания их в «Неделе», несмотря на то, что написаны они были тяжеловатым, отвлеченным языком. Можно предположить, что интерес этот подогревался еще тем обстоятельством, что об авторе «Исторических писем» все знали, что он сам «страдал» в ссылке, и предстaвлялся всем в ореоле мученика и борца за правду, у которого слово не расходится с делом.

В то время, кроме П. Л., к активной деятельности в пользу народа из вождей тогдашней интеллигенции звал еще только Бакунин через упомянутые выше нечаевские кружки. Но бакунинская проповедь о революции «голытьбы» могла пугать разночинную и дворянскую интеллигенцию России, так как она вовсе не чувствовала себя «голытьбой». Напротив, она видела перед собою все расширяющееся поле общественной деятельности в качестве врачей, адвокатов, судей, литераторов, инженеров и т. п., а мешало ей только ее политическое бесправие. Разночинная и дворянская интеллигенция еще слишком близка была к той среде, из которой она произошла, чтобы не дрожать за жизнь своих матерей и сестер в случае революции «голытьбы». Убийство Нечаевым студента Иванова и знаменитый процесс нечаевцев в июле 1871 г. в петербургском окружном суде, нарочно инсценированный правительством открыто, чтобы показать всем и каждому всю «безнравственность» бакунинского способа революционных действий, могли отпугнуть и действительно отпугнули тогдашнюю революционную молодежь от бакунизма.

В самом деле, на судебном процессе нечаевцев раскрылось (и об этом писали подробно все газеты), что по возвращении своем из заграницы, где он пробыл с 4 марта по 3 сентября 1869 г., Нечаев основал в Москве, Петербурге, Ярославле и Владимире ряд обществ «Народной Расправы или Топора», которые ставили себе целью «страшное, полное, повсеместное и беспощадное разру-

шение». Устав этих обществ, революционный катехизис Бакунина, звал к соединению «с диким разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России». Устав говорил о том, что «революционер— человек обреченный... Он в глубине своего существа, и не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями и нравственностью этого мира... Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит, во всех побуждениях и проявлениях, нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что помешает ему... Все нежные, изнеживающие чувства родства, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела .. С целью беспощадного разрушения революционер может и даже часто должен жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть». Даже по отношению к революционерам рекомендуется их «беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практичные головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих».

Сами подсудимые нечаевцы с чувством нравственного отвращения говорили о Нечаеве, отсутствовавшем на суде, ибо ему удалось бежать в Швейцарию. Защитники нечаевцев, пользуясь тем, что главный виновник дела был вне пределов досягаемости, не скупились на самые черные краски при его характеристике, попутно обеляя своих подзащитных. От морали Нечаева стали открещиваться и сами его вчерашние сторонники (их было арестовано до 300 человек, а на скамью подсудимых попало 87 человек), и вообще вся тогдашняя революционная молодежь.

Удивительно ли после этого, что проповедь «Исторических писем» П. Л., по существу такая же жертвенная, как и проповедь Бакунина и Нечаева, но отнюдь не кровавая, не рвущая связи с приличиями и нравственностью, не презирающая «общественное мнение», а в значитель-

ной степени на него опирающаяся, не идущая против чувств родства и чести, не предписывающая никому притворства, обмана и даже провокации по отношению к товарищам,—в противовес «нечаевщине», обратила на себя всеобщее внимание?

В ноябре 1870 г. в Петербурге «Исторические письма» вышли отдельной книгой. Новый устав о цензуре, изданный в 1865 г., освобождал от предварительной цензуры книги размером более 10 листов (160 страниц), и книга получила беспрепятственное распространение. По сравнению с имевшимися уже в это время в руках правительства материалами по делу «нечаевцев», включая и приведенный выше в выдержках бакунинский «революционный катехизис», «Исторические письма» должны были показаться царской власти почти безобидной книгой.

Но не таково было отношение к ней русской революционной молодежи. Если и во время печатания «Исторических писем» в журнале, в 1868—69 г.г., она обратила на них внимание, как на правильное изложение ее собственных чаяний и запросов, то теперь, в противовес «нечаевщине», ставшей злобой дня и давшей впоследствии повод Достоевскому об'явить все революционное движение «бесовским наваждением» (в романе «Бесы»),—теперь революционная молодежь стала смотреть на «Исторические письма» как на свое знамя, побуждающее ее к революции попрежнему, но избавляющее ее от крайностей «нечаевщины». Проповедь «Исторических писем» была как раз той, которая нужна была в тот момент русской революционной молодежи, и потому эта проповедь стала ее евангелием, а сам П. Л. стал мыслиться ею как ее призванный «властитель дум», ее вождь и руководитель.

Как раз в это время, с 1869 г., возник кружок «чайковцев», в который входили Н. Чайковский, М. Натансон, Д. Клеменц, С. Перовская, Н. Чарушин и др. Кружок этот ставил выше всего науку и умственное развитие и в основу своей революционной агитации положил устройство кружков саморазвития. Кружок распространял среди молодежи лучшие сочинения того времени по естественным наукам

и по социальному вопросу, беря их на комиссию у издателей и рассылая по провинциальным городам по уменьшеной цене и в кредит. По просьбе чайковцев, Флеровский в 1871 г. выпустил свою «Азбуку социальных наук», содержавшую оригинальную философию коллективизма и еще более утвердившую влияние «Исторических писем» на молодежь. С 1871 г. кружок стал читать лекции рабочим на заводах и фабриках, сообщая здесь сведения и о международном рабочем движении В 1871 г. кружок вступил в близкие сношения с русской секцией Интернационала, находившейся в Женеве. С 1872 г. кружок стал издавать народные книжки, печатавшиеся в Швейцарии и перевозившиеся контрабандой в Россию. Естественно, что для молодежи, подобным образом настроенной, П. Л. был самым подходящим вождем.

Сам П. Л., как видно из его писем тех годов и по воспоминаниям его друзей, менее всего был готов к роли вождя русской революционной молодежи. Энтузиазм, вызванный «Историческими письмами», был для него вполне неожиданным. Он боялся, чтобы успех «Исторических писем» не подорвал его репутацию как ученого. Это доказывает только, что, хотя П. Л. уже был в это время вполне «критически мыслящей личностью», однако он не сознавал, что является лишь невольным выразителем тогдашнего соотношения общественных сил в России, когда во главе революционного движения могли стоять лишь разночинные интеллигенты и кающиеся дворяне, а не пролетариат, который только зарождался, еще менее «голытьба» и «разбойники», на которых возлагали надежды Бакунин и Нечаев, и менее всего крестьянство кулацкое, собственническое, с головой выдававшее социалистов правительству.

Вопреки «критическому» самосознанию П. Л., не он владел пониманием российской действительности, а тогдашняя российская действительность вполне владела его сознанием. Писал он «Исторические письма», по его словам, «между делом», смотря на них как на «фельетон», а оказалось, что он невольно написал самое важное произведение для революционной интеллигенции России тех годов.

В начале 1872 г. П. Л. вступил в Париже в редакцию тамошнего антропологического журнала, где писал обзоры русских и немецких журналов и книг и сделал несколько докладов в Антропологическом Обществе. Как вдруг в марте 1872 г. к нему приезжают делегаты от русской революционной молодежи с предложением издавать заграничный революционный журнал. П. Л. сам не считал себя нужным для революционной практической работы и потому долго не давал решительного ответа. Только через несколько месяцев, после того как в августе (или в сентябре) умерла А. П. Чаплицкая, с которой он жил как с женой и в Париже, хотя они и помещались на разных квартирах, П. Л., потрясенный этой смертью, сделавшей для него жизнь пустой и постылой, решает посвятить себя служению революционной молодежи, чтобы найти в нем забвение от постигшего его горя. Так как центр русской революционной эмиграции был тогда в Цюрихе, где училась русская молодежь (более 200 человек), из которой вербовались пропагандисты для России, П. Л. переехал в Цюрих. Здесь он начал подготовлять первый номер журнала «Вперед».

ГЛАВА V.

*** П. Л.—редактор журнала «Вперед» (1873 — 1876 г.г.).

Теперь нам надо остановиться на тех обстоятельствах, которые определили позицию П. Л. как редактора журнала, долженствовавшего выражать идеологию революционного движения в России.

Если до сих пор события в России складывались таким образом, что влияние Бакунина, из-за процесса нечаевцев, шло на ущерб, и русская революционная молодежь колебалась, кого ей пригласить в редакторы своего журнала— Бакунина или Лаврова, то теперь, с середины 1872 года, целый ряд событий вызвал возрождение влияния Бакунина, и это в значительной степени отразилось и на направлении программы П. Л., развитой им во «Вперед».

Как указано уже было выше, П. Л. совершенно неожиданно для себя получил приглашение издавать революционный орган за границей. Здесь надо прибавить, что вначале он даже подумал, что приглашение исходит от «представителей радикальной литературы», имеющей в виду лишь «литературно-политическую оппозицию», и в этом духе набросал проект конституционной программы журнала Когда он выяснил, что заграничный журнал нужен не прогрессивным литераторам, а социалистам, он в конце 1872 г. переехал в Цюрих, чтобы поближе познакомиться с той средой, для которой он должен был стать идейным руководителем.

По приезде в Цюрих, П. Л. сначала, по свидетельству знавшего его тогда Сажина-Росса, совершенно не разбирался в окружавшей его среде русских эмигрантов и уча-

щейся молодежи. Выступая с докладами, он избирал темы по математике, философии и истории мысли, которые меньше всего интересовали его слушателей. Читать наболее злободневные темы о Парижской Коммуне или об Интернационале П. Л. отказывался, говоря, что «молодежи нужны только положительные знания», вопреки своей собственной проповеди в «Исторических письмах», где он высоко ставил историю.

Но разобравшись постепенно в окружавшей его общественной атмосфере, П. Л. сумел стать ближе к учащейся молодежи.

Здесь, недалеко от Цюриха, в Женеве, уже с 1869 г существовала упомянутая выше русская секция Интернационала, возглавлявшаяся Н. И. Утиным и издававшая журнал «Народное Дело», который с № 4—5, вышедшего в мае 1869 г., установил свою солидарность с рабочим движением Интернационала. Но при этом, под р а б о ч и м движением в России журнал разумел собственно к р е с т ь я н с к о е движение, которое к тому же идеализировалось благодаря тому, что предполагалась возможность непосредственного перехода от крестьянской общины к социализму. (Здесь сказалось влияние идей Герцена и Чернышевского). Проникновение капитализма в Россию не отрицалось, но все расчеты на революцию строились на уверенности, что фабричный оторванный от земли пролетариат не может у нас развиваться, а «русский пролетариат» (т.-е. крестьянство. *И. К.*) веками сроднился в своих обычаях и нравах с зачатками социализма. Как увидим ниже, указанные здесь взгляды «Народного Дела» целиком были восприняты П. Л., как редактором «Вперед».

Но еще большее влияние оказали на П. Л. идеи Бакунина.

Дело в том, что незадолго до приезда П. Л. в Цюрих, там 2—14 августа 1872 г. произошел арест Нечаева из-за предательства одного польского эмигранта, состоявшего членом обеих местных марксистских секций Интернационала (немецкой и славянской). Этого предателя хотели убить, его судили революционным третейским судом, как шпиона и предателя, но ему удалось скрыться. Против выдачи Не-

чаева в цюрихской печати велась агитация; устраивались об этом и публичные собрания протеста. Когда это не помогло, группа русских бакунистов решила освободить Нечаева по дороге из тюрьмы на вокзал, при отправлении его в Россию, но и эта попытка окончилась неудачей. В ноябре 1872 г. Нечаев был увезен в Россию, и в январе 1873 г. его дело слушалось в московском окружном суде.

Нечаев держался на суде с большим достоинством, говоря, что не признает права судить его, так как убийство студента Иванова было чисто политическим актом. Поведение Нечаева на суде и присуждение его к 20-летней каторге как обыкновенного уголовного преступника, совершившего убийство якобы из личной мести, затем замурование его в Алексеевском равелине Петропавловской крепости как политического престуника—не могли не изменить отношения к Нечаеву со стороны революционной молодежи. Сам Бакунин, который незадолго до этого приехал в Цюрих (в конце июня 1872 г.), принял в Нечаеве горячее участие, хотя лично пострадал из за некоторых его поступков. А влияние Бакунина на русскую учащуюся молодежь было в то время очень велико. На молодежь производили неотразимое впечатление его полная необычайных революционных выступлений жизнь, его многолетнее заключение, его могучий страстный голос во время выступлений и даже его наружность — «колоссальная фигура с львиной головой».

Когда на Гаагском конгрессе Интернационала в сентябре 1872 г. Бакунин был исключен из Интернационала, жившие в Женеве и Цюрихе русские эмигранты опубликовали резкий протест против «этого оскорбления Бакунина» (4 октября 1872 г.). Тогда же Бакуниным была основана в Цюрихе, в противовес марксистской, своя славянская секция Интернационала, об'единявшая русских, поляков и югославов.

Как передает Макс Неттлау, изучивший жизнь Бакунина по документам шаг за шагом, в это время произошла попытка соглашения между Бакуниным и П. Л., подготовлявшим издание журнала «Вперед», но она «окончилась неудачей, и между сторонниками Бакунина и Лаврова

происходили острые трения». Повидимому, в этот период П. Л. составил вторую программу, оказавшуюся совершенно неприемлемои для Бакунина и вскоре самим П. Л. измененную. П. Л. опирался не на местную цюрихскую учащуюся молодежь, находившуюся почти всецело под обаянием личности Бакунина, а на представителей упомянутого кружка «чайковцев», выдвигавших на первый план научное развитие и занимавшихся в России устройством кружков саморазвития среди рабочих на фабриках и заводах. Понятие об этом кружке можно получить по его программе, захваченной во время ареста у П. А. Кропоткина в 1875 г. Здесь рекомендуется революционеру прежде всего подготовка: чтение книг, изучение ремесла, общее ознакомление с жизнью народа, затем отказ навсегда от дворянского паспорта и пропаганда с выдвиганием на первый план местных интересов. Даже вопросы о религии и царе рекомендуется обходить, обрушиваясь на правительство и господ. П. А. Кропоткин сообщает, что представитель чайковцев Куприянов, «человек определенно умеренного направления», заключил договор с П. Л., в силу которого журнал «Вперед» должен был получаться и распространяться чайковцами. Кроме чайковцев из России, в самом Цюрихе П. Л. поддерживала группа студенток, набиравшая «Вперед» и впоследствии выступившая в знаменитом процессе «пятидесяти».

Однако идеи Бакунина оказали могущественное влияние на выработку окончательной программы П. Л. и только в вопросах тактики он пошел тем путем, который предуказывался наиболее умеренными чайковцами. На П. Л. могло повлиять и то, что весной 1873 г. группа Долгушина отпечатала в России в тайной типографии несколько талантливо написанных прокламаций и пошла с ними по деревням Московской губернии, призывая крестьян к восстанию. Вся группа была очень скоро арестована, и репрессии против революционеров очень усилились.

В. Н. Фигнер рассказывает в своих воспоминаниях, что, когда летом 1873 г. вышел указ русского правительства, приказывавший студентам оставить цюрихский университет, среди студентов его сейчас же составилось тайное

общество для революционной работы в России. Устав его и программа были составлены по образцу секций Интернационала. Решено было вести мирную пропаганду, но признали также необходимость поддержания и возбуждения частных бунтов. Предполагалось действовать среди фабричных рабочих, как более развитых и могущих быть проводниками социализма среди крестьян при возвращении домой на летние работы.

В это время почти одновременно, в августе 1873 г., вышел в Цюрихе I том сочинений Бакунина, заключавший в себе «Историческое развитие Интернационала» (напечатан он был в русской типографии, основанной в конце зимы 1872—1873 г. бакунинским кружком), и П. Л. выпустил в июле I-й том непериодического издания «Вперед».

Программа «Вперед» ставит на первом плане «борьбу реального миросозерцания против миросозерцания богословского», «борьбу труда против праздного пользования благами жизни», «борьбу свободной ассоциации против обязательной государственности». «Социальный вопрос есть для нас вопрос первостепенный... Вопрос политический для нас подчинен вопросу социальному и в особенности экономическому»... «Все нынешние централизованные политические программы нам прямо враждебны... Для русского социальная почва, на которой может развиться будущность большинства русского населения в том смысле, который указан общими задачами нашего времени, есть крестьянство с общинным землевладением».

Все эти пункты ничем не отличаются от бакунинской программы. Различие начинается лишь тогда, когда заходит речь о средствах борьбы.

Уже в начале своей программы П. Л. отмежевывается от нечаевцев, говоря, что «в кругу единомышленников, товарищей, союзников по общему делу, ложь есть преступление, преднамеренное распространение иллюзий есть измена делу». В конце П. Л. говорит: «Лишь строгою и усиленною личною подготовкою можно выработать в себе возможность полезной деятельности среди народа. Лишь внушив народу доверие к себе, как личности, можно создать необходимые условия подобной деятельности.

Лишь уясняя народу его потребности и подготовляя его к самостоятельной деятельности для достижения ясно понятых целей, можно считать себя действительно полезным участником в современной подготовке лучшей будущности России... Вероятнее всего, что путь революции неизбежен для лучшего будущего России; когда придет для нее удобная минута, этого сказать никто не может, но она может прийти тем неожиданней, чем более концентрированы все государственные функции России в одном месте, в одном лице. Готовьтесь к этой минуте умственным развитием, житейским опытом, выработкою в себе твердого характера» (курсив *П. Л.*).

В. Н. Фигнер сообщает, что, когда вышла первая книга «Вперед» с указанной здесь программой, она дала сильный толчок умам русской революционной молодежи в Швейцарии, вызвав много споров и вопросов. П. А. Кропоткин прямо указывает, что «первый номер «Вперед», появившись в Петербурге, глубоко разочаровал нас, за исключением немногих. Все мы в Петербурге,—т.-е. Клеменц, Кравчинский, я, Кувшинская, Софья Перовская, Ободовская, Попов, Сердюков, Тихомиров, Чарушин,—вели социалистическую и революционную пропаганду среди фабричных и заводских рабочих и в строительных артелях Петербурга за Нарвской заставой, на Выборгской стороне и т. д.). Мы звали учащуюся молодежь в «народ» и издавали книги революционного содержания для распространения в народе. Мы имели отделения нашего кружка в Москве, Орле, на нижней Волге, в Одессе и т. д. В эту осень и зиму уже зарождалось массовое движение молодых пропагандистов в народ, в деревни и города. А статья П. Л. в первом номере журнала «Вперед» шла прямо вразрез с этими стремлениями. Она звала молодежь у ч и т ь с я в университеты, вместо того, чтобы заниматься социалистической и революционной пропагандой. Мы были глубоко разочарованы журналом «Вперед». (См. «Воспоминания о Лаврове» в сборнике статей о Лаврове, изд. «Колос». 1922).

В самом Цюрихе после издания первого номера «Вперед» П. Л. тоже встретил оппозицию. Талантливый публи-

цист П. Н. Ткачев начал было сотрудничество во «Вперед» в 1874 г , но он считал направление журнала неправильным. По его мнению, «на знамени партии действия, а не резонерства» должны быть написаны «только» слова: «борьба с правительством». Он считал нужным немедленно звать к восстанию против самодержавия, предполагая, что народ уже готов к восстанию и что самодержавие никаких исторических корней не имеет, а потому немедленно будет уничтожено. Организатором революции должна, по его мнению, стать централизованная революционная партия, которая и должна захватить власть и затем передать народу орудия производства и тем осуществить и социальную революцию.

Разойдясь с П. Л. после кратковременного переезда вслед за ним в Лондон, Ткачев вернулся в Швейцарию, в Женеву, и здесь стал издавать свой собственный орган бланкистского направления «Набат», призывая исключительно к заговору для захвата власти.

Блестящую критику взглядов Ткачева дал Фридрих Энгельс в немецком журнале «Volksstaat». Среди русских эмигрантов в то время взгляды Ткачева популярностью не пользовались, хотя и в них был значительный элемент народнического утопизма.

Сам П. Л., как видно из его книги «Народники-пропагандисты», считал положение свое, как редактора революционного журнала, довольно прочным, а журнал преуспевающим. Он пишет: «Бессилие, обнаруженное бакунистской фракцией Интернационала в Европе, организоваться помимо Генерального Совета и устроить сколько-нибудь влиятельные конгрессы, отразилось в России ослаблением бакунизма как определенной партии. Корреспонденции начали в большом количестве притекать в редакцию «Вперед». Обещания сотрудничества и материальной помощи были еще значительнее. В конце 1874 г. редактор предложил своим товарищам по литературной и типографской работе перейти к периодической форме издания. С 1 января 1875 г. стала появляться газета «Вперед» 1 и 15 каждого месяца» («Народники-пропагандисты», Изд. 1907 г., стр. 76).

Но вряд ли с этим оптимизмом можно согласиться. Не ослабел еще в России бакунизм и влияние его было значительнее, чем влияние «Вперед». Это ясно видно из письма Кравчинского 1876 г.

Кравчинский в своем письме к П. Л. пишет: «Вы страшно заблуждаетесь, думая, что ваш орган руководит революционной партией. Я не соображения высказываю, а факты, как эксперт. Только весьма незначительная часть нашей революционной молодежи удовлетворилась вашим органом. Громадное же большинство было противниками его»..

Повидимому, недовольство революционеров программой «Вперед» оказывало на П. Л. большое впечатление. Можно предположить, что ему становились известны и революционные программы, циркулировавшие в России. Во всяком случае в дальнейших номерах «Вперед», когда типография и редакция, под влиянием происков русского правительства в Швейцарии, переехала в Лондон (с марта 1874 г.), П. Л.,—может быть, под влиянием личных встреч с Марксом,—снова и снова возвращается к программным вопросам. В третьем томе «Вперед» П. Л. определенно указывает: «Мы обращаемся с нашим словом к тем, кто стоит под знаменем социальной революции, и к тем, кто хочет и еще может стать под это знамя» (стр. 190). Настроение его изливается в стихотворении «Отречемся от старого мира», ставшем одним из гимнов русских рабочих, распеваемых и в наши дни. С первого номера двухнедельной газеты, начавшей выходить с 1 января 1875 г., П. Л. выставляет еще более решительно знамя «социальной народной революции». В № 48 за 1876 г. он пишет в передовой статье: «...Требования рабочего социализма могут быть осуществлены лишь путем социальной революции... Социальная революция в России должна быть подготовлена тайною организацией революционных сил, действующих путем пропаганды и агитации, пока они не будут достаточно велики для производства обширного революционного взрыва». Затем рекомендуется размещение среди народа и основание в его среде революционных групп, об'единенных в социально-революционную федерацию, пропаганда в войсках, чтобы внести

в них разложение при народном восстании, и, в противовес бакунистам, снова делается предупреждение—остерегаться «местных» бунтов, ведущих лишь к «бесполезной трате народных сил».

П. Л. утверждает при этом, исходя из учения Маркса, что «социальный переворот сам собою подготовляется в России, как во всем цивилизованном мире, самыми успехами капиталистического строя». Он считает весьма важным «для русских социалистов устроить и поддержать живую связь русского движения с социально-революционным движением других стран. Русские социалисты должны помнить, что они—одно звено в международном движении рабочих». (Как известно, в «Летописи рабочего движения» журнала «Вперед» на первом месте сам П. Л. давал обзор деятельности конгрессов Интернационала за 1872—4 г.г; в журнале помещались также обширные статьи о положении социалистических партий в Германии, в Австрии и Швейцарии).

Бакунин, считавший себя учеником Маркса, тоже стоял на такой точке зрения. Ошибка их обоих заключалась однако в том, что марксистское учение о необходимости политической и экономической организации пролетариата они ограничили одной экономической стороной и обратили вместо пролетариата к крестьянству. (Впрочем, П. Л. к концу своего редакторства «Вперед» все больше выдвигал вперед политическую сторону и в № 4 книги «Вперед» отрешился и от бакунинского взгляда на государство).

В оправдание их приходится сказать, что тогда пролетариата в России было очень мало, а в большинстве европейских стран, кроме Германии и Англии, социалисты тоже ничего не хотели знать о политике. После того, как на V конгрессе Интернационала в Гааге в сентябре 1872 г. принято было решение об образовании политических партий пролетариатом, большинство секций ушло из Интернационала вслед за Бакуниным и образовало новый анархический Интернационал, начавший проповедь всеобщей стачки и пропаганды действием. Политике не доверяли, потому что в политической борьбе рабочие всегда

оказывались обманутыми буржуазией. Поэтому проповедывали и «политическое воздержание» и необходимость социальной революции, которая сразу до основания сроет буржуазное общество.

В проповеди социальной революции Бакунин казался русским революционерам гораздо более близким к жизни, чем П. Л., и потому П. Л. все больше и больше терял своих читателей. Плеханов рассказывает, что «одна из политических карикатур того времени изображала его (П. Л.) едущим верхом на раке и держащим знамя с надписью «Вперед!», которая била в глаза, как едкая ирония. «Лавризм» с каждым годом, с каждым месяцем терял свое влияние». (См. «Письмо к польским издателям» в «Истории революционных движений в России» А. Туна. Пгр. 1918 г., стр. 265—266). В 1876 г. П. Л. вынужден был прекратить свое двухнедельное издание, а вскоре и непериодический журнал. В 4-й номер вошло лишь одно произведение П. Л. «Государственный элемент в будущем обществе»; затем появился еще один том «Вперед», в котором сам П. Л. вовсе не участвовал, и журнал прекратился навсегда. Бакунизм в России был гораздо сильнее влияния лавризма.

Впрочем, как удостоверяет в своих воспоминаниях Дебагорский-Мокриевич, большинство бунтарей-бакунистов на практике нисколько не отличалось от лавристов и, подобно им, занималось главным образом одной пропагандой.

Пропаганда лавристов однако действовала по-иному, чем пропаганда бакунистов. Плеханов, вступивший в революционное движение в 1875 году и сам бывший бакунистом, рассказывает в своей брошюре «Русский рабочий в революционном движении», что пропаганда лавристов «вероятно, была разумнее нашей... В их взглядах было тоже много непоследовательности, но их непоследовательность имела одну счастливую особенность. отрицая «политику», они с величайшим сочувствием относились к немецкой социальной демократии. Нельзя быть высокого мнения о личности человека, отрицающего «политику» и в то же время сочувствующего названной мной политической рабочей партии. Но своими рассказами о ней

такой человек мог заронить семя здоровых понятий в другие головы, которые, при благоприятных обстоятельствах, сумеют вполне усвоить социал-демократическую программу или хоть приблизиться к ней в большей или меньшей степени».

Тот же Плеханов свидетельствует, что лавристы, в отличие от бакунистов, правильнее излагали историю Интернационала. «Иногда мы говорили своим слушателям и о Международном Обществе Рабочих, но в качестве «бунтарей», разумеется, превозносили деятельность Бакунина, а «централистов», т.-е. сторонников Маркса и Энгельса, изображали довольно-таки злостными реакционерами. Такое освещение истории Международного Общества не могло содействовать политическому развитию наших слушателей. У лавристов было хорошо хоть то, что они изображали не в превратном виде западно-европейское рабочее движение, и под влиянием их рассказов русский рабочий мог лучше выяснить себе собственную задачу Если в программе образовавшегося зимою 1878—1879 г.г. Северно-Русского Рабочего Союза сильно слышалась социал-демократическая нота, то это, кажется, в значительной степени нужно приписать влиянию лавристов».

«Впоследствии, в 1903 г., Плеханов в предисловии к русскому изданию Туна изменил высказанное здесь мнение о влиянии лавризма на подготовку марксизма в России, но тем не менее оно одно только правильно. Это доказывается тем, что О. В. Аптекман и Н. С. Русанов в полном согласии также свидетельствуют в пользу этого мнения. О. В. Аптекман пишет о лавристах в своих воспоминаниях об обществе «Земля и Воля» 70-х годов: «Дальнейшая и окончательная эволюция этого кружка завершилась в 1876—77 г.г., когда лавристы исключительно сосредоточили свою деятельность среди городских рабочих, распространяли среди последних идеи марксизма и знакомили их с рабочим движением на Западе вообще и социал-демократическим—в частности. На деревню лавристы махнули рукой. Россия-де вступила уж и дальше пойдет по пути экономического развития, как и Запад: разовьется капитализм, а за ним и пролетариат. Необхо-

димо заблаговременно заняться выработкой сознательных элементов для будущей социал-демократической рабочей партии. Отсюда—и пропаганда марксистских и социал-демократических идей среди рабочих лавристами». (Стр. 112—113 изд. «Колос», 1924 г. На стр. 182—184 цитируется и указанное выше мнение Плеханова о лавристах).

Как видно из воспоминаний Н. С. Русанова, приехавшего в Петербург летом 1877 г., он также подтверждает свидетельство Плеханова. «Лавристы,—говорит он,—пользовались большим успехом между рабочими, которые узнавали от них более подробно о социальном вопросе на Западе, о быте, правах и требованиях рабочих в Европе и Америке, о рабочих партиях». («Из моих воспоминаний». Берлин. 1923. Стр. 152).

Таким образом, надо признать, что редакторство П. Л. журнала «Вперед» не прошло для русских революционеров бесследно. Особенное значение оно имело для зарождавшегося уже тогда самостоятельного рабочего движения России, очевидно, помимо воли П. Л. Как видно из напечатанного в томе II «Историко-революционного сборника—Группа «Освобождение Труда» (Лгр. 1924, стр. 412—417) документа, в Петербурге уже в 1879 г. существовала русская социал-демократическая группа, вышедшая из среды лавристов. Не забудем также, что в IV-й книжке «Вперед» напечатано было одно из важнейших произведений П. Л. «Государственный элемент в будущем обществе», которое своим богатым содержанием (в смысле правильной постановки вопросов революционной тактики) не могло не повлиять плодотворно на развитие русского социализма.

ГЛАВА VI.

П. Л. и русское народничество 1876—1886 г.г.

Мы видели выше, что теория народничества, оценивавшая значение крестьянской общины как зародыш социализма, возникла еще в 40-х годах, во время споров западников и славянофилов, и впервые систематически формулирована Герценом, а народничество, как практический призыв к пропаганде в народе, ведет начало тоже от Герцена, бросившего лозунг во время студенческих волнений 1861 г.—«в народ!», и затем вскоре было в этом же духе поддержано Бакуниным. Практический призыв к пропаганде в народе был основан на безусловной уверенности в неизбежности крестьянского восстания, в виду обмана крестьян правительством посредством «освобождения».

Когда П. Л. выступил на арену общественной деятельности и примкнул в 1862 г. к «Земле и Воле», народничество уже существовало, и П. Л. приобщился к нему, потому что оно было господствующей идеологией и практическим лозунгом революционной молодежи той эпохи.

П. Л. написал свои «Исторические письма» именно потому, что воспринял из окружавшей его в Петербурге среды готовые идеалы народничества. Если «Исторические письма» встретили особенно сочувственный прием во время своего печатания в «Неделе», а затем при выходе отдельным изданием как раз среди революционной молодежи, то это об'ясняется, как мы видели, идейной смутой, внесенной процессом нечаевцев.

Журнал и газета «Вперед» тоже не явились возбудителями того практического народничества, которое наме-

тилось еще в «Народном Деле» Утина 1869 г. и в русских кружках 1872 г. и было основано в свою очередь на ожидании восстания крестьянства.

Широкое движение в народ 1873-1874 г.г., о котором Кравчинский в своей «Подпольной России» писал, что «ничего подобного не было ни раньше, ни после», движение, охватившее, по заявлению правительства, тридцать семь губерний, находилось, главным образом, под влиянием бакунистских идей и определялось бунтарским настроением, внушавшим уверенность, что и крестьянин—прирожденный революционер.

Как свидетельствует Вера Фигнер, осенью 1876 г. небольшой группой бывших чайковцев во главе с М. А. Натонсоном основано было тайное общество «Земля и Воля», задавшее себе чисто политическую цель и решившее, между прочим, разбить веру в царя систематической организацией ходоков от волостей, уездов и губерний к царю с изложением народных нужд и желаний. Горький опыт этих челобитий должен был доказать, что ждать от царя нечего. В то же время прочное поселение в народе революционеров в качестве волостных писарей, фельдшеров и т. п. должно было развивать в крестьянстве дух самоуважения и протеста и в то же время сплачивать вожаков из их среды, чтобы на них опереться в дальнейшей революционной борьбе. Одновременно решено было часть революционных сил направить на борьбу с центральным правительством, чтобы дезорганизовать его в момент восстаний в провинции. «Тогда же заговорили о возможности, посредством динамита, взорвать зимний дворец и похоронить под его развалинами всю царскую фамилию»... «Кроме того, тогда же было решено защищать оружием честь и достоинство товарищей и обуздывать ударами кинжала произвол слишком рьяных правительственных агентов... В противоположность прежним программам, новая распространяла сферу деятельности своих сторонников на все слои общества, указывала на необходимость проникать в войско, администрацию, земство, в среду лиц либеральных профессий, для привлечения этих элементов к борьбе с правительством и возбуждения их ко всякого рода протестам и

заявлениям неудовольствия на правительственные меры. Эта политика, начавшаяся неудавшейся демонстрацией у Исаакиевского собора и Казанской демонстрацией 6 декабря, после некоторого перерыва продолжалась в виде похорон Чернышева, умершего в доме предварительного заключения, возбуждения стачек на фабрике Шау и новой бумагопрядильне, в виде шествия рабочих к Аничкову дворцу для обращения к наследнику с просьбой встать на защиту интересов рабочих против эксплуатации фабрикантов, в виде требования высшими учебными заведениями Петербурга корпоративных прав, проекта студентов мед.-хирург. академии подать наследнику петицию о даровании конституции и т. д.» (В. Н. Фигнер «Запечатленный труд», ч. I, стр. 89—90).

Вскоре, по свидетельству Кравчинского, Арон Зунделевич устроил в Петербурге тайную типографию, «первую, которая была достойна этого имени, так как она правильно работала и выпускала в свет довольно порядочные брошюры, а впоследствии и газету». Благодаря этой типографии, явилась возможность выпускать листовки по поводу целого ряда политических процессов (о демонстрации 6 декабря на Казанской площади, о процессе 50-ти, о процессе 193-х и др.), приобрести в «обществе огромный нравственный авторитет и даже при малом числе сил сыграть крупную общественную роль». Этому благоприятствовало и широкое оппозиционное настроение даже среди русской буржуазии после постыдного окончания войны с Турцией «за братьев-славян», войны, вызвавшей крайнее экономическое истощение страны. Ряд актов вооруженной борьбы революционеров с правительством, начиная с выстрела Веры Засулич в Трепова 24 января 1878 г. и кончая убийством Мезенцова Кравчинским (все это в течение 8 месяцев 1878 года), невольно поставил на первую очередь вопрос о политической борьбе. С'езд землевольцев в Воронеже в июле 1879 г. естественно подвел итог фактической их деятельности и превратил большинство их в сознательных политических борцов—н а р о д о в о л ь ц е в, поставивших себе целью прежде всего—конституцию. Особенно утвердила их в этом новом пути выяснив-

шаяся на опыте полная невозможность подготовления народного восстания посредством мирной работы в деревне.

Еще до этого, зимой 1878 г., на тот же политический путь стали, независимо от интеллигентов-революционеров, выдающиеся рабочие того времени, стоявшие во главе Северно-Русского Рабочего Союза (Обнорский и Халтурин).

Замечательно, что в Европе и в С.-Штатах в эти годы тоже выявилась тенденция среди рабочих к созданию политических партий. Анархический конгресс в Вервье в 1877 г. тщетно осудил всякие политические партии, как «реакционные». Но массы за анархистами уже не шли. 15 марта 1878 г. прекратился выходивший 6 лет центральный орган бакунистов «Бюллетень Юрской Федерации». В 1879 г. от анархизма стали уходить его бывшие вожди (Поль Брусс и Андреа Коста). Зародились рабочие политические партии в Италии и Дании (в 1876 г.), во Франции и в С.-Штатах (в 1877 г.), в Швейцарии, а потом в Голланди и Бельгии. Все более и более росло значение социал-демократии в Германии, хотя она и вынуждена была перенести центр своей литературной агитации за границу.

П. Л. Лавров не мог остаться глухим к этим выявившимся политическим тенденциям эпохи. Уже в конце 1876 г., на с'езде «лавристов» в Париже по поводу продолжения издания «Вперед», П. Л. отстаивал перемену направления журнала, так как в России сама жизнь выдвигала все чаще демонстрации, вооруженные сопротивления, казни шпионов и т. п. Когда оказалось, что П. Л. не встретил сочувствия среди своих бывших последователей, он решительно вышел из редакции основанного им журнала

Переехав в мае 1877 г. в Париж и имея мало сношений с русскими действующими группами, он завязывает сношения с французскими социалистами, принимает участие в органе Геда «Egalité» и на банкетах французской рабочей политической партии. В том же году он начал читать для русской молодежи, жившей в Париже, лекции по вопросам теории социализма и истории мысли. Участвуя в 1880—81 г.г. в органе «социалистов-федералистов» «Черный Передел», он рекомендует этой партии «организованный, систематический фабричный и аграрный

террор» (см. «Памятники агитационной литературы—Черный Передел». Гиз. 1922, стр. 288, передовица здесь принадлежит перу П. Л.) и высказывается против выставления на первый план политического террора, как это делает «Народная Воля» (см. там же, стр. 294). Впоследствии, после убийства Александра II и разгрома большинства членов «Народной Воли», П. Л. начинает сочувствовать «Народной Воле». В своей автобиографии П. Л. подчеркивает, что «тогда только вступил в союз с этой партией, когда убедился, что она остается социалистическою, признает важность социалистической пропаганды и направляет преимущественно свои удары против русского правительства лишь как против главного препятствия для распространения социалистических идей в России». Еще в 1879 г он произносит у себя на квартире по поводу Коммуны 1871 г. речь, в которой вполне уже сказывается его глубокое понимание политических задач революции. В I-м томе «Jahrbücher für Socialwissenschaft und Socialpolitik» он пишет обзор русского социально-революционного движения 1873—1879 г.г. и вырабатывает в небольшом кружке план тайной организации социально-революционных сил. С весны 1880 г. вместе с Плехановым и другими русскими бывшими бакунистами П. Л. начинает издание «Русской Социально-Революционной Библиотеки», в которую вошли: «Коммунистический Манифест», «Труд и Капитал» Маркса, «Программа работников» Лассаля, «Парижская Коммуна» самого П. Л., «Сущность социализма» Шеффле с примечаниями П. Л. и др.

С этого времени П. Л. начинает получать приглашения от групп, действующих в России, посылать для их подпольных изданий статьи (4 статьи его были напечатаны в «Черном Переделе»). Когда в 1881 г. основалось в России общество «Красного Креста Народной Воли», оно избрало уполномоченными своих заграничных отделов П. Л. Лаврова и В. И. Засулич. В связи с работой П. Л. в этой организации, он был выслан 10 февраля 1882 г. из Франции и переехал в Лондон, где получил приглашение от Исполнительного Комитета Народной Воли вместе с Кравчинским редактировать «Вестник Народной Воли». В мае

1882 г. «П Л. вернулся в Париж под фамилией Кранца и поселился в своей прежней квартире, в которой прожил до самой смерти, хотя декрет о его высылке и не был отменен. Начало издания «Вестника Народной Воли» затянулось, и П. Л. принял участие в «Календаре Народной Воли», поместив там статью «Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма».

Между тем, вместо отказавшегося Кравчинского, редактором «Вестника Народной Воли» был назначен Л. А. Тихомиров, и вместе с ним стал редактором и П. Л. С ноября 1883 г. до декабря 1886 г. вышло пять томов этого журнала, и в них помещено много статей П. Л.

Будучи вначале против выдвигания на первый план террора, П. Л., после убийства Александра II и последовавшей затем реакции, стал убежденным защитником террористической борьбы с самодержавием. В одной из своих статей в «Вестнике Народной Воли», под заглавием «Социальная революция и задачи нравственности», он дал прекрасное обоснование своему сочувствию террору.

Как известно, и Маркс и Энгельс также относились сочувственно к Народной Воле, видя в ее героической борьбе против царизма положительное явление. Маркс послал даже народовольцам через Льва Гартмана 2 своих портрета в знак своего сочувствия их террору. (См. «Былое», 1923, № 21, стр. 148, письма Гартмана).

В качестве редактора, П. Л. устранял из журнала все, что казалось ему вредным для интересов революции. Между прочим, он не допустил в «Вестнике Народной Воли» продолжения статьи Русанова-Тарасова против марксизма, высказав готовность в противном случае вовсе отказаться от редакторства.

Великой заслугой П. Л. в этом периоде его жизни является острая постановка вопроса о необходимости уничтожения в первую очередь и какими бы то ни было средствами—самодержавия, как важнейшего препятствия для дальнейших шагов русских революционеров, и разрешение целого ряда других политических вопросов, о которых речь пойдет ниже.

ГЛАВА VII.

П. Л. и рабочий класс России (1886—1900 г.г.).

До сих пор, как мы видели, П. Л. в течение всей своей сознательной жизни всегда чутко учитывал потребности и чаяния окружавшей его революционной среды. Если в этой среде были какие-нибудь разногласия или оттенки мнений, П. Л умел разбираться в их качестве, следовал за той группой, которая стояла на более правильном пути, вносил в движение кое-что хорошее и от себя.

В конце 60-х годов, когда бакунизм в России временно перешел в нечаевщину, П. Л. выступил со своими «Исто рическими письмами», рассеявшими моральную смуту русской революционной молодежи, возвысившими ее над узко-утилитарной проповедью Писарева и развившими до невиданной дотоле нравственной мощи учение об общественном служении Чернышевского и Добролюбова.

Попав заграницу и ознакомившись с западно-европейским рабочим движением, П. Л. создал в журнале «Вперед» такой орган печати, который, выражая по существу программу господствовавшего тогда бакунизма, однако гораздо правильнее истолковывал факты европейского рабочего движения и в германской социал-демократии не видел жупела.

Когда хождение в народ в середине 70-х годов не дало ожидавшихся от него результатов для социальной революции и привело наиболее чутких русских революционеров-народников к признанию необходимости вооруженной борьбы с самодержавием, П. Л. и здесь, хотя и не без внутренней борьбы, сумел понять требования момента,

перестал относиться пренебрежительно к политике и стал в ряды народовольцев. На посту редактора «Вестника Народной Воли» он сумел внести и кое-что свое в оправдание террора и не допускал нападок на теорию Маркса.

До сих пор о П Л. приходится сказать, что он жил лучшими стремлениями своей эпохи и давал ей в свою очередь наилучшие результаты своих дум, своих чувств и волевых устремлений.

Но с середины 80-х годов П Л. перестает быть чутким к требованиям момента, перестает понимать совершающиеся в России события и до конца своих дней остается в стороне от того нового могущественного передового движения, которое зародилось среди русской интеллигенции одновременно за границей и в России, поставив во главу угла своей революционной программы русский пролетариат

Еще в 1883 г., когда за границей образовалась новая группа «Освобождение Труда» и Плеханов написал для «Вестника Народной Воли» статью «Социализм и политическая борьба», где он подверг очень осторожной критике якобинскую теорию «захвата власти», П. Л. не только не отстоял этой статьи, забракованной Тихомировым, но, по выходе ее отдельной брошюрой в серии «Библиотека Современного Социализма», написал о ней рецензию, где отозвался неодобрительно о новой группе, порицая самый факт критики «Народной Воли».

Когда Плеханов, в то время очень уважавший мнения П. Л. (что видно и по письмам Плеханова к П. Л., недавно опубликованным), в следующей своей работе, «Наши разногласия», вышедшей весной 1885 г. поместил в ней в виде предисловия письмо к П. Л., помеченное 22 июля 1884 г., а в самой книге пространно выяснил недостатки народнических взглядов и несоответствие их тогдашней русской действительности (при этом он дал блестящий для того времени анализ экономики России, доказал развитие в ней капитализма, разложение общины и рост рабочего класса), это нисколько не подействовало на П. Л.

Мало того. Начиная с 1884 г., стачечное движение охватывает огромный круг русских рабочих. Бастовали

паровозные мастерские Николаевской железной дороги в Москве, механический завод Малкиеля, табачники Бостанжогло, Вознесенская и Жирардовская мануфактуры. В особенности выделилась организованностью, солидарностью и упорством рабочих знаменитая морозовская стачка в Орехове-Зуеве в январе 1885 г., являющаяся поворотным пунктом в истории рабочего движения России. Во главе этой стачки, охватившей тысячу рабочих, стояли рабочие же Волков и Моисеенко, пред'явившие ряд требований о прекращении чрезмерных штрафов, вычетов и т. п. В том же году, в сентябре, в Иваново-Вознесенске стачка охватила 8 тысяч рабочих на 5 фабриках; в ноябре—на фабрике Кузнецова, в Тверской губернии, стачка окончилась разгромом фабричной лавки; кроме того, были забастовки на железной дороге в г. Александровске, в железнодорожных мастерских в Севастополе, среди чернорабочих в Херсоне, среди рабочих пристани в Таганроге, в Твери и в Рыбинске и волнения безработных в Варшаве. Все эти стачки так напугали царское правительство, что оно увидело себя вынужденным сделать уступку рабочим и 3 июня 1886 г. издало закон о штрафах, в котором удовлетворены почти все требования морозовских ткачей.

Морозовская стачка закончилась тем, что сначала привлечено было к суду без участия присяжных заседателей 19 рабочих, из которых 2 были оправданы, 17 приговорены к аресту при полиции на сроки от 10 дней до 3 месяцев; затем подвергнуты суду 33 рабочих с участием присяжных заседателей и все 33 обвиняемых были оправданы. После этого второго оправдательного приговора Владимирского окружного суда, знаменитый реакционер Катков писал иронически в «Московских Ведомостях» от 29 мая 1886 г., что «раздался 101 салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса», и метал громы и молнии против суда присяжных, требуя не гласного суда, а административной расправы с рабочими.

Плеханов поместил о морозовской стачке 28 июня 1886 г. специальную статью во французской газете Геда и Лафарга «Социалист», где писал, между прочим: «Про-

цесс вызвал к себе огромный интерес в России, где он, несомненно, явится исходным пунктом нового фазиса рабочего движения». Стачка морозовских ткачей доказала, что в России уже народился новый класс, революционный по своему положению и нуждающийся только в том, чтобы его практика была оплодотворена действительно революционной теорией, каковой может быть только марксизм. Морозовская стачка тем более выделялась на общем фоне русской реакции 80-х годов, что все другие общественные силы тогда молчали. Народная Воля была окончательно разбита, а студенчество и интеллигенция, заполнявшие раньше ряды революционеров, теперь ушли в науку, «малые дела», или увлеклись проповедью Льва Толстого о «непротивлении злу».

Мог ли П. Л. не знать о морозовской стачке и о других стачках того же года? Мог ли он не знать, что рабочий вопрос стал в порядок дня в России?

П. Л. не мог этого не знать. Среди самих народовольцев того времени существовала в России рабочая группа, еще в 1881 г. она составила «Программу рабочих членов партии Народной Воли»; народовольцы послали свою программу Марксу и, конечно, послали ее и П. Л., к мнениям которого, по свидетельству Плеханова (в предисловии к «Нашим разногласиям»), с великим вниманием прислушивалась «революционная молодежь всех оттенков и направлений». П. Л. вместе с Тихомировым написал и ответ петербургской народовольческой рабочей группе с критикой ее программы (см. «Историко-революц. сборник. Группа «Освобождение Труда». Том II, Лгр. 1924, стр. 182—186). Кроме того, П. Л. мог знать и о программе Е. Н. Ковальской и Щедрина, разработанной в Киеве в «Южно-Русском союзе» 1880 г. и рекомендовавшей создание рабочей организации для экономического и политического террора. В 1884 г. группа русских социал-демократов, основанная в Петербурге Благоевым, послала проект своей программы одновременно и группе «Освобождение Труда» и «Народной Воле», так как находилась еще под значительным влиянием идей П. Л. Социал-демократиче-

ская группа Точисского в Петербурге тоже была в связи с народовольческими группами.

Мы видели выше, что П. Л. еще в 1877 г. принимал участие в банкетах французской рабочей партии и в ее газете, но, повидимому, то, что он считал значительным для Франции и, вообще, для Западной Европы, он не допускал в России. В своей статье «Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма», напечатанной в Календаре Народной Воли на 1882 год, он ставит на первый план в России крестьянство. «Крестьянство русское сохранило гораздо более первобытную традицию общинного землевладения, чем на Западе Европы, и из всех разрушительных влияний на русскую земледельческую общину сильно было лишь одно: правительственное влияние, стремившееся обратить общину в фискальный орган администрации... Вследствие падения русских городов, как первобытных политических и центральных общин (народоправств), и вследствие неразвития их позже, как центров нового класса, организующегося в экономическую, умственную, а впоследствии и политическую силу (подобно западноевропейской буржуазии), русское крестьянство сохранило в себе гораздо более живых сил, а потому и элементов самостоятельной организации, чем крестьянство западное, так как города не высасывали из него, как на Западе, всех наиболее энергических и развитных личностей, но оставались лишь местами временных заработков и центральными рынками».

Как видим, П. Л. все еще по старой народнической привычке, мерит двумя историко-экономическими мерками Западную Европу и Россию. Соответственно этому, он не допускает возможности в России самостоятельной р а б о ч е й партии и все надежды возлагает попрежнему на социально-революционную партию, возглавляемую интеллигенцией и черпающую своих сторонников главным образом из его среды, а также среди крестьян.

Как раз незадолго до этого, в 1882 г. вышла книга народника В. Воронцова «Судьбы капитализма в России», доказывавшая, что у русского капитализма нет никаких видов на будущее и потому путь развития нашего народ-

ного хозяйства может лежать не в крупном производстве, умножающем пролетариат, а в рабочих артелях, «где рабочие трудятся не для возрастания капитала, а для удовлетворения собственных потребностей, где стремлением производства сделается не безграничное его расширение, а сокращение труда работающих».

Другой видный народнический экономист того времени Николай—он, состоявший в переписке с Марксом и Энгельсом и бывший переводчиком «Капитала», в своих журнальных статьях в «Слове», точно так же, как и Михайловский, доказывал, что русский крестьянин далеко не в такой мере «свободен» от земли и инвентаря, в какой это нужно для успешного развития капитализма, и считал, что все наше пореформенное развитие было не необходимостью, а ошибкою со стороны правительства и интеллигенции. (Против этих утверждений, как известно, Маркс написал открытое письмо Михайловскому, увидевшее свет значительно позднее, в конце 1888 г., в «Юридическом Вестнике»).

Приходится предположить, что именно эти экономические выводы русских народников, а не опровергавшие их доказательства Плеханова и Маркса (а также и Энгельса в упомянутой выше статье его в ответ Ткачеву) определяли собою взгляды П. Л. на тогдашние русские общественные отношения.

И оттого, что П. Л. перестал с прежнею чуткостью улавливать наиболее передовые идеи своей эпохи и совершенно не заметил перелома в рабочем классе России, бледной и далекой от жизни стала его литературная и общественная деятельность.

С марта 1886 г. П. Л. снова принимается за свой труд «Опыт истории мысли нового времени», который начал выходить в Женеве выпусками с декабря 1887 г. Только переход Тихомирова от народовольчества к поддержке самодержавия побудил П. Л. выпустить брошюру «Письмо товарищам в Россию». Изредка он помещает также статьи в женевском «Социалисте» и нью-йоркском «Знамени» Странная вещь! Даже многие народники и на-

родовольцы в России к концу 80-х годов перешли к работе среди пролетариата во всех крупнейших рабочих центрах, а П. Л. этого совершенно не замечает.

В начале второй половины июля 1889 г. П. Л. участвует на международном рабочем конгрессе в Париже, который послужил началом Второго Интернационала. П. Л. получил туда мандат от восьми социалистических русских и армянских групп (из которых одна петербургская). Здесь он был избран в состав бюро и прочел перед конгрессом реферат о положении социализма в России. Но между тем как Плеханов, также участвовавший на этом конгрессе, высказал уверенность, что «пролетариат, образующийся вследствие разложения сельской общины, нанесет смертельный удар самодержавию», и закончил ее призывом к революционной интеллигенции — «усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия»,—П. Л. выдвигал на первый план группы и кружки, «разделяющие принципы прежней организации Народной Воли, которым недостает лишь единства и централизованной организации». П. Л. все еще сомневался в применимости к России марксистских методов пропаганды потому, что там *мало* рабочих. Он, по позднейшему выражению Плеханова, сохранял еще старые утопические предрассудки.

В том же 1889 г. П. Л. выступает с речами по поводу смерти Чернышевского и Щедрина; в 1892 г. он пишет о голоде в России; с января 1893 г. до октября 1896 г. принимает ближайшее участие в издаваемом «группой старых народовольцев» органе, под заглавием «Материалы для истории русского социально-революционного движения», с приложением отдела «С родины и на родину». В этом органе П. Л. напечатал, между прочим, свой труд «Народники-пропагандисты», где он подытоживал свою прошлую деятельность. Почти весь этот труд состоит из перепечатки отрывков из «Вперед» и других произведений революционной литературы 70-х годов и показывает, что автор как бы застыл на идеологии 70-х годов по отношению к России.

Приходится отметить, что хотя некотрые из молодых товарищей П. Л. давали ему повод пристальнее присмотреться к чаяниям тогдашней русской передовой интеллигенции, П. Л. остается совершенно нечувствительным к ним. 1 сентября 1895 г. В. Я. Яковлев-Богучарский пишет «группе старых народовольцев» большое письмо, где сообщает о громадном успехе русского марксизма среди революционной молодежи и о бессилии русского народничества в лице Михайловского, В. Воронцова и Кривенки дать отпор марксизму, и просит П. Л. написать открытое письмо русским революционерам по этому поводу для напечатания его в России в нелегальном «Летучем Листке», издававшемся от имени «группы народовольцев».

Что же пишет в своем письме П. Л. о русской социал-демократии?

«Тем из русских социал-демократов, которые смело утверждают, что организация подобной рабочей партии возможна в нынешней России, приходится ответить только: «попробуйте, и если вам удастся, вы совершите великое дело». Но для меня это дело невозможное, предполагающее ребяческое ослепление и едва ли не полное незнание русских юридических условий». В дальнейшем П. Л. советует действовать «в направлении политического заговора против абсолютизма»

Таким образом, и в 1896 г., когда в России уже существовал «легальный марксизм» и началась борьба против него в литературе, за которой следила вся интеллигенция и передовые рабочие; когда «Союзы борьбы для освобождения рабочего класса» охватывали уже рабочих многих городов; после того, как в 1895 г. весною и осенью имели место многочисленные рабочие стачки текстильных рабочих, а забастовка в Белостоке захватила до 20 тысяч рабочих,—П. Л. все еще считал «ребяческим ослеплением» для России признание возможности рабочей партии, которой он сочувствовал вполне на Западе Европы.

В данном случае П. Л. изменил самому себе, тем обязанностям русского революционера по отношению к действующей в России социально-революционной силе, которые он формулировал осенью 1885 г. в конце своей

автобиографии, говоря о практических задачах по отношению к России. «Как только в России—писал он тогда—образуется организованная истинно социалистическая, умеющая отстоять себя в общественной борьбе, умеющая привлекать к себе живые силы и организовать их для энергического действия, то Лавров считает (автобиография писалась в 3-м лице, курсив мой И. К.), что, согласно с его нравственными и социалистическими убеждениями, он, как всякий убежденный социалист, обязан, даже не вполне соглашаясь со всеми пунктами программы партии, в союз с которой он вступает, и не вполне одобряя все ее действия,—поддерживать всеми средствами ту действительную социально-революционную силу, которая сумеет на нашей родине более или менее успешно бороться за социалистические идеалы против препятствий, противопоставленных этим идеалам средою».—Теперь, в середине 90-х годов, пожелание П. Л. исполнилось, русские марксисты сумели привлечь к себе живые силы революционной молодежи, сумели организовать их для действия в «Союзах борьбы для освобождения рабочего класса», сумели успешно бороться за социалистические идеалы, побуждая царское правительство к уступкам в виде рабочего законодательства, а между тем П Л. все еще сомневался, более того, считал невозможным образование рабочей партии в России и продолжал пребывать в рядах оторванных от действительной русской жизни интеллигентов—народовольцев, терроризм которых имел смысл в конце 70-х годов, но не мог уже иметь никакого значения с середины 80-х годов, когда зашевелились рабочие массы.

Между тем капитализм в России шел вперед гигантскими шагами: производство чугуна от 1890 до 1900 г. выросло более, чем в $2^1/_2$ раза, добыча угля—почти в 3 раза; только за вторую половину 90-х годов иностранные капиталисты вложили в русскую промышленность до 500 миллионов рублей; число стачечников рабочих в первое пятилетие 90-х годов дошло до 200 тысяч, а во второе пятилетие до 434 тысяч, при чем около 90% стачечников при-

ходилось на предприятия с числом больше тысячи, а петербургские стачки 1896—1897 г.г., охватившие 30 тысяч рабочих и руководимые русскими социал-демократами, вынудили царское правительство издать закон 2 июня 1897 г. об $11\frac{1}{2}$-часовом рабочем дне, об ограничении ночной работы 10 часами, о сокращении рабочего дня на $1\frac{1}{2}$ часа накануне праздников и т. п. Но ни уступка правительства рабочему классу, ни жестокие преследования марксистских журналов и социал-демократических агитаторов (всего за три года, с 1896 до 1899 г. включительно, подверглись различным карам 7.699 человек, в большинстве рабочих) не могли уже остановить победного шествия русского рабочего класса, ставшего с 1905 г. самым революционным в мире и повлиявшим на ряд революций на Востоке, а с 1917 г.—и в Западной Европе.

П. Л. умер на 77-м году жизни, 25 января—6 февраля 1900 г. после непродолжительной болезни, поглощенный в последние годы своей жизни более всего наукой. Но надо отдать ему справедливость. Хотя он до конца не верил в русский рабочий класс, он никогда не унижался до заигрывания с либеральной буржуазией, как это делал Михайловский, участвовавший в народовольческих группах «Свободное Слово» и «Народное Право» 90-х годов, или заграничные народовольцы, вроде Бурцева, совершенно изверившиеся в социализме. П. Л. остался верен идеям I-го Интернационала и высоко держал знамя социализма, относясь непримиримо к буржуазии. Оттого он до конца своих дней был авторитетным советчиком для многих левых деятелей социализма разных стран, особенно для социалистов Польши, Чехии и Балканских государств. Когда его хоронили в Париже на Монпарнасском кладбище, провожавшие его прах представители социалистических партий многих стран, певшие «Интернационал» и произнесшие на его могиле ряд речей, чтили в П. Л. великого борца за социализм, каким он б ы л в л у ч ш и е годы своей сознательной жизни, почти в течение сорока лет.

ГЛАВА VIII.

Элементы марксизма в учении П. Л.

На первый взгляд кажется, что раз мы установили, что П. Л. не разглядел в России рабочего класса, когда уже появилось множество фактов его борьбы, правда, еще стихийной, но уже руководимой зарождавшейся Российской Социал-Демократической Рабочей Партией, то этим самым доказывается, что П. Л. был безусловно далек от марксизма.

Мы знаем однако, что и Плеханов, которому никто не может отказать в глубоком знании марксизма, совершил в конце своей жизни не меньшую ошибку, чем П. Л.: не признал пролетарской революции, не понял, почему она могла и должна была победить, и упорно отстаивал свою веру в необходимость разделения власти с буржуазией, каковое соглашательство привело бы несомненно к злейшей реакции и к гибели революции в России и во всей Европе.

Мы не хотим этим сопоставлением ошибок Плеханова и П. Л. заставить читателя поверить, что П. Л. был таким же глубоким знатоком марксизма, как и Плеханов.

Но надо признать, что в марксистской литературе все же слишком недостаточно освещен вопрос о проникновении П. Л. марксизмом, чтобы можно было удовлетвориться этим освещением.

6-го октября 1874 г. Энгельс напечатал статью в № 117 немецкого журнала «Volksstaat», где охарактеризовал П. Л. как «эклектика, который изо всех различных систем и

теорий старается выбрать то, что в них есть наилучшего», и поиронизировал над тем, что П. Л. «непрестанно зовет к единству всех социалистов, или, по меньшей мере, к избеганию всякой публичной свары».

С легкой руки Энгельса, Плеханов, приводящий в примечании к своему предисловию к польскому изданию Туна этот отзыв Энгельса о П. Л., утверждает там же в основном тексте, что «по своим историческим взглядам Лавров был несравненно ближе к идеалистам, чем к материалистам».

Приходится признать, что хотя Энгельс охарактеризовал П. Л. в самом почти начале его приобщения к марксизму, он вполне правильно сделал свою характеристику. Плеханов, писавший о П. Л. через три года после его смерти, тоже был прав.

Да и могло ли быть иначе? П. Л. познакомился с учением Маркса, когда ему было уже около 50 лет, после того, как он уже был определившимся ученым, по-своему воспринявшим Прудона, Герцена, Чернышевского, Огюста Конта, Спенсера, Гегеля, Фейербаха, Фр. Альб. Ланге и многих других философов. Вследствие инерции, свойственной всякой идеологии, П. Л. невольно сохранял рядом с вновь воспринятым им учением Маркса, очень многое из своего старого философского, социологического и экономического багажа, тем более, что тогда марксизм еще не был так разработан, как теперь, и толковался вкривь и вкось даже близкими к Марксу его друзьями (например, Вильгельмом Либкнехтом).

Надо удивляться не тому, что П. Л. не сделался от начала до конца марксистом, а тому, что и в 50 лет он продолжал духовно расти, сразу об'явил Маркса своим учителем и воспринял из марксизма такие важные вещи, которые, по признанию самого же Плеханова, как мы видели выше, делали пропаганду лавризма в России подготовкой к восприятию интеллигенцией и рабочими подлинного марксизма.

Естественно, что главное содержание марксизма, экономическое его учение, П. Л. усвоил меньше всего, так как политической экономией он вообще занимался мало и

считал, что после Чернышевского вряд ли можно еще сказать что-нибудь в этой области (см. об этом указание у Русанова). Это конечно, не могло не помешать П. Л. усвоить правильно учение марксизма и со стороны философской и социологическои. Однако значительные элементы марксизма в учении П. Л. имелись.

Свои общие философские взгляды П. Л., по его собственному указанию в автобиографии, подробнее всего изложил в своих лекциях по основным вопросам философии, читанных им в 1883—84 г.г. в Париже. К сожалению, нам неизвестно, имеются ли эти лекции в печати.

В статье 1872 г. «Кавелин, как психолог» П. Л. отмечает, как самую крупную истину психологии, «нераздельность психического от физического в человеке, постепенную выработку первого из последнего, сознательного состояния из бессознательного, постепенное развитие высших психических явлений из низших и переход одной группы явлений в другую». (Собрание сочинений. Статьи по философии. Вып. VI, стр. 139, изд. «Колос»). П. Л. с иронией говорит об особом «психологическом центре», якобы существующем в человеке, по Кавелину, «кроме физического организма», и о «невещественной душе, самостоятельной и бессмертной, чудесным образом связанной с вещественным и разрушающимся телом» (стр. 153, см. также 157, 168, 171). Здесь П. Л. останавливается на классификации философских учений и дает ее в таком виде: он отделяет супра-натурализм от рационализма; в области рационализма различает идеализм и реализм, причем первый безусловно отвергает; в реализме П. Л. различает 2 стремления — метафизическое и позитивное, причем в позитивизме он опять различает материализм, позитивизм и антропологизм (стр. 189—191). П. Л. заканчивает признанием, что «психология есть наука естественная, или она вовсе не наука» (199, см. там же, стр. 201).

Взаимоотношения между философией и наукой П. Л. мыслит себе так: «Философия опирается на науку и ею питается. Из фактов последней философия строит одно

стройное целое, не имея права ничего выкинуть, ничему противоречить. Чем она ближе к науке, тем она проще, нагляднее, убедительнее. Чем более разработана какая-нибудь часть науки, тем менее в этой отдельной части остается сделать философии; факты сами подсказывают и обязывают мыслителя к тому, а не другому роду построения» (Собр. соч., статьи по философии. Вып. II, стр. 52). Несколько раньше в той же книге П. Л. говорит: «Всякая философия есть временная наместница науки» (стр. 42).

Ясного ответа на вопрос об отношении мышления к бытию П. Л. не дает. По его собственному изложению своей философии в автобиографии можно судить, что П. Л.—агностик, т.-е. считает «невозможным знать так называемые вещи сами в себе или сущность вещей». «Теоретический и практический миры остаются неизвестными по их сущности и представляют для человека совокупность познаваемых явлений с непознаваемой подкладкой»... «Основной точкою исхода философского построения является человек, проверяющий себя теоретически и практически». Философию свою П. Л. называет антропологизмом. В центре ее стоит «человек», а не метафизические сущности, лежащие вне человека (идея, бог и т. п.)

В антропологизме П. Л. видел прежде всего миросозерцание реализма, который ведет непримиримую борьбу с религиозными и метафизическими учениями, унаследованными от прежних периодов мысли, так же как в эпоху Галилея это делала астрономия и в начале XIX в.—геология. Анропологизм ведет борьбу за свободу критической мысли и является об'единяющим центром всех научных знаний. В антропологизме об'единяется теоретическая и практическая деятельность человека. Личность есть осуществляющийся в истории человек. Антропологизм обнимает три сферы: науку, искусство и философию; религия, как патологический элемент, исключается; философия является только об'яснительницей наук; этика тоже относится к наукам.

Несомненно, философия П. Л. не является вполне выдержаным материализмом, раз она смешивается с антро-

пологизмом. Но утверждать, подобно проф. Э. Л. Радлову, что П. Л. «подготовил расцвет идеализма 80-х годов в русской философии» и что «именно в этом его значение»— явная нелепость (см. П. Л. Лавров. Сборник статей. Изд. «Колос». 1922, стр. 27). Проф. Радлов подчеркивает, что П. Л. критиковал наивный материализм Бюхнера и Молешота в 60-х годах (стр. 18), но мы знаем, что это не доказывает идеализма автора такой критики. Известно, что Энгельс проявил такое же критическое отношение к наивному материализму. Еще в статье «Антропологическая точка зрения в философии», написанной в 1852 г., П. Л. доказывает, что «все метафизические системы приходят к самоотрицанию». (Собр. соч. Статьи по философии. Вып. II, стр. 200).

Главным доказательством идеализма П. Л. служат ссылки на его «Исторические письма», написанные в конце 60-х годов. Но впоследствии, в 1881 г., уже после ознакомления с марксизмом, П. Л. внес значительные поправки в изложенные там взгляды. В примечании к письму XVI-му, под заглавием «Теория и практика прогресса», П. Л. указывает, что это письмо написано в 1881 г. и «может несколько уяснить читателю, в каком направлении я перестроил бы все целое «Исторических писем», если бы принялся за них в начале 80-х годов, а не в конце 60-х». (Цитируем по изд. 1917 г., стр. 235). Здесь П. Л. значительно ограничивает свою оценку значения отдельной личности:

...«Лишь к о л л е к т и в н а я сила может иметь историческое значение. Поэтому для борца за прогресс возникает долг—скреплять свою связь со своими единомышленниками, войти элементом в организованную коллективность людей, действующих в определенном направлении словом и делом» (стр. 241).

Отвергая тех, кто думает, что «идеи двигают миром» (стр. 248), что прогресс «заключается во внесении в общественный строй начала права, в установлении правового государства» (там же), П. Л. говорит:

... «Общественную правду, общественное воплощение свободы и равенства надо искать прежде всего не в уста-

новлении лучших юридических отношений между личностями и группами, а в установлении более правильного экономического строя. Если последний будет правилен, то неправильные политические формы установиться надолго не могут» (стр. 251).

... «Враждебны (прогрессу) те, которые не признают господства экономических интересов над прочими в строе общества и необходимости устроить в них солидарность... враждебны те, которые видят основное орудие прогресса в конкуренции личных интересов, а не в их кооперации; те, которые считают господство одного класса над другим неизбежным условием прогресса»... (стр. 253).

... «Теория прогресса не может быть извлечена даже из самого тщательного наблюдения современного общественного строя, пока мы не поняли этого строя, как результат всей предшествовавшей истории, в которой действовали определенные исторические силы»... (стр. 257).

... «Без ясного понимания экономического процесса производства, обмена и распределения богатств историк никогда не может сделаться историком народных масс, которые преимущественно подчинены условиям экономического обеспечения» (стр. 259—260, курсив мой. *И. К.*).

К сожалению, материалистическая точка зрения не выдержана у П. Л. и уступает иногда место физиологической теории человеческих потребностей.

«Во взаимодействии основных и выработанных здоровых потребностей человека проявляются основные процессы истории»,—говорит далее П. Л.

... «Все основные потребности суть потребности чисто материального свойства и связаны с самыми элементарными процессами жизни. Временные потребности, вырабатываемые историей, уже гораздо сложнее. Человек их ставит обыкновенно выше, но под ними скрывается, собственно, стремление удовлетворить наилучшим образом все те же элементарные потребности»... (стр. 268).

«При более тщательном рассмотрении, эти основные потребности сводятся на очень немногие: на потребности

в пище, одежде, жилище, орудиях труда и т. п., т.-е на группу так называемых экономических потребностей и на потребность в безопасности. Первая создает экономический строй, его различные функции и органы; вторая — политические отношения, внешние и внутренние»... (стр. 270).

«При рассмотрении взаимодействия экономических и политических потребностей в истории, научное решение вопроса склоняется к господству первых над последними»... (стр. 272).

В другом своем произведении «Переживания доисторического периода», относящемся к 1897 — 1898 г.г., в главе 5, стр. 35—41, П. Л. говорит: ...«Экономические явления составляют в огромном большинстве случаев (? *И. К*) основу, на которой и в зависимости от которой развиваются все остальные (явления)» (стр. 36). П. Л. сам иллюстрирует это положение на примере развития техники в металлургии и в земледелии.

Почему земледельческая техника развивалась крайне медленно, а «обработка металлов, особенно драгоценных, является раннею заботою народов на низших ступенях обособленной цивилизации»? Потому, что металлы сразу, при открытии их обработки, доставили господствующему меньшинству и монополию орудия, далеко превосходившего деревянное, каменное и роговое орудие большинства, и средства для украшения жизни (в одежде, в жилище, в обстановке вообще), которые... возвышали достоинство личности господствующего класса и выделяли ее из подчиненной массы... Техническая мысль, под влиянием спроса на хорошие металлические изделия со стороны господствующих (т.-е. состоятельных) классов все время направлялась... на улучшения этого производства во всех отношениях.

«Когда золото и серебро обратились в исключительные меновые знаки, сохраняя при этом свою собственную ценность,... научная мысль... занялась вопросом об искусственном получении драгоценных металлов, сначала (в Египте, в Халдее, в греческом мире) соединяя магические приемы

с опытными, впоследствии вырабатывая чисто эмпирическую технику алхимиков конца средних веков, эпохи возрождения и начала новой цивилизации.. В последние эпохи то же экономическое явление вызвало... и теорию меркантилизма, что богатство страны заключается в том, чтобы ее правительство обладало наибольшим возможным количеством драгоценных металлов.

«Постоянно высокое в народной эпохе положение металлургии и постоянно деятельная работа мысли в направлении к расширению понимания роли металлов в культурной обстановке жизни... обуславливались т е м, что о б щ е с т в о в о в с е п е р и о д ы е г о э в о л ю ц и и с о с т о я л о .. и з м е н ь ш и н с т в а, э к с п л у а т и р о в а в ш е г о п а с ы н к о в ц и в и л и з а ц и и в с в о ю п о л ь з у, и т е м, что это меньшинство находило свой, все более сознанный им и н т е р е с в работе мысли над улучшением металлургического дела. .

«Земледелие, напротив, до самого последнего времени представляло господствующим классам интерес, преимущественно по его экстенсивности, но вовсе не по улучшению его технических приемов.—Оно с л у ж и л о о с н о в о й с у щ е с т в о в а н и я о б щ е с т в, но скорее ставило господствующие классы, им не занимавшиеся, в зависимость от большинства, состоявшего из земледельцев, чем давало непосредственное средство первым господствовать над вторым (подобно металлическому орудию).—Оно не давало никакой пищи показной стороне индивидуального достоинства господствующей личности»... Поэтому люди мысли им не занимались. «Но лишь тогда, когда машинное производство и успехи индустрии в других отраслях открыли глаза капиталистам на возможность извлечь с в о ю выгоду из приложения научной мысли к технике земледелия, лишь тогда земледелие кое-где отряхнуло с себя... традиции доисторических приемов»... Однако и теперь, при господстве капитализма, развитию техники земледелия мешает то, что оно—промысел бедного большинства и, как указал Маркс, при затратах капитала на земледелие, вызывает расход на покупку земли или на ренту собственнику ее. (Здесь Лавров цитирует Маркса).

...«Уже в первобытных исторических обществах, вырабатывалось противоположение пасынков цивилизации, на труде которых были основаны все стороны этой цивилизации, господствующим классам, эксплуатировавшим этот труд и обладавшим исключительно возможностью интеллектуального развития. Неизбежным фактическим следствием этого классового деления был факт, что во всех отраслях техники доисторические приемы переживали и преобладали до тех пор, пока господствующие классы не видели своего интереса в улучшении техники и форм производства и обмена. Но как только подобный интерес был ими осознан, немедленно эмпирическая изобретательность, а затем и научное мышление являлись покорным слугою деспотов, могучих феодалов, богатых аристократов и городских патрициев, наконец, просто капиталистов разного рода; и успехи в замене доисторических приемов более рациональными шли большею частью параллельно с ростом указанного сознания.

«Так как явления обмена, вырабатывавшие разные формы торговли... были одною из самых прочных опор могущества господствующих классов, то неудивительно, что в этой экономической области мы встречаем и самое быстрое вымирание доисторических приемов».

Таким образом, мы видим, что П. Л. умел об'яснить общественное сознание классовыми интересами и вполне оправдал указание Маркса, что «технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений» («Капитал», т. I).

В более ранней своей работе—«Государственный элемент в будущем обществе»—П. Л. дает экономическое об'яснение либеральных идей. «Борцы за политические идеи последних веков были вынесены на историческую сцену волною, которая состояла из деятелей и сил, не только проникнутых убеждением в необходимости свободы, равенства и братства, но никогда не подумавших серьезно о смысле этих слов.. Это были борцы за обогащение,

за господство капитала. Им мешали старые формы власти; им мешали традиции религиозные, национальные, государственные, неподвижность феодальных имуществ, тайна кабинетных интриг, всемогущество королевских любовниц, войны из-за престолонаследия, тарифы и таможни. Они с радостью стали под знамя идей, которых не понимали, да и не имели в этом нужды, но которые служили им прекрасным оружием для их целей. Они бросили вес своей растущей экономической силы в чашку либерализма, и весы политической истории изменили свое положение... Во второй трети нынешнего (XIX) века вдруг стало совершенно отчевидно, что «чистые нравственные идеи» либерализма служат вывескою царства лавочников и рабства пролетариата, составляют существенный элемент этого порядка и что борцы за великие либеральные начала потрудились на пользу нынешних биржевых героев» (стр. 57—58).

В другой своей работе—«Социальная революция и задачи нравственности»—П. Л. говорит об экономике, как основе социализма, и о борьбе классов не менее ясно.

«Эта теория (социализма), как оказывается, не придумана какими-нубудь уединенными мыслителями в глубине кабинета, но поставлена перед народами, как фатальная историческая задача в процессе исторической эволюции... люди критической мысли убедились, что эта задача разрешима лишь на почве удовлетворения экономических интересов, вне которого солидарное развитие человечества в других направлениях становится невозможным».

«Доказательством необходимости решения важнейших исторических вопросов прогресса именно в этом направлении, явилось сознание, что под разнообразными и пестрыми явлениями истории общею подкладкою всегда была и осталась борьба классов за экономические интересы, борьба сперва бессознательная или полусознательная, принимавшая часто для самих борющихся вид отстаивания старого обычая или введения нового, изменения форм политической власти, борьбы за фантастические верования, за право личности развиваться, расширять свои знания, жить согласно своему убеждению, борьбы за свободу мысли и слова, и лишь в наше время выступившая перед мысли-

телями с полною определенностью протиpоположения интересов капитала и труда» (стр. 48—49).

Как мы видим, П. Л. действительно усвоил некоторые элементы марксизма довольно основательно и сумел по-марксистски самостоятельно об'яснить развитие техники в металлургии и в земледелии.

Можно отнести к элементам марксизма в учении П. Л. и то, что литературу он считает отражением действительности, а не двигателем ее («самый гениальный писатель не может выйти из пределов возможного для своего времени»—пишет П. Л. в своих статьях о Шекспире); что этику он ставит на научную почву, доказывая, что «фактически для разных эпох, для разных культурных условий, для разных исторических положений нравственные идеалы не только были, но и должны были быть различны» (см. «Соц. револ. и задачи нравственности», стр. 23); что он считает, что «основою справедливого общежития может быть лишь общий труд на всеобщую пользу» (там же, стр. 42—43), что «нравственный идеал получает свое истинное значение лишь как идеал нравственности социалистической» (там-же).

Но надо признать, что эти элементы материалистического об'яснения очень часто разбавляются суб'ективным идеалом и большою ролью, которая уделяется интеллигенции. Так, «Переживания доисторического периода», которые мы цитировали выше, заканчиваются такой двойственной «эклектической» тирадой:

«Лучше понятая история обнаружила, что борьба интересов в прошедшем заключалась, в сущности, в борьбе классов, которая неизбежно привела к современной борьбе капитала и труда, и в этом ее фазисе определенно указала на возможность прекращения этой борьбы интересов вместе с исчезновением разделения классов.

«Но то же самое лучшее понимание хода исторического процесса приводит к убеждению, что только что указанная возможность способна обратиться в действительность лишь путем энергической инициативы интеллигенции, для которой то, что понято, как исторически неизбежное, обратилось, в сфере актов воли,

в личный обязательный идеал, в нравственное убеждение, неумолимо требующее от развитого человека действий, борьбы и жертв» (стр. 164).

Социалистический идеал, как мы видели выше, П. Л. вырабатывает иногда на основании изучения «естественных и здоровых потребностей» человеческой природы. Он проводит резкую границу между историей и естествознанием, видя в истории лишь «последовательные явления», а в естествознании постоянную повторяемость их. Между сущим и должным у П. Л. все еще остается глубокая пропасть. Диалектического метода Маркса мы у П. Л. не видим. На ряду с Марксом мы можем проследить в учении П. Л. влияние Канта и Спенсера.

В вопросах философии и социологии П Л., как и большинство вождей социализма эпохи I Интернационала, которые были материалистами (напр. Бланки), стоит еще на рубеже между интеллигентским и пролетарским социализмом, хотя и более близок ко второму, чем к первому.

Но, если судить об элементах марксизма в учении П. Л. по тому, как они проповедывались лавристами в России (где подчеркивалось учение о классовой борьбе и иллюстрировалось историей Интернационала и текущего рабочего движения Западной Европы), приходится признать, что элементы марксизма в лавризме сыграли крупную роль в подготовке Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (см. об этом выше, конец V-й главы).

ГЛАВА IX.

Элементы большевизма в учении П. Л.

Большевизм отличается от «марксизма вообще», исповедуемого меньшевиками, тем, что он подчеркивает свой материализм, не допуская никаких уступок религии, кантианству или эмпириомонизму, строго проводит диалектический метод в об'яснении всех явлений в области теории и исторической действительности, выдвигает на первый план классовый момент в вопросе о происхождении и сущности права и государства, а в области практической политики признает необходимость диктатуры пролетариата, отвергает всякое соглашательство с буржуазией и разоблачает всю фальшь «демократии», отстаиваемой буржуазией и меньшевиками.

Не может быть двух мнений насчет того, что именно большевизм является подлинным марксизмом. В вопросах теории Плеханов, например, до конца своих дней оставался большевиком. Позиция Плеханова на 2-м с'езде Р. С.-Д. Р. П. в 1903 г. по вопросам о парламентаризме и буржуазных «свободах» свидетельствует, что тогда Плеханов был большевиком и в вопросах практической политики. В лучших своих работах Каутский, как известно, тоже был до 1914 года марксистом в большевистском понимании этого слова, по крайней мере, в вопросах теории.

Но если Плеханов и Каутский, в конечном итоге не избегли влияния атмосферы своей эпохи, эпохи II-го Интернационала, и на склоне дней своих сделались в практической политике оппортунистами, рекомендовавшими «соглашательство» с буржуазией, потому что они не верили в самостоятельную силу рабочего класса, то П. Л. Лав-

ров до конца своих дней оставался верен духу I-го Интернационала, его непримиримости с буржуазией, его революционной до конца тактике.

Мы видели, что П. Л. и в середине 90-х годов считал рабочий класс России незначительной величиной для революции и больше верил в силу интеллигентской заговорщицкой партии, но это относилось только к России. Что касается Западной Европы, П. Л. считал там главным носителем революции рабочий класс. Это видно особенно из его оценки Парижской Коммуны, сделанной им в момент ее героической борьбы в его цитированных выше письмах к Штакеншнейдер и восемью годами позже—в 1879 г «Парижская Коммуна,—говорит П. Л.,—в свое короткое существование о к о н ч а т е л ь н о у н и ч т о ж и л а и л л ю з и ю (подчеркнуто самим П. Л.), что буржуазное развитие дает какое бы то ни было превосходство в управлении общественными делами,—иллюзию, что пролетариат, на другой день после победы, все-таки будет нуждаться в интеллигенции побежденных буржуа и все-таки должен будет поставить в своей главе тех, против которых восстал...» («Парижская Коммуна», 2-ое изд. «Колос». 1919, стр. 193). П. Л. не сомневается, что «между миром старой эксплуатации трудящихся теми, которые живут чужим трудом, и новым миром всеобщего труда, примирения нет, не может и не должно быть» (там же, стр. 267). Как представитель социально-революционной партии России, каким он себя считал, мы видели, он так же непримиримо отстаивал чистоту социализма.

Чем вызывался эклектизм П. Л. в вопросах теории (его согласование марксизма с антропологизмом, с эволюционизмом Спенсера, отчасти с кантианством) и непримиримость в вопросах практической политики?

Если, как мы выше указывали, с теорией марксизма П. Л. познакомился на 48-м году своей жизни, когда его теоретическое развитие уже почти закончилось, то непримиримость в вопросах практической политики он усвоил гораздо раньше, еще в начале 60-х годов, в атмосфере «Молодой России», когда он писал свою статью «Постепенно». Если мы затем припомним, что введший П. Л.

в Интернационал рабочий Варлен был учеником Бакунина, то мы поймем, почему еще до знакомства с Марксом, П. Л. мог отнестись к Парижской Коммуне так сочувственно, как это сказалось в его письмах с первых же дней ее. Вся общественная атмосфера эпохи I Интернационала была революционна и, раз вдохнув ее, П. Л. естественно революционно разрешал вопросы практической борьбы с буржуазным миром. П. Л. сам подчеркивает, что «социализм Интернационала представлял в эпоху Парижской Коммуны 1871 года высшую точку развития общественной идеи» («Париж. Ком.», стр. 253). «Одно из главных завоеваний Интернационала в отношении политики социализма заключалось в усвоении убеждения, что невозможен союз между партией рабочих социалистов и всеми другими партиями, которые называют себя более или менее демократическими, более или менее радикальными, более или менее преданными интересам массы, оставаясь, тем не менее, на почве старых политических или экономических задач» (там же, стр. 264). Из такого отношения П. Л. к Интернационалу можно заключить, что именно его политикой, проверенной на практике на ошибках Парижской Коммуны, руководился П. Л. во всех своих суждениях о практике революции. Политика же I Интернационала была по существу большевистской.

Мы видели в начале этой главы, что большевизм уточняет марксизм и в теории и в практической политике. Но из вопросов теории П. Л., по указанным выше причинам, из которых главная—его недостаточное знание экономики, разрешил правильно в большевистском духе лишь вопрос о государстве, зато в области практической политики он решает почти все вопросы по-большевистски.

О государстве П. Л. писал, умудренный опытом Интернационала, на конгрессах которого разбирались доклады де-Папа об организации общественных служб в будущем обществе. Но при этом он высказал и вполне самостоятельные взгляды, ясно отгородившие его от анархистов.

Государство для П. Л.—организация классовая. «Государство есть общественный союз, в котором существует власть той или другой формы, власть, помощью которой одна доля населения делает решения,

ею принятые, обязательными для остальной части («Госуд. элемент в будущем обществе», стр. 27, курсив мой. *И. К.*). Государство—«охранитель экономического порядка, т.-е. именно того экономического порядка, который вырастал из всемирной конкуренции монопольных собственников» (там же, стр. 49). «Для самого малого меньшинства граждан оно (государство) охраняет возможность увеличивать их капитал и наслаждения, им доставляемые Для большинства собственников оно охраняет процесс фатального ограбления их и неизбежной их гибели из-за выгод все того же небольшого меньшинства. Наконец, для всей остальной огромной массы народа оно охраняет процесс постоянной эксплуатации, неизбежного обеднения, вырождения и вымирания» (там же, стр. 13, курсив П. Л.). Поэтому рабочий социализм есть полное отрицание современного государства... Между современным государством и рабочим социализмом ни примирения, ни соглашения нет и быть не может» (там же, стр. 62, курсив П. Л.). Но при всем том у П. Л. нет огульно отрицательного доктринерского отношения к государству, какое имеется у анархистов и в том числе и у Бакунина. П. Л. прекрасно понимает, почему государство было необходимо в прошлом, и подробно доказывает, что пока социализм не осуществлен, «до тех пор государственный элемент, элемент власти и принуждения, вполне исчезнуть из общества не может. Он не может исчезнуть накануне социальной революции, когда социально-революционный союз в России или международный союз рабочих в Европе и в Америке будет представлять армию, готовящуюся к бою за новый мир, но все солдаты которой выросли в старом мире конкуренции, монополии и паразитизма. Он не может исчезнуть и на другой день после социальной революции, когда победители будут окружены внешними и внутренними врагами и сами еще будут носить в себе следы побежденного мира. Он может исчезнуть лишь в тот период, когда солидарность общего труда в свободных союзах охватит все общество» (там же, стр. 243).

Переходя теперь к вопросам практической политики, как их понимал П. Л., скажем сразу, что П. Л. прекрасно усвоил опыт рабочего движения в Париже в эпоху Коммуны 1871 г., хорошо понял роль партии в рабочем движении, как авангарда с определенной политической и экономической программой действий, и выяснил, что только партия пролетариата, после захвата пролетариатом власти, может ее удержать, укрепить и сделать непобедимой— путем установления своей диктатуры и путем полной смены старых экономических и политических порядков. У П. Л. это не есть случайное понимание правильной большевистской политики. Он обнаруживает его и в «Госуд. элементе в будущем обществе», написанном в 1876 г, и в «Парижской Коммуне», написанной в 1879 г., и в передовицах в «Черном Переделе» в 1880—81 г.г., и в «Социальной революции и задачи нравственности» 1884—85 г.г.

П. Л. подчеркивает, что, «каковы бы ни были другие приемы социальной революции, одно бесспорно: она должна начаться немедленным и неуклонным обращением всякого имущества частного, имущества групп, имущества государственного в имущество общее»... В России революция «должна устранить ту основную неравномерность распределения крестьянского благосостояния, которая опирается на различие в количестве движимого имущества (скота, орудий труда, запасов предметов жизненного обихода и мелкой торговли и т. п.), так как, при существовании подобной неравномерности, экономическая зависимость одних личностей от других составляет неизбежное следствие» («Госуд. элемент...», стр. 131 и 132).

Ту же мысль П. Л. повторяет в «Парижской Коммуне». «Никогда ни при каких обстоятельствах социалисты не имеют права забыть, что в настоящую эпоху исторической борьбы экономический вопрос примирует над всеми прочими; что пока экономический переворот не совершен во всех главных основах, ничего не сделано... Как только исторические комбинации доставят пролетариату хотя бы временную победу, он должен совершить прежде всего экономическую революцию... Артиллерия пролетариата — это «социальная идея» (стр. 251—252). «Все остальное должно

находиться в зависимости от этой главной задачи» (там же, стр. 253).

Чтобы осуществить подобный образ действий, пролетариат должен иметь свою партию и свою политическую программу. О значении партийной программы П. Л. говорит опять-таки и в «Госуд. элементе» (стр. 186) и в «Парижской Коммуне» (стр. 253) и в «Социальной революции и задачи нравственности» (стр. 66). «Люди, борющиеся за осуществление лучшего будущего для человечества, не имеют права колебаться и «сомневаться в себе» в минуту, когда они призваны к действию. Велики или малы их силы, они должны смело нести все эти силы на дело, которому служат. Совершенны или несовершенны их программы,— за неимением лучших, они должны решительно осуществлять эти программы, представляя будущему исправлять их недостатки. Дело идет не о декретировании, не о навязывании какой-либо программы, но о предложении ее в определенных, практических формах и об употреблении всех усилий на ее проведение в дело, как первого, хотя бы несовершенного кадра для организации силы. В минуту действительного столкновения партия без программы бессильна. Она может восторжествовать, может стоять у кормила движения, но она никогда не будет в состоянии дать ему направление... В решительные исторические моменты массы всегда пойдут за тем знаменем, на котором написана более определенная программа, наиболее простые, ясные и определенные цели; массы пойдут за теми, кто готов и не колеблется...» («Париж. Коммуна», стр. 256).

Для того, чтобы партия, имеющая ясную программу, могла успешно действовать, она должна быть очищена от вредных элементов. «Когда партия выступает на историческую арену, на решительную борьбу под внимательным наблюдением врагов, соперников и индифферентистов, когда она должна завоевать своей программе место среди руководящих принципов общества, тогда самые жестокие, самые опасные удары, которые могут быть нанесены партии, суть удары, наносимые ей нравственной несостоятельностью ее членов. Опасны не только изменники; опасен всякий, кто своими общественными или даже частными

действиями кладет пятно на партию. Каждый из нас должен помнить, что, как член партии, он вредит ей всяким своим необдуманным поступком; что каждое частное дело его может пасть на ее ответственность. Каждый должен помнить, как член партии, что своим сближением с теми или другими личностями, своими личными связями, он может или вредить своему знамени, или поддерживать его. Там, где, как отдельная личность, как частный человек, он мог бы быть снисходительным, ему приходится быть строгим, как члену партии. Ему приходится преследовать тех паразитов социализма, которые, живя на счет чужого труда, говорят о создании царства труда; приходится отталкивать тех безобразников социализма, которые в пьянстве, в кулачных расправах и в развратных оргиях топчут в грязь имя социализма и его знамя. Враги наши зорко следят за нами, жадно ловя всякий случай, который дал бы им повод с каким-нибудь действительным правом обрушить на нас обвинение или насмешки. И мы должны быть зорки. Мы должны друг друга подкреплять в тех, неизбежных в каждом, слабых сторонах каждого, которые в опасную минуту могут быть гибельны для общего дела. Мы должны искоренять в наших кружках взаимным товарищеским влиянием то, что может бросить тень на партию, может уронить в грязь наше знамя, может повредить общему делу» (там же, стр. 262—263).

В дополнение ко всему здесь сказанному о партии, П. Л. в другом месте ясно высказывается за партийный централизм. «Печальные явления борьбы фракций, соперничества личностей, ослабляют всюду социалистов в их борьбе с их врагами... Членам социалистических групп приходится помнить, что они суть не только сторонники определенной теории, пропагандисты определенных идей, но что их дело еще фактически завоевывать социализму торжество над врагами сильными, опирающимися на государственную организацию; что эта борьба за власть в обществе имеет свои условия, общие для всякой борьбы; что одно из этих тактических условий есть единство действия, без которого ни одна армия не может победить; что это единство возможно лишь при подчинении лично-

стей и группы общему руководству в той или другой форме» («Соц. рев. и задачи нравственности», стр. 61).

На примере Парижской Коммуны П. Л. ясно видел также необходимость диктатуры пролетариата. Величайшим недостатком Коммуны П. Л. считал отсутствие в ней партии с диктаторской властью. «Необходимо было, чтобы в минуту взрыва эта партия (партия пролетариата) вынесла во главу движения представителей своей мысли, сознающих свою революционную миссию, готовых принять на себя ответственность... необходимо было, чтобы эти люди были в новом правительстве достаточно многочисленны и между собою с первого же шага достаточно согласны, чтобы отстоять свой план против товарищей, которые не усвоили бы еще смысла борьбы пролетариата с господствующими силами старого общества; необходимо было, чтобы это большинство революционного правительства, вынесенное во главу своими сторонниками, явилось перед победоносным пролетариатом с определенной программой, не навязывая массам декретами фантастический строй, им непонятный, но привлекая к своей программе массы тем пониманием их интересов, которое позволило бы программе, предложенной новым правительством, с первой же минуты быть усвоенной массами, как их же мысли, желания, стремления, только выраженные ясно, сжато, систематически, определенно, и поэтому позволило бы этой программе быть немедленно осуществимой. («Париж. Комм.», стр. 129—130, курсив мой *И. К.*).

Из подчеркнутых слов видно, между прочим, что П. Л. видел в диктатуре не простое насилие партии над массами, но лишь правильное представительство их интересов. П. Л. говорит о том же в другом месте... «Чем многочисленнее класс, совершающий сознательно революцию и захватывающий таким образом диктатуру, и чем теснее с этим многочисленным классом нравственно, умственно и материально связаны те выборные из его среды лица, которые осуществляют на деле эту диктатуру, тем более теряет свое значение принудительность, связанная с этим по-

нятием... Если революционный взрыв выдвинул во главу движения людей, выработанных в среде рабочих обществ .., они будут в состоянии осуществлять эту программу не как свой личный план, а как программу партии, формулирующей ее более или менее ясно выработанные требования. Принудительность их власти относительно их сторонников не может иметь места и в этом отношении,—это, собственно, не диктаторы, но делегаты» (там же стр. 167—168).

П. Л. ясно понимал вред всякого соглашательства и колебаний пролетарской партии и необходимость применения ею террора. «История беспрестанно ставила и ставит лицом к лицу интересы, аффекты, убеждения, которые примирены быть не могут и все попытки к примирению которых лишь увеличивают число жертв, а не уменьшают его .. В настоящем общественном строе выгоды, которыми пользуется господствующее меньшинство, слишком значительны, чтобы существовала для предстоящей социальной борьбы хотя малейшая надежда добровольной уступки этих выгод... А если борьба, кровавая, насильственная борьба неизбежна, разве она не ограничилась бы меньшим числом жертв, если бы была ведена энергически и быстро с самого начала?... Когда раз мы убедились, что между нами и врагами нашими мира быть не может, что они не могут нам уступить добровольно то, чего мы требуем, и когда мы уверены, что будущность человечества зависит от успеха наших начинаний, то во имя человеколюбия, в виду доведения числа неизбежных жертв до минимума, мы должны наносить удары смело, быстро и решительно, именно потому, что мы боремся за будущность человечества» (там же, стр. 268—270).

В силу той же своей уверенности в необходимости диктатуры пролетариата, П. Л. не допускает никакой уступки буржуазии по вопросу о школах. «Ни одна школа не может быть предоставлена противникам. Ни одно молодое существо не должно вырасти под влияниями враждебными рабочему социализму. Все старые школы всех наименований должны быть закрыты и немедленно преобразованы в новые, соответственно требованиям нового

строя... Конечно, истинная наука не только не пострадает от этого, но выиграет, потому что единственная настоящая наука, единственные настоящие школы могут иметь место только по совершении социальной революции» («Гос. элемент», стр. 177).

Но надо признать, что в вопросе о буржуазных свободах П. Л. не всегда был последовательным. В том же «Госуд. элементе» он допускает свободу слова и печати для буржуазии (стр. 175 и 176). Но позже, в «Социал. революции и задачи нравственности», он высказывается против всякой иной политической программы, кроме программы партии пролетариата (стр. 69). «Убежденный социалист принужден признать врагами определенные группы людей, которые союзниками социалистов никогда быть не могут... Закрывать глаза на необходимость насилия в этой борьбе было бы лицемерием или самообольщением» (там же, стр. 70).

П. Л. предвосхитил очень многие мероприятия нашей революции. Так, еще в 1876 г., в «Государственном элементе», говоря о том, что надо делать на другой день после социальной революции, П. Л. ставит на первый план, кроме обращения имущества частного в общее, обязательность трудовой повинности, организацию общественных работ, рассылку эмиссаров социальной революции в другие страны «образование общей думы рабочей России», напоминающей наши советы депутатов и т. п.

Особенно интересны для нас те мнения, которые П. Л. высказывает относительно необходимости союза пролетариата с крестьянством. Здесь П. Л. почти предвосхищает политику В. И. Ленина и Коминтерна.

«На сельское население вообще смотрят как на элемент или вполне враждебный социалистической пропаганде, или весьма неудобный для этой пропаганды. Но это далеко не всегда так: земледельческие рабочие в Англии способны быть легко втянуты в социально-революционное движение промышленных рабочих, так как они наемники подобно последним, и всюду, где преобладает форма сельского хозяйства силами наемников и батраков, искусно веденная пропаганда может не противопоставлять село городу, крестьянина фабричному, а связывать их в один

революционный союз... Там же, где участковое, подворное землевладение или мелкое фермерство не позволяют надеяться на привлечение этих сил в значительной мере в социалистический лагерь, где на крестьянство приходится смотреть как на один из самых сильных оплотов монопольной собственности и, следовательно, как на вероятных врагов в минуту взрыва, социалистам приходится стремиться, опять-таки путем личной пропаганды, к дезорганизации этой силы, которая может быть им опасной... Отдельные личности и группы крестьян, привлеченные заранее социалистической пропагандою, образуют в минуту основания нового строя модельные ф е р м ы коллективного сельского хозяйства, которые позволяют городскому фабричному социализму временно не бороться с остатками монопольной поземельной собственности в руках мелких фермеров и крестьян-землевладельцев, в то же время не отрекаясь ни на минуту от задачи социализма устранить всю монопольную собственность» («Соц. рев. и задачи нравств.», стр. 63—64). Чтобы нейтрализовать крестьянство и привлечь его симпатии к социализму, П. Л. рекомендует осуществить и переход земель государственных и всех крупных землевладельцев в коллективную обработку крестьянства, приставшего к социалистическому движению, отмену ипотек и долговых обязательств, обременяющих мелкие хозяйства» (там же, стр. 64).

Таким образом, мы видим, что во всех практических вопросах революции П. Л. обнаруживает очень глубокий подход, доказывающий его чисто-большевистское проникновение интересами социализма и рабочего класса. И все это он почерпнул не из книг, не из теории, а из живой практики революции, как он ее видел в Парижской Коммуне. Стоит сопоставить его подробный разбор ошибок Коммуны с данными им директивами для пролетарской революции, чтобы вполне убедиться в этом. Как мы знаем, учет положительных и отрицательных шагов Парижской Коммуны был использован и во время Октябрьской революции. Это делает элементы большевизма в учении П. Л. вполне современными и достойными изучения.

ГЛАВА X.

Место П. Л. в истории русского социализма.

Мы видели из всего предыдущего изложения, что по своему темпераменту и характеру П. Л. отнюдь не был революционером, а сделался он им, вынужден был сделаться лишь в силу внешних условий. Социалистические взгляды он усвоил тоже под влиянием среды уже в 1862 г., когда был введен в «Землю и Волю», а впоследствии углубил их под влиянием Бакунина и I-го Интернационала (через Варлена), опыта Парижской Коммуны и научного социализма Маркса и Энгельса. Наиболее могущественным было влияние на П. Л. I Интернационала.

В своей автобиографии П. Л. говорит: «Появление Интернационала и знакомство с ним убедило Лаврова, во-первых, в существовании реальной почвы для социального переворота, во-вторых, в существовании непримиримой борьбы классовых интересов, над которой может возвыситься развитая личность господствующих классов лишь силою своего нравственного убеждения. Тогда П. Л. Лавров счел своею обязанностью содействовать социальному перевороту в том виде, как его требовала программа Интернационала». (Курсив мой. *И. К*). «Политическую революцию для России он считал в эту эпоху полезною лишь в тесной связи с переворотом социальным, как революцию, опирающуюся на довольно широкое народное движение. Политический переворот в России, чуждый экономических задач, он считал вредным, как образующий почву для такой же классовой эксплуатации народа, которая имеет место на Западе под формою либеральных учреждений.

Тем не менее он ни минуты не допускал отречения от политической оппозиции существующему абсолютизму, полагая необходимым, насколько возможно, при всяком отвоевании у правительства доли силы, действовать в смысле внесения экономического элемента во все политические требования, и это с помощью привлечения возможно большей доли низших классов общества к политической агитации».

Этот отрывок автобиографии П. Л., по нашему мнению, совершенно верно устанавливает степень убежденности П. Л. в социализме. Его поразил прежде всего голый факт об'единения рабочих многих стран в Интернационале, тем более, что он имел преувеличенное мнение и о числе его членов и о силе его организации. Хотя во время поездки для помощи Парижской Коммуне Генеральный Совет должен был дать П. Л. правильное представление о силе Интернационала в тот момент, верность П. Л. Интернационалу не ослабела. Те внутренние споры, которые вскоре стали подрывать Интернационал и разделили его на враждебных друг другу сторонников Бакунина и Маркса, П. Л. казались незначительными, лишь бы факт международного об'единения рабочих оставался в силе.

Наличие Интернационала убедило П. Л. и «в существовании борьбы классовых интересов», и, конечно, борьба Парижской Коммуны должна была еще более утвердить его в этом убеждении.

Как видим, подход П. Л. к социализму был довольно поверхностный. Революционность пролетариата, как класса представлялась П. Л. голым фактом. Он вряд ли отдавал себе отчет в том, что эта революционность заключена в материальных условиях существования пролетариата при капитализме. Дело в том, что товарное производство вынуждает пролетариат жить продажей по частицам самого себя, своей рабочей силы, что чувствительнее всякого иного гнета, которому подвергаются со стороны крупного капитала, например, крестьяне или мелкая буржуазия. Затем, опять-таки в силу товарности производства, «все прочие классы, как говорит Маркс, приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролета-

риат же именно ею и создается» и с каждым годом становится все более и более важным фактором общественной организации производства, тогда как значение других классов падает и они внутренне расслаиваются, отчасти пополняя собою ряды того же пролетариата.

Непонимание П. Л положения пролетариата в условиях товарного хозяйства позволило ему смотреть на русское крестьянство, обладающее собственностью, хотя и малою, как на «рабочий народ», потому что оно своими руками работало, и, прельщаясь его численностью, отнестись с полным пренебрежением к подлинному русскому пролетариату потому лишь, что он еще был малочисленным.

Не так ли смотрел на крестьянство и Бакунин в отношении России и романских стран, где пролетариата было еще мало?

Это был взгляд очень обычный среди многих членов и вождей I Интернационала. Они не понимали, что надлежащей точкою опоры для революции является только пролетариат.

И однако эпоха, когда образовался I-й Интернационал, в виду быстрого роста капитализма в то время во всех странах Европы, в виду огромного шага на пути развития производительных сил С. Штатов после их гражданской войны,—эпоха была очень революционной. Буржуазия еще только заканчивала свое государственное об'единение в ряде стран (в Германии, Италии, С. Штатах), пролетариат, кроме Англии, еще не получил от буржуазии значительных политических уступок и экономических подачек и, хотя еще раз'единенный, вследствие различных условий своего происхождения, готов был к международному об'единению и настроен был бунтарски. Только поражение Парижской Коммуны и последовавшие затем правительственная реакция, возникновение трестов и успешная империалистическая политика в колониях и полу-колониях, позволившие правившей буржуазии дать пролетариату ряд подачек и тем приведшие его к вере, что возможен путь постепенного улучшения его положения в рамках капитализма, временно заменили революционное настроение пролетариата мирно-реформистским.

Но П. Л., как воспринял революционный дух I-го Интернационала с 1870 г., так и сохранил его до конца своей жизни, несмотря на изменившееся позднее политическое настроение европейских социалистических партий, об'единившихся во II-м Интернационале в направлении мирной парламентской работы. Революционность П. Л. подогревалась из России, не желавшей делать никаких политических уступок, реакцией самодержавия (хотя, как мы видели выше, экономические уступки пролетариату делало даже царское правительство) и бешеной эксплуатацией со стороны русской буржуазии (заканчивавшей еще свой период первоначального накопления) всех зависевших от нее групп населения и прежде всего, конечно, крестьянства, только что пролетаризовавшегося.

Вот отчего место, занимаемое П. Л. в истории русского социализма, правильнее всего определить, исходя из учета той общественной обстановки, в которой возник I-й Интернационал.

Как Маркс и Энгельс явились выразителями тенденций развития не только современной им отсталой экономически Германии, но и передовой Англии, так и П. Л. был сложным продуктом не только воспитавшей его отсталой России, но и более передовой Франции эпохи Коммуны 1871 г. и всей Западной Европы эпохи I-го Интернационала.

П. Л., был не только русским социалистом, но и европейским; интернационализм стоял у него на первом плане, потому что залогом победы социализма он считал уже голый факт существования Интернационала.

Интернационализм характерен для П. Л. в гораздо большей степени, чем народничество. «О т ц о м» народничества его уже во всяком случае нельзя назвать; таковым был Герцен, Бакунин; П. Л. был лишь одним из в о ж д е й народничества, которых в России было множество. Интернационалистов же до основания группы «Освобождение Труда» в России было очень мало. Бакунин, правда, тоже пропагандировал интернационализм, но слишком сильно был занят делами романских стран и мало уделял

внимания России, к тому же уклон его интернационалистской пропаганды, как и пропаганды его последователей в России, был слишком сектантским, раз он исключал из своего Интернационала («Альянса») и германскую социал-демократию и все рабочие партии, признававшие необходимость политической борьбы. Можно сказать, что только П. Л. и был настоящим проводником интернационализма в духе марксовского Интериационала.

П. Л. воспринял из I Интернационала как раз наилучшие его заветы. П. Л. целой головой выше не только прудонистов, но и бакунистов эпохи I-го Интернационала. Он не боится соединения экономической борьбы с политической даже в эпоху редактирования «Вперед», а затем, под влиянием учета опыта Коммуны, прямо приходит к мысли, что всякая экономическая борьба есть и борьба политическая.

То обстоятельство, что социализм П. Л. был сложным продуктом не только русских, но и западно-европейских влияний, делает для нас понятной и революционность П. Л., которая так несвойственна была его характеру, но, будучи возбуждена в нем атсмосферой I-го Интернационала, с годами нисколько не ослабела и сказалась в тактических взглядах его «Парижской Коммуны» и «Социальной революции и задач нравственности».

И оттого, что П. Л. сохранил революционный дух I-го Интернационала, он в вопросах тактики революции стоит ближе к нашей эпохе III-го Интернационала, чем Плеханов, который от марксизма получил несравненно более крепкий теоретический закал, но в практической политике находился под значительным влиянием эпохи II-го Интернационала, склонного к соглашательству с буржуазией.

Большевизм в политике был характерен для I-го Интернационала, и он был воспринят П. Л. на всю жизнь и определил политические писания последних 25 лет его жизни. П. Л. эпохи Народной Воли и позднее ничего общего не имеет по своему политическому настроению ни с народниками типа Михайловского ни с позднейшей пар-

тией русских социалистов-революционеров, о которых Плеханов правильно каламбурил, что социализм их отнюдь не имеет ничего общего с революцией, а революционность— ничего общего с социализмом. Если эс-эры признают П. Л. своим учителем, то это очень плохие ученики его. Недаром эс-эрам, когда они пишут о П. Л , приходится брать его только таким, каким он был в конце 60-х годов, когда писал «Исторические письма», и они вынуждены замалчивать П. Л. позднейшей эпохи, когда он был всецело под влиянием I-го Интернационала. Эс-эры поныне носятся с интеллигенцией, как с писанной торбой, а П. Л. еще в 1881 г., в передовице в «Черном Переделе», отождествлял интеллигенцию с имущественными классами и писал: «Интеллигенция, имущественные классы вообще, никогда не будут в состоянии выделить из себя такого количества сознательных социалистов-революционеров, которое безусловно необходимо для фактического осуществления социальной революции... Надеяться составить многочисленную социально-революционную партию из интеллигенции невозможно,—это иллюзия, это значит задаваться задачей перевоспитания целых поколений. Только сам народ может освободить себя, т.-е. только он может поставить в ряды революционной партии те, весьма значительные, сознательные и боевые силы, которые необходимы для успешного исхода дела народного освобождения» (см. «Черный Передел». Гиз. 1922, стр. 285). К сожалению, то обстоятельство, что эс-эры поклонялись П. Л. как своему учителю, повело к тому, что марксисты и в первую очередь коммунисты стали с пренебрежением относится к об'екту их поклонения. Только перепечатка в 1919 г. «Парижской Коммуны» П. Л. изменила несколько это несправедливое отношение к его памяти, показав, что в П. Л. большевизм может видеть прямого своего предтечу в учении о революционной борьбе, опирающейся на пролетариат и крестьянство. Действительно, П. Л. вписал одну из наиболее славных страниц в историю русского социализма, непосредственно связав ее с I-м Интернационалом. Некоторые места из произведений П. Л., где он говорит о революционной тактике, производят такое же впечатление,

как и заветы В. И. Ленина по тому же вопросу: так они преисполнены глубокой мудрости, простоты и жизненности.

Закончим пожеланием, чтобы в наших коммунистических университетах и других высших учебных заведениях, где изучается история русского социализма, были созданы специальные курсы по изучению произведений П. Л. Лаврова, чтобы он перестал рассматриваться односторонне и неправильно, как «отец народничества», и чтобы учащееся поколение могло убедиться, что великое учение коммунизма, которое мы сейчас проводим в жизнь по заветам В. И. Ленина, корнями своими восходит, между прочим, и к П. Л. Лаврову.

Приложение № 1.

Список важнейших статей и книг П. Л. Лаврова в хронологическом порядке их появления.

Одним из самых существенных недостатков издания собрания сочинений П. Л., предпринятого издательством «Колос», является отсутствие марксистского подхода, выразившееся, между прочим, в том, что писания П. Л. сгруппированы по содержанию только, а не в хронологическом порядке их появления. Между тем только хронологический порядок издания позволяет проследить последовательное развитие идеологии издаваемого автора в зависимости от тех или иных перемен в окружавшей его исторической среде.

Чтобы хотя отчасти восполнить этот недостаток издания «Колоса», мы даем здесь список главных сочинений П. Л. в хронологическом порядке их появления, сгруппировав их по тем периодам, какие установлены нами для жизни и деятельности П. Л. в нашей книжке.

Статьи и стихи до 1857 г.

1841 г. Стихотворение «Бедуин» в «Библиотеке для чтения» за 1841 г., стр. 5—7.

1852 г. Библиографические заметки — в «Артиллерийском Журнале» за 1852 г., стр. 358—401

О ручном огнестрельном оружии в Австрии. Там же, стр. 471—481.

Артиллерия — в «Военном Энциклопедическом Лексиконе» за 1852 г., № 1, стр. 359—560.

1853 г О вновь введенной в Австрии «материальной части артиллерии»— в «Артиллерийском Журнале» за 1853 г., № 1, стр. 5—15.

Барометр и Барометрическое нивеллирование—2 статьи в «Военном Энциклопедическом Лексиконе», том II, стр. 137—149.

1854 г Доменная печь. Там же, том V, стр. 145—156.

1855 г Артиллерийское дело при устье Нарвы — в «Артиллерийском Журнале» за 1855 г, № 4, стр. 321—328

Математические науки—в «Военн. Энцикл. Лексиконе», том VIII, стр 539—561.

Металл для артиллерийских орудий. Там же, том VIII, стр. 644—649.

1856 г Обзор журналов — в «Артиллерийском Журнале» за 1856 г., № 1, стр. 24—74, № 2, стр 98—162, № 4, стр. 80—108, № 5, стр 10—76

Годы 1857—1866.

1857 г. Обзор журналов — в «Артиллер. Журнале» за 1857 г, № 1, стр. 32—88, № 2, стр 105—140, № 3, стр. 14—45, № 4, стр. 70—105, № 5, стр. 22—48, № 6, стр. 67—94.

По поводу вопроса о воспитании. Критериум для направления нравственного воспитания—в «Отечеств. Записках» за 1857 г, № 9, стр. 119—144.

1858 г. Обзор журналов — в «Артиллер. Журнале», № 1, стр. 18—54, № 3, стр. 90—107, № 5, стр. 127—141, № 6, стр. 54—81

Несколько мыслей о системе общего умственного воспитания молодых людей—в «Библиотеке для чтения», № 2, стр. 83—142.

Гегелизм. Там же, № 5, стр. 29—72, и № 9, стр 1—72.

1859 г. Обзор журналов — в «Артиллер. Журнале», № 1, стр. 34—58, № 2, стр. 76—103.

Практическая философия Гегеля — в «Библ. для чтения», № 4, стр. 1—66 и № 5, стр. 1—61.

(Статьями о Гегеле П Л. обратил на себя внимание литературных кругов).

Современные германские теисты — в «Русском Слове», № 7, стр. 141—212.

Механическая теория мира—в «Отечественных Записках», № 11, стр. 451—492.

Очерк теории личности.—Посвящ. А. Г. и П. П.—в «Отечеств. Зап », № 11, стр. 227—242, и № 12, стр. 555—610.

1860 г. Что такое антропология—в «Русском Слове» № 10, стр. 53—76

Ответ г. Страхову—в «Отеч. Зап.», № 12, стр. 101—112

Очерки вопросов практической философии. Личность. (Издание книгой статей предыдущего года).

1861 г О современном значении философии — 3 лекции, прочитанные в пользу Литературного Фонда, — в «Отеч Зап.» 1861 г., № 1, изданы в том же году отдельной книгой.

Моим критикам—в «Русском Слове», № 6, стр. 48—69, и № 8, стр. 88—108.

1865 г. Влияние развития точных наук на успехи военного дела и в особенности артиллерии. Лекции, читанные полковником Лавровым для офицеров артиллерии.—В «Артиллер. Журнале» за 1865 г., № 4, стр. 231—250, № 6, стр. 285—303, № 7, стр. 356—375

1865—1866 г г. Очерк истории физико-математических наук.—В приложениях к «Морскому Сборнику», стр. 1—234.

1865 -1867 г г. «Логика» Милля в переводе Ф. Ф. Резенера, под ред., с предисловием и примечаниями П. Л Изд. М. О Вольфа. 2 тома.

1866 г. (до ссылки). Спенсер. Классификация наук Перевод Н. Л. Тиблена под редакцией П Л

Годы 1867—1871.

1867 г. Идеи о классическом и реальном образовании в Англии— в «Вестнике Европы», № 9, стр. 4—18.

Несколько мыслей об истории мысли — в «Невском Сборнике» том I, стр. 546—575.

Герберг Спенсер и его «опыты».—В «Женском Вестнике», № 6.

Женщина во Франции в 17—18 веках.—В «Женском Вестнике», №№ 4 и 5.

Средневековый Рим и папство в эпоху Феодоры и Мароции.— В «Женском Вестнике», № 7.

1868 г. Роль науки в период Возрождения и Реформации. — В «Отеч Зап.», №№ 10, 11 и 12.

Историческое значение науки и книга Уэвеля. — В «Отеч Зап.», № 3.

Развитие учения о мифических верованиях. — В «Современном Обозрении». №№ 3, 5 и 6.

Северо-американское сектаторство. — В «Отечественных Зап.» №№ 4, 6, 7 и 8.

Задачи позитивизма и их решение — в «Современнном Обозрении», № 5.

Письмо провинциала о задачах современной критики—в «Отеч Зап.», № 3, стр. 132—142.

Антропологические этюды—в «Соврем. Обозрении», № 6.

К вопросу об антропологическом исследовании Вологодской губ

1868—1869 г.г. Исторические письма—в «Неделе».

1869 г. Цивилизация и дикие племена. — В «Отечественных Записках» № 5, 6, 8 и 9.

Антропологи в Европе.—В «Отеч. Зап.», № 3.

Обзор иностранной антропологической литературы—в «Библиографе», № 1.

1870 г. (до бегства из ссылки). Формула прогресса г. Михайловского.— В «Отеч. зап.» № 2.

Современные учения о нравственности и ее история.—В «Отеч зап.» №№ 3—8.

До человека.—В «Отеч. зап.» №№ 1, 2 и 3.

(После бегства из ссылки). Философия истории славян. — В «Отеч зап.» № 6 и 7

Отдельное издание «Исторических писем»—в сентябре 1870 г.

Философский смысл истории—в ноябре.

1871 г. Наука психических явлений и их философия (о Тэне).
Научные основы истории цивилизации.
История городского и сельского устройства в Западной Европе (Февраль)
По поводу критики на «Исторические письма» —В «Знании» №10

Годы 1872—1873.

1872 г. О поклонении озерам. (Доклад в Антропологическом Обществе)
Философия Германской империи.
Подготовление новой европейской мысли.
Кавелин, как психолог.
Социологи-позитивисты —В «Знании».
Новая наука (о происхождении религии)
Два старика (о Мишле и Гюго).
1872—1873 г.г. Очерки систематического знания.
1873 г. (до издания «Вперед»). Критическая история философии (о Дюринге). (Апрель).
Эпоха появления новых народов в Европе

Годы 1873—1876

1873—1374 г.г. Очерки по истории Интернационала —В «Вперед»
1874 г. По поводу самарского голода.
Задачи революционной пропаганды в России.
О методе в социологии.
Кому принадлежит будущее —«Вперед», том II
Из истории социальных учений.
1875 г. Жизнь и ее начало.
Предисловие и примечания к де-Папу «Общественная служба в будущем обществе».
Опыт истории мысли.
1876 г Государственный элемент в будущем обществе. — В «Вперед»

Годы 1877—1886

1877 г. Лирики 30-х и 40-х годов.
VII. *) Письма о новейших явлениях в области философии и естествознания (о дарвинизме).
X. Проект политики XIX века (о Дизраэли)
1879 г. Парижская Коммуна.
Единственный русский социолог. (О социологии де-Роберти).
История Франции под пером новых русских исследователей (О Карееве и Гольцеве).
Канун великих переворотов (XVII век).
Обозрение истории русского революционного движения — в «Jahrbuch fur Socialwissenschaft und Socialpolitik. Zürich» Band I.

*) Цифры обозначают месяц: VII — июль, X—октябрь

1880 г О Летурно и Фуллье
V. Шопенгауэр на русской почве
Политические типы XVIII века
Противники истории
1880—1881 г.г. О Г. А. Лопатине—в «Neue Zeit»
Четыре статьи в «Черном Переделе».
1881 г. Иностранная литературная летопись. (Гюго, Золя, Дерулед).
Томас Карлейль
IV. Теория и практика прогресса
1882 г. Хлопоты науки с низшими организациями
Научные основы истории цивилизации
Лонгфелло.
Шекспир в наше время.
1883—1884 г.г. Лекции по основным вопросам философии.
1884—1885 г г. Социальная революция и задачи нравственности—в «Вестнике Народной Воли»
1885 г. Автобиография—в гектографированном виде.
1886 г. Старые вопросы (Учение Л. Н Толстого).—В «Вестнике Народной Воли».

Годы 1887—1900.

1886 г. Предисловие к русскому изданию «Критики философии права» Гегеля.
1888 г. Заметка о Г. А. Лопатине
1888—1894 г.г. Опыт истории мысли нового времени. 8 выпусков. 960 стр.
1891 г. Исторические письма. 2-ое изд., дополненное главой «Теория и практика прогресса».
1893 г. I Народники-пропагандисты 1873—1878 г г. История социализма и русское движение — В «Материалах для истории русского револ. движения», №№ 5 и 7.
1897 г. Г. Спенсер и современная социологическая литература.
1897—1898 г.г. Переживания доисторического периода.
1898 г. Задачи понимания истории. (С. С. Арнольди).
Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли Изд. М. М Ковалевского. М. 1898.
1900 г. Через 8 лет. 1871 — 1879—1887 (речь). Женева. 1900. Стр. 15 (16^0). (О Парижской Коммуне).
Напечатано после смерти П. Л.
1903 г. Доленги. Важнейшие моменты в истории мысли. М. 1903.
1904 г. Прогресс в России и ее будущее. Старые советы для нового рассмотрения. Переписка двух приятелей. Изд. Каспровича. Лейпциг. 1904, стр. 191 (12^0).

Приложение № 2.

Указатель пособий, использованных автором для составления настоящей книжки и рекомендуемых им для более подробного изучения эпохи, в которую жил П. Л. Лавров

ОБЩИЕ ПОСОБИЯ:

1 *П Л. Лавров о самом себе* С предисловием Я Н Колубовского. «Вестник Европы» 1910 №№ 10 и 11.

2. *Н. С. Русанов.* П. Л. Лавров. Очерк его жизни и деятельности. В его книге «Социалисты Запада и России» Издание 2-ое. Спб. 1909, стр. 200—266.

3. *Ю. М Стеклов.* Борцы за социализм. Очерки из истории общественных и революционных движений в России. В двух частях. Изд. 2-ое, испр. и дополн. Гиз. М.— Лгр. 1923—1924.

4. *В. Невский.* Очерки по истории РКП. Том I Изд. «Прибой» Лгр. 1924

5. *М. Покровский* Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX в в. Курс лекций. Изд. «Красная Новь». М. 1924

6. *К. А Пажитнов.* Развитие социалистических идей в России. Том I. Изд. «Былое». Пгр. 1924.

7. *Л. Мартов.* Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. Изд. «Книга». 1923 г. (Первые 3 главы).

8. *Историко-революционная хрестоматия.* Том I Изд. «Новая Москва» 1923

К главе I (1823-1857 г.г)

9. *А. В. Никитенко.* Записки и дневник. П. 1904.

10. *А. Н. Пыпин.* Мои заметки. М 1910.

11. *В. В. Берви (Н. Флеровский).* Воспоминания.. «Голос Минувшего». 1915, №№ 3 и 4.

12. *Герцен.* О развитии революционных идей в России. Полное собрание сочинений под редакцией Лемке. Том VI.

13 *Его же* За рубежом. Там же. Том VIII.

14. *М. Лемке.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 г г П. 1908.

15. *П. Н. Сакулин.* Русская литература и социализм Часть I. Ранний русский социализм. М. 1922. Главы 3 и 5.

16. *В. И. Семевский.* Сен-симонисты и фурьеристы в России в царствование Николая I. Книга для чтения по истории нового времени. Том IV, часть II. М. 1914.

17. *М Балабанов.* Россия и европейские революции в прошлом Выпуск II. Революция 1848 года Гиз. Укр. 1924.

18. *В. Лейкина.* Петрашевцы. М 1924. (Изд Об-ва Полит Каторжан и Ссыльнопоселенцев).

К главе II (1857-1866 г.г.).

19. *Центрархив.* Политические процессы 60-х годов. I. Гиз. 1923

20. *А А. Шилов.* Каракозов и покушение 4 апреля 1868 г.

21. *Н. В. Шелгунов.* Воспоминания Гиз 1924.

22. *М. Лемке.* Дело о публичных лекциях в 1860-х годах. Статья в «Историко-литературном сборнике», посвященном В. И. Срезневскому Изд Акад. Наук. Лгр. 1924.

К главе III (1867-1871 г.г.)

23. *П. Витязев.* Ссылка П. Л Лаврова в Вологодской губернии и его занятия антропологией. Вологда 1915.

24. *Б. Козьмин.* П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М. 1922.

25 *В. Черкезов.* Значение Бакунина в интернациональном революционном движении. В I-м томе «Избранных сочинений М. А. Бакунина». П. 1919.

26. *Лукин (Антонов).* Парижская Коммуна 1871 г Гиз. 1922.

27. *Р. М. Кантор.* Лавров и А. Ю. Балашевич - Потоцкий. В сборнике статей «П. Л. Лавров». Изд «Колос». 1922.

К главе IV (1871-1873 г.г.)

28. *Л. Ф. Пантелеев.* Из воспоминаний прошлого Лавров. В том же сборнике.

29. *П. А. Кропоткин.* Воспоминания о Лаврове. Там же.

30. *Материалы* для биографии П. Л. Лаврова под редакцией П. Витязева. Вып. I. Изд. «Колос». 1921.

31. *Л. Э. Шишко.* Общественное движение в 60-х и первой половине 70-х годов. Гиз. 1921.

32. *М Ковалевский.* Русская революция в судебных процессах и мемуарах. Книга I. Изд «Мир» М 1923.
33 *Л. Г. Дейч.* Русская революционная эмиграция в 70-х годах Гиз П 1920

К главе V (1873-1876 г.г.)

34. *П. Л Лавров* Народники-пропагандисты 1873—78 годов П. 1907. Новое изд. «Колос» 1925.
35 *Вера Фигнер.* Запечатленный труд. Часть I. Изд. «Задруга» М 1922.
36. *Макс Нетлау* Жизнь и деятельность Михаила Бакунина Изд «Голос Труда». 1920.

К главе VI (1877-1886 г.г.).

37. *О. В. Аптекман.* Общество «Земля и Воля» 70-х годов. Изд «Колос». П. 1924.
38. *Его же.* Черный Передел. Статья в сборнике «Черный Передел» Гиз. 1923
39. *Группа «Освобождение Труда».* Сборник № 1 Гиз. 1924.
40. *Историко-революционный сборник* Том II. Группа «Освобождение Труда». Лгр 1924.
41. *С. Валк.* Материалы к истории первого мая в России. В № 4 «Красной Летописи» за 1922 г
42. *Н. С. Русанов.* Из моих воспоминаний. Книга I. Изд. Гржебина. Берлин, 1923.
43. *Г. В Плеханов.* Сочинения. Том II Изд Института К. Маркса и Ф. Энгельса. 1923
44. *Истпарт.* Революция и РКП в материалах и документах (Хрестоматия). Том I. Гиз. 1924.

К главе VII (1887-1900 г.г.).

45. *Морозовская стачка* 7—13 (19—25) января 85 года. Под ред. и с предисл. Д. Б. Рязанова Изд. «Моск Рабочий». М. 1923.
46 *Истпарт.* Воспоминания П. А. Моисеенко. Изд «Красная Новь». М 1924.

К главе VII и VIII.

См книги, указанные в приложении № 3

П. Л. Лавров в литературе за годы революции (1917—1924). Библиографический обзор и рецензии.

Здесь дан инвентарь всего, что написано о П. Л. за 7 лет нашей революции и что издано из его трудов.

Чтобы читателю было легко разобраться в этой литературе, мы разделили ее на идеалистическую и марксистскую. Читатель убедится, насколько качественно никчемна первая и количественно скудна вторая. Сочинения самого П. Л. (лишь на половину открытые, но все же столь богатые содержанием) мы разбили на отделы: политико-социальный, исторический, эстетико-литературный, научный, философский, историко-философский и по истории религии—по степени их важности для наших злободневных революционных интересов.

Настоящий библиографический обзор не претендует на исчерпывающую полноту. Первоначально он был помещен в «Книге и Революции» за 1923 год, № 3 (27), но здесь он пополнен и исправлен

I. СОЧИНЕНИЯ о П. Л. ЛАВРОВЕ.

а) Биографические материалы и идеалистическая оценка его идей.

1) *П. Витязев.* П. Л. Лавров в эпоху 60-х годов и его статья «Постепенно». Статья в «Книге и Рев.» за 1922 г., № 6 (18), стр. 9—16.

Для выяснения политической физиономии Лаврова в начале 60-х годов эта статья очень ценна, так как основана на богатом материале. В частности, автор прав, когда говорит, что найденная им статья Лаврова «Постепенно» показывает нам его с совершенно новой стороны. Историк мировоззрения Лаврова не сможет обойтись без этой статьи.

2) *Материалы для биографии П Л. Лаврова.* Под редакцией П. Витязева. Вып. I. Изд «Колос». Стр. 89+5 нен. Петр. 1921.

3) *П. Витязев.* П. Л. Лавров в 1870—1873 г.г. Вступительная статья к письму П. Л. Лаврова. Неизданное письмо П. Л. Лаврова к сыну. Стр. 63—88 № 15 «Былого» за 1919 г.

О «Материалах» в «Книге и Рев.» за 1922 г., № 3 (15), стр. 56 напечатана прекрасная рецензия Р Кантора Отсылаем читателя к ней Статья Витязева и письмо Лаврова к сыну перепечатаны в «Материалах».

4) *Вперед!* Сборник статей, посвященных памяти Петра Лавровича Лаврова. 1900—7 февраля—1920. Под редакцией П. Витязева. Изд. «Колос». Стр 64. П —М. 1920.

Сборник этот издан ко дню двадцатилетия со дня смерти Лаврова и по внешности является очень изящным изданием с четким шрифтом и хорошей обложкой, на которой помещен портрет Лаврова 90-х годов.

Хотя во вступительном замечании «от редакции» и говорится, что в сборнике об'единены «представители самых различных мировоззрений и общественных течений», однако мы напрасно будем искать здесь статью какого-нибудь марксиста. Это по части «мировоззрений». Что же касается «общественных течений», то и здесь амплитуда колебаний идет только от аполитичного философа Э Радлова до левого эс-эра Штейнберга—через Питирима Сорокина.

Лучшие статьи в сборнике. «На гранях жизни» П. Витязева, где он выясняет причину эмиграции Лаврова и значение его «Исторических писем» для позднейшей его роли руководителя подпольного русского социализма, и «П. Л. Лавров и Коммуна» Иванова-Разумника, где подчеркивается революционность Лаврова и высказывается уверенность, что, живи он теперь, он был бы за пролетарскую революцию, а не против нее, как правые эс-эры, мнящие себя его последователями.

Остальные статьи: «Социализм в учении П. Лаврова» В. Трутовского, «П. Л. Лавров как социолог» П. Сорокина, «Философия Лаврова» Г. Шпета, «История мысли» и «Миросозерцание Лаврова» А. Гизетти, «П. Лавров и Вл. Соловьев» Э. Радлова, «П. Л. Лавров и А. И. Герцен» Г. Шпета, «П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский» А. Гизетти, «К философии истории П. Л. Лаврова» А. Штейнберга, «Анархизм и П. Л. Лавров» Б. Стоянова и «П. Л. Лавров в старом Петербурге» П. Столпянского—являются небольшими заметками, слишком общими, чтобы дать что-нибудь значительное. Кроме того, три страницы заняты хроникой вечеров и статей, посвященных 20-летию со смерти Лаврова.

5) *П. Л. Лавров.* Сборник статей. Статьи, воспоминания, материалы. Изд. «Колос». Стр VI+522+2 нен. Петр 1922.

В предисловии к книге подчеркивается, что до сих пор «мы не имеем еще ни одной попытки систематизации мировоззрения Лаврова» и указывается, что «идея настоящего сборника возникла в 1919 г. в связи с 20 летием со дня смерти П. Л. Лаврова». Казалось бы, за три года можно было подготовить сборник, излагающий мировоззрение Лаврова в систематическом виде. Однако редакция (имя редактора не

указано) предупреждает, что «этот сборник должен явиться лишь первым шагом для изучения Лаврова», «освещением лишь некоторых граней в мировоззрении Лаврова». «Не освещены взгляды Лаврова на религию и на государство Не дан анализ этики Лаврова, его социализма и эстетики Остался в стороне вопрос о генеалогии всего мировоззрения Лаврова в целом Не учтена роль его, как деятеля в отдельные моменты нашего революционного движения. Наконец, не дано параллельных характеристик Лаврова с А. И Герценом, Н. Г. Чернышевским, М. А. Бакуниным и К. Марксом. В заключение, не приложен к сборнику библиографический указатель к Лаврову». К этому можно прибавить, что не дано параллельной характеристики Лаврова с Прудоном, Кантом и Гегелем, которые также оказали на Лаврова значительное влияние.

Итак, редакция сознает, сколь много она не дала. К сожалению, то, что она дала, представляет значительный интерес лишь в той части, которая касается воспоминаний о Лаврове и служит материалом для его биографии Таковы статьи-воспоминания Л. Ф. Пантелеева, П А. Кропоткина, Д. Н. Овсянико-Куликовского, Э. А. Серебрякова и Д. И. Шрейдера и статья Р. М. Кантора, основанная на материалах охранного отделения. Но и в этой части можно пожалеть, что редакция не напечатала автобиографии Лаврова, помещенной в №№ 10 и 11 «Вестника Европы» за 1910 г. и дающей цельное представление о мировоззрении Лаврова в его собственном толковании за 15 лет до его смерти (автобиография Лаврова написана им в 1885 г). Перепечатка статьи Русанова о Лаврове из его книги «Социалисты Запада и России» тоже дала бы читателю более цельное представление, чем все воспоминания, помещенные в сборнике Из об'явления, помещенного в конце книги Лаврова «Социальная революция и задачи нравственности», видно, что в настоящем сборнике предполагалось поместить статьи Н. А. Морозова «Лавров в истории русской науки» и Я. Л. Барскова «Лавров, как методолог истории». Очень жаль, что эти статьи не помещены Впрочем, здесь не вина редакции: «12 авторов, с которыми редакция вела переговоры, не смогли выполнить своих обещаний и принуждены были отказаться от участия в сборнике» (из предисловия, стр. II, примечание).

Статей, характеризующих Лаврова с разных сторон, всего в сборнике 11 Три статьи Э. Л. Радлова, П. В. Мокиевского и Г. Г. Шпета говорят о нем, как о философе. Э. Л. Радлов вкратце излагает философские взгляды Лаврова и критические взгляды на философию Лаврова его единомышленников и противников (недостаток этой части статьи в том, что она не дает анализа и даже не упоминает о книжках В. Вартаньянца «Антропологическая философия. П. Миртов и субъективный метод в социологии». Тифлис, 1901, Х. Раппопорта «Социальная философия Петра Лаврова», П. 1906 г., где 3 и 5 главы говорят о его философии, и о французской книжке Ческиса «La philosophie sociale de Lavroff, Paris, 1913) и определяет место и значение Лаврова в истории философии, при чем приписывает Лаврову подготовку расцвета идеализма 80-х годов в русской философии Это приписывается

Лаврову, который религию и мистику и даже идеалистическую философию считал патологическими явлениями! О марксистской критике философии Лаврова почти не упоминается Более пространное изложение философии Лаврова дает в своей статье П. В. Мокиевский, но оценки ее не дает. Наконец, Г. Г. Шпет говорит о тех философских направлениях, из которых исходил Лавров и которые родственны были ему в истории философии вообще, но о самой философии Лаврова по существу говорит мало. Точка зрения Г. Г. Шпета—критический идеализм Гуссерля.

Лаврову как социологу посвящены 4 статьи: Н. И. Кареева «Лавров как социолог», П. А. Сорокина «Основные проблемы социологии Лаврова», А. А. Гизетти «Лавров, как историк мысли» и А. З. Штейнберга «Начало и конец истории в учении Лаврова». Общий недостаток этих статей тот, что авторы их принимают в расчет главным образом «Исторические письма» и период до 1870 г. и совершенно не считаются с позднейшими трудами Лаврова: «Государственный элемент в будущем обществе», «Из истории социальных учений», «Парижская Коммуна» и др. Отсюда затемняется та особенность Лаврова, что он отождествлял социологию с социализмом и теорию с практикой, причем в практических вопросах социологии был предшественником большевизма.

Статья А. В. Васильева «Лавров—историк и философ математики» выдвигает значение научных работ Лаврова и для нашего времени. Статьи Т. И. Райнова «К психологии личности и творчества Лаврова», А. А Гизетти «Лавров и Вл Соловьев» и Н В. Брюловой-Шаскольской «Лавров и Михайловский» добавляют к предыдущим основным статьям лишь отдельные черточки.

В общем сборник, при всей его внешней солидности (почти 530 страниц), дает очень мало даже для того, чтобы считаться первым шагом для изучения Лаврова.

6) *Д. Н. Овсянико-Куликовский.* Воспоминания. Изд «Время». Стр. 26—34 и 149—160. Петр. 1923.

Здесь читатель найдет о Лаврове те же воспоминания Д. Н. Овсянико-Куликовского, что и в сборнике «Колос» (см. предыдущий номер), но в несколько более полной редакции на стр. 149—160. Кроме того, на стр. 26—34 интересны впечатления автора от «лавризма» и журнала «Вперед» 70-х годов.

7) *Л. Э. Шишко.* Общественное движение в шестидесятых и в первой половине семидесятых годов. Гиз. Стр. 62—69, гл. II «Лавров». М. 1920.

Характеризуется учение Лаврова о прогрессе и о роли личности в истории и выясняется его значение в эпоху 60-х и первой половины 70-х годов. Лавров рассматривается как чистый идеалист. Элементы марксизма в его мировоззрении появились позже и здесь совершенно не затронуты.

8) *Борис Камков.* Историко-философские воззрения П. Л. Лаврова. Изд. Партии Соц.-Рев Стр. 46+2 нен Петр 1917.

Эта брошюра представляет собою перепечатку статьи, напечатанной впервые в журнале «Заветы» за 1913 г. Она делится на две главы: 1) Естествознание и история и 2) Культурные ценности и критерий оценки. Автор сопоставляет Лаврова с Риккертом и Виндельбандом и находит в их взглядах на историю полное сходство. Изложение снабжено обильными примечаниями почти на каждой странице, где цитируются главным образом упомянутые немецкие философы и еще ряд других, русских и иностранных. При всей своей ученой внешности, брошюра не исчерпывает историко-философских воззрений Лаврова, так как оставляет без рассмотрения его антропологизм и реализм, его отношение к религии и всякой мистике, к искусству и т. п Вследствие пренебрежения автора указанными сторонами историко-философских воззрений Лаврова, последний оказывается у него почти риккертианцем до Риккерта и в общем трактуется в духе традиционного представления о «суб'ективизме» «отца народничества».

9) *А. А. Гизетти.* Воззрения Лаврова на литературу и эстетику. Стр. VII—XXI в книге П. Л. Лаврова «Этюды о Западной Литературе» Изд. «Колос». Петр. 1923.

Оценку этой статьи см. ниже во II отделе, № 17, в связи с оценкой книги, к которой она служит предисловием.

10) *Л. К. Ильинский.* П. Л. Лавров—журналист. А. А. Гизетти Апостол критической мысли. Статьи в «Вестнике Литературы» за 1920 г. № 2 (14), стр 5.

Статьи эти прибавляют очень мало новых штрихов к указанным выше характеристикам Лаврова.

11) *Иванов-Разумник.* П. Л. Лавров. В «Истории русской общественной мысли». П. 1918. Вып. V. 70-ые годы. Стр. 35—49.

О типе этой характеристики указано в введении к настоящей книжке

12) *П. Бельский.* Теория революционного марксизма о государстве и ее противоречия. В «Воле Труда». Орган ЦК партии революционного коммунизма. № 16—17 и 19 за 1920 г.

Интерес этой статьи в том, что ее автор впоследствии совершенно изменил свою народническую точку зрения, перейдя к марксистской, выраженной им в статье П. Сапожникова в «Записках Комм. Унив. им. Свердлова», о кот. смотри здесь же. Как неофит в марксизме, автор относится к народничеству и в частности к Лаврову, в своих марксистских статьях весьма пристрастно, как к своим собственным недавним грехам.

13) *Петр Витязев (Ф. И. Седенко).* П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский. Птгр. 1917, стр. 16. (Общество распространения литературы партии социалистов революционеров).

Автор полагает, что по своему идейному содержанию Лавров и Михайловский едины, но различаются только по темпераменту. Начало брошюры посвящено изображению различий стиля обоих писателей, а затем выясняется, в чем состояло единство их идей, причем оба они изображаются как практические идеалисты, поклонники «правды» и «личности». Автор как будто не подозревает, что была

большая разница между легалистом Михайловским, проповедывавшим соглашение с буржуазией и готовым довольствоваться либеральной конституцией, и выдержанным революционером Лавровым, непримиримо настроенным по отношению к буржуазии и ставившим на первый план экономические моменты революции, чтобы она имела действительный социалистический характер.

б) Библиографические материалы и марксистская оценка идей Лаврова.

14) *Ф. Энгельс о П. Л. Лаврове и П. Н. Ткачеве.* Стр. 53—63. Статья в № 5—6. «Под Знаменем Марксизма» 1922, май—июнь. С предисловием Д. Рязанова.

Статья эта перепечатана из «Volksstaat» 1874 г., № 117 от 6 октября в переводе Я. Виткинд. Энгельс высмеивает в добродушном тоне стремление Лаврова примирить бакунистов с марксистами в I Интернационале, критикует его отчеты об этом споре в журнале «Вперед». Бакунина Энгельс называет здесь прямо «шарлатаном».

В предисловии Д. Рязанова отмечается позднейшая близость Лаврова к марксизму.

15) *Л. Г. Дейч.* Письма Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову (в журнале «Дела и Дни», книга 2-я, 1921, стр. 78—104).

Здесь помещено 22 письма с мая 1880 г. до 1890 г. Они очень существенны для характеристики Лаврова этого периода, когда Лавров много помогал Плеханову, ссужал ему деньги, снабжал материалами для работ, давал литературные работы и рекомендации, а Плеханов ему писал: «Вы, Маркс и Чернышевский, были любимейшими моими авторами, воспитывавшими и развивавшими мой ум во всех отношениях». (Это—одно из первых писем Плеханова). Письма Плеханова снабжены примечаниями Л. Г. Дейча, также весьма ценными.

16) *Румий.* Письма Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову. В журнале «Под Знаменем Марксизма» за 1922 г., № 1—2, стр. 74—77.

17) С. *Я. Вольфсон* О письмах Плеханова к Лаврову. В книжке Вольфсона «Вокруг Плеханова». Изд. Белтрестпечать. Минск. 1922 Стр. 9—17.

18) *В. Невский.* О письмах Плеханова к Лаврову. «Красная Летопись», № 2—3. стр. 426—429.

Прекрасные рецензии о предыдущих письмах.

19) *Г. В. Плеханов.* Письмо к П. Л. Лаврову. В «Сочинениях Г. В. Плеханова». Гиз. П. 1920. Т I, стр 159—173.

Письмо это составило предисловие к «Нашим разногласиям» и представляет собою первое отмежевание Плеханова от Лаврова.

Предисловие к «Нашим разногласиям» написано 22 июля 1884 г. и в нем необходимо отметить несколько мест. Плеханов пишет Лаврову: «Привыкши издавна уважать Ваши мнения, зная, кроме того, с каким вниманием прислушивается к ним наша революционная молодежь всех

оттенков и направлений». (стр. 91). Далее Плеханов подчеркивает что Лавров считал «не особенно значительными» разногласия группы «Освобождение Труда с «Вестником Народной Воли» и выражает протест против статьи Тарасова-Русанова против марксизма во 2-м номере «Вестника Народной Воли», и этот протест делает для нас понятным ультимативный отказ Лаврова поместить продолжение этой статьи и готовность в противном случае вовсе отказаться от редакторства. (Об этом случае согласно рассказывают и сам Русанов и Серебряков в сборнике № 5).

20) *Из переписки с П Л. Лавровым.* Сообщил В. И Иохельсон. «Былое». 1923. № 21. Стр. 147—156).

Здесь помещено 9 писем Лаврова к Иохельсону периода 1882—85 г.г и одно письмо Л Гартмана от 25 августа 1880 г., где он дает отзыв о Лаврове Весьма интересны примечания Иохельсона к письмам. Между прочим, здесь узнаем из письма Гартмана, известного народовольца, о весьма сочувственном отношении Маркса и Энгельса к русским террористам той эпохи, и нам делается понятным такое же сочувственное отношение к ним и Лаврова.

21) *Предисловие Г. Плеханова* к «Истории революционных движений в России». А. Туна. Изд. Петр. Совета. Стр. 22—32. Петр. 1918.

Повидимому, уважение к Лаврову мешало Плеханову до смерти Лаврова писать о нем то, что он стал о нем думать впоследствии, так как лишь в предисловии к Туну 1903 г мы находим впервые критику лавризма Плехановым. Плеханов изобличает Лаврова в противоречиях и в «эклектизме до конца ногтей» и тут же приводит добродушный, но вполне отрицательный отзыв о Лаврове Энгельса от 6 октября 1874 г (стр. 25 –27). Плеханов считает, что Бакунин был «гораздо ближе» к Марксу, чем Лавров, и потому влияние Бакунина все-таки более подготовляло русских революционеров к пониманию учения Маркса, чем влияние Лаврова» (стр 29). «И мы видим на самом деле, что первыми последовательными русскими социал-демократами явились люди, прошедшие через школу бакунизма, а не бывшие ученики Лаврова» (стр. 30).

22) *Б. И. Горев.* П. Л. Лавров Стр. 94—100 книги Горева «От Томаса Мора до Ленина». Изд. Л. Д. Френкеля. М. 1922.

Краткая, но превосходная статья, характеризующая Лаврова с точки зрения марксизма.

23) *Б Горев,* П. А. Лавров и утопический социализм Статья в журнале «Под Знаменем Марксизма». 1923, № 6—7, стр. 121—131.

Автор видит в социально-политическом учении Лаврова только интеллигентский продукт, сближая его с антибуржуазным настроением таких мелкобуржуазных интеллигентов, какими были Бабеф и Бланки По мнению автора, «интеллигентский культ личности и идей остался навсегда наиболее характерной чертой миросозерцания Лаврова» и даже «в своей теории классовой борьбы и будущей социальной революции он не пошел дальше бабувизма или бланкизма» (стр. 124 и 128). Но неожиданно в конце статьи автор признает, что опыт Коммуны

и влияние Маркса сделали его «в области тактики непримиримым и выдержанным ревслюционером, который теперь гораздо ближе к тактике III Интернационала, чем к его мнимым ученикам эс-эрам». Нельзя не признать здесь противоречия. Оно происходит от того, что автор неправильно относит Лаврова огулом к мелко-буржуазным утопистам. По отношению к России—это верно, но по отношению к европейскому рабочему движению Лавров был последовательным марксистом, стоявшим на точке зрения подлинного пролетариата.

В т е о р и и социализма у Лаврова есть двойственность, но все же классовой борьбе он придает большое значение и вопрос о государстве решает правильно.

Автор недостаточно основательно рассмотрел социально-политические идеи Лаврова, но отдельные замечания в его статье вполне верны и ценны.

24) *В. Фриче.* П. Л. Лавров и «чистое» искусство. Статья в журнале «Под Знаменем Марксизма». 1923, № 6—7, стр 112—121

Автор считает, что взгляды Лаврова на искусство и литературу «не лишены актуального значения» Правда, в 60-х годах он считал художника «служителем красоты», а «красоту»—единственной целью искусства, которое отграничено от жизни, но с 70-х годов «литературно-эстетические взгляды Лаврова радикально меняются». С этого времени писатель для Лаврова—не «двигатель» истории, а ее продукт. «Ко всякому поэту Лавров подходит теперь с требованием, чтобы он был поэтом если не партии угнетенных, то по крайней мере мира угнетенных, тех, кто идет против старого общества во имя создания нового». Лавров приемлет только то искусство, которое служит не красоте, а общественному прогрессу Таким образом, в ходе развития своих социально-политических взглядов Лавров стал «могильщиком искусства для искусства».

Статья очень интересна и проливает яркий свет на р а з в и т и е эстетических взглядов Лаврова, указывая, что социалистические взгляды его влияли на интимнейшие стороны его духа

25) *Н. Л-р.* П. Лавров о роли партии в пролетарской революции. Статья в журнале «Молодая Гвардия», 1923, № 4—5, стр. 130—146.

Автор исследует вопрос, поставленный в заглавии его статьи, только на основании одного произведения Лаврова—«Парижская Коммуна 1871 г.», но зато это произведение цитирует детально, сопоставляя отдельные его места с постановлениями конгрессов Коминтерна и с выдержками из речей и статей т. Зиновьева. Статья делится на следующие отделы: Необходимость партии до победы пролетарской революции. Ясность цели, четкость программы, плана. Партия, массы, органы власти. Спаянность, дисциплинированность партии пролетариата. Непримиримость партии пролетариата, ее состав, беспощадная борьба с колебаниями и соглашательством. Во всех этих отделах даны цитаты из Лаврова, доказывающие, что он явился предтечей большевистской революционной тактики. Статья написана к столетней годовщине со дня рождения Лаврова и является прекрасным венком на его могилу.

26) *П. Сапожников.* Лавров и эс-еры. Стр. 108—119 журнала «Современник», изд. Московского Института Журналистики. М. 1922

Подзаголовок этой статьи «Как реакционные ученики использовали своего революционного учителя». Автор старается изобличить издательство «Колос» в том, что оно до 1919 г намеренно издавало только философские работы Лаврова, а уже потом—социально-политические, предполагая здесь контр-революционные цели. Но насколько нам известно, П. Витязев приготовил к изданию социально-политические работы Лаврова еще в 1919 г. и только технические затруднения помешали их в то время опубликовать. «Реакционность учеников» сказывается совсем в другом, а именно в том, что кроме Иванова-Разумника, они истолковывают его исключительно теоретически, не желая видеть большевистских практических элементов его социологии и этики. Что нападки П. Сапожникова лишены основания, видно из того что Политбюро ЦК. РКП. постановило в 1920 г. оказать денежную поддержку издательству «Колос» и Госиздат открыл ему государственный кредит. Не вина «Колоса», если марксисты о Лаврове ничего не писали за 1917—19 гг. до издания «Колосом» работы Лаврова о Парижской Коммуне. Не вина его и в том, что и теперь, после появления «Государственного элемента», об этом труде марксисты не пишут, равно как и о других работах Лаврова (напр., о литературе) пишут мало.

27) *Л. Троцкий.* Парижская Коммуна и Советская Россия Глава 5, стр 66—87 из книги «Терроризм и коммунизм». Гиз. П. 1920

28) *В. Быстрянский.* Отец народничества о рабочей революции. Статья в «Комм. Интерн.» за 1919 г., № 4, стр 577—590.

29) *Его же.* П Л. Лавров и диктатура пролетариата. Статья в «Петроградской Правде» за 1920 г. в № 29 от 8 февраля.

30) *Н. Лукин (Антонов).* Новая работа по истории Парижской Коммуны. Статья в «Еженедельнике Правды» за 1919 г., № 12. Москва.

31) *Его же.* Парижская коммуна. Гиз. Стр. 408 (в разных местах книги). М 1922.

32) *И. Степанов.* Парижская Коммуна 1871 года и вопросы тактики в пролетарской революции. Гиз. Стр. 248 (в разных местах книги). М. 1921.

Во всех этих статьях и книгах даны отзывы марксистов о «Парижской Коммуне» Лаврова, высоко оценивающие этот труд. Необходимо добавить, что как явствует из писем Лаврова к Штакеншнейдер, Лавров независимо от Маркса оценил Парижскую Коммуну по марксистски до написания Марксом «Гражданской войны во Франции». Надо пожелать, чтобы «Государственный элемент» Лаврова встретил такой же отклик и внимание в марксистской литературе, как и «Парижская Коммуна».

33) *Б. Козьмин.* Ткачев и Лавров. (Столкновение двух течений русской революционной мысли 70 х годов).

Статья в I-м сборнике «Воинствующий материалист». М. 1924, стр. 291-337.

Статья эта посвящена разбору столкновения, возникшего в 1874 г между Лавровым и Ткачевым, когда последний захотел самочинно реорганизовать журнал «Вперед» и, встретив единодушное сопротивление всей редакции и всех сотрудников, разразился против Лаврова брошюрой, в которой обвинял его в реакционерстве. Автор излагает не только существо разногласий между Лавровым и Ткачевым, но и пытается установить историческую перспективу», об'ясняющую это столкновение

Мы полагаем, что вся эта статья построена совершенно неправильно. Автор недооценивает Лаврова того периода, а Ткачева переоценивает Поэтому у него получается «столкновение двух течений русской революционной мысли 70-х годов» тогда как Ткачев в 1874 г никакого общественного значения не имел и течением русской революционной мысли той эпохи назван быть не может. В то время было лишь два течения в русской революционной мысли: лавризм и бакунизм. Промелькнула было нечаевщина, представителем которой был и Ткачев, но лишь мимолетно, и исчезла бесследно.

Энгельс в своей статье о Лаврове и Ткачеве, цитируемой и Б. Козьминым, совершенно правильно оценивает столкновение между Ткачевым и Лавровым, как результат «больших претензий» «экзальтированного юноши», который «появляется без приглашения .. и предлагает свое сотрудничество под тем более, чем детским, условием, что во всех литературных и денежных вопросах он имеет одинаково решающий голос с основателем журнала. В Германии его бы просто высмеяли» (См. «Под Знам. Марксизма» 1922, № 5-6, стр. 58 59 и 61.)

Старания автора доказать, что Ткачев был прав, считая Лаврова чуждым революции, тоже не выдерживает критики. Раз Лавров, будучи в чине полковника, мог «присутствовать на студенческих сходках на университетском дворе, воодушевляя студентов словами и вмешательством в их буйные предприятия», как явствует из агентурного донесения о его поведении в сентябре 1861 г; раз он мог собирать у себя на квартире студентов и вообще революционную молодежь и читать им статьи политического содержания, как об этом свидетельствуют согласно и Н В. Шелгунов и агент III отделения, — то это несомненно свидетельствует о революционном настроении Лаврова. Статья «Постепенно» тоже свидетельствует о революционном настроении Лаврова. Его собственное стремление впоследствии, во время и после ссылки, умалить свою революционную роль в письмах к сыну и другим лицам, не служат доказательством против его революционности, раз он знал, что эти письма будут читаться III отделением. Мог ли человек, чуждый революции, написать «Исторические письма», вдохновлявшие молодежь энтузиазмом к самопожертвованию в пользу народа? Если бы Лавров не имел отношения к революционным кругам, зачем о его желании бежать были осведомлены революционеры Питера и зачем организован был его побег Г. А. Лопатиным? Если Лавров бежал в Париж т о л ь к о для научной работы, зачем он сблизился с учеником Бакунина—Варленом и вступил в члены Интернационала, зачем старался помочь правительству Коммуны и е дил для этого в Лондон к Марксу и Энгельсу? Разве мог человек, настроен-

ный не революционно, так сразу понять Парижскую Коммуну, как понял ее Лавров еще в 1871 г? Для меня несомненно свидетельство Л. Ф. Пантелеева, что Лавров бежал за границу вслед за А. П. Чаплицкой главным образом потому, что был уверен в неизбежной близости революции в России. Это была общая уверенность в то время. Нечаевцы назначили даже точный срок революции на 19 февраля 1870 г А в начале 60-х годов в неизбежность близкой революции верили не только революционеры, но и само правительство, понимавшее, что обман «освобождения» должен раскрыться перед крестьянами. Это ожидание неизбежной революции крестьян укрепляло революционное настроение интеллигенции и, в связи с ростом производительных сил и ломкой старого уклада жизни, создавало революционную атмосферу, которой Лавров не мог не заразиться. Только исходя из этого факта революционности Лаврова с 1861 г., можно об'яснить его участие в различных общественных выступлениях до ссылки, написание им «Исторических писем» и сочувствие Парижской Коммуне. Б. Козьмин соблазнился недоверием к революционности Лаврова со стороны Ткачева, а не обратил внимания на полное доверие к Лаврову со стороны Маркса и Энгельса и со стороны русской революционной молодежи, пригласившей его издавать журнал и набиравшей его. В том - то и дело, что Лавров как раз и был таким человеком, который не только теоретически знал развитие и положение западно-европейской и русской социалистической мысли той эпохи, но и был в курсе стремлений, дум, чувств и убеждений русской революционной интеллигенции разных группировок. Он, мог ошибаться на первых порах (этим об'ясняется составление им в течение 1 года трех разных программ), но он все время чутко следил за чаяниями крестьянских масс и революционной молодежи и шел в уровень с ними. Он считал основной задачей революции — «воплощение в дело потребностей большинства, им самим сознаных и понятых» Программу «Вперед» он все время выправлял влево, а когда убедился, что надо круто повернуть в сторону политики, он не остановился перед уходом из редакции «Вперед».

Таким образом, нападки Ткачева на Лаврова, как на реакционера, об'ясняются вполне юношеским задором и легкомыслием Ткачева, а отнюдь не тем, что он был представителем особого течения русской революционной мысли в 1874 г

Неправильно, по нашему мнению, устанавливает Б. Козьмин и то, представителями чьей идеологии были Лавров и Ткачев. Нельзя устанавливать это по происхождению данных лиц, иначе и Маркс, а особенно Энгельс должны были бы считаться представителями буржуазии. Как Лавров, так и Ткачев оторвались от того класса, из которого они вышли. Но судить о том, чью идеологию они выражали, можно только по самой их идеологии в тот момент. Ткачев, как нечаевец, выражал идеологию люмпен-пролетариата, разночинной бедняцкой молодежи города и „голытьбы деревни". Лавров же до Парижской Коммуны был представителем идеологии кающихся дворян и разночинцев, составлявших в массе одну общественную группу, так

как большинство кающихся дворян были небогаты и общественное положение их было такое же, как у разночинцев они зависели от общественной службы в городском и земском самоуправлении или занимались свободной профессией; они чувствовали себя важной спицей в общественной колеснице, но были недовольны своим политическим бесправием. Отсюда их самоуверенность и революционность. Но после того как Лавров пережил события Парижской Коммуны, вступил в Интернационал и познакомился с учением научного социализма, он стал в своих расчетах на революцию ориентироваться только на пролетариат, об'единенный в Интернационале. В России он ориентировался на крестьянство только за отсутствием пролетариата (не забудем, что мы говорим о 1873-4 гг), потому что ошибочно считал русскую крестьянскую общину зачатком социализма. Называть Лаврова представителем идеологии мелкой буржуазии оттого, что тогда он ориентировался на русское крестьянство, так же неправильно, как если бы мы теперь квалифицировали таким же образом Коминтерн, ориентирующийся на крестьянство в странах Востока, вследствие малочисленности там пролетариата. В конце 80-х и 90-х годов, когда русский пролетариат уже стал подавать признаки жизни, Лавров, правда, продолжал его не замечать, но все же и тогда он мыслил себе революционный социализм только через пролетариат—на Западе и через уничтожение мелкой собственности в русском крестьянстве. Этим об'ясняется его непримиримость, как социалиста, отвержение всякого соглашательства с буржуазией, правильная в общем большевистская политика в анализе деятельности Коммуны и в планах революционного переворота. Лавров — „идеолог мелкой буржуазии", не мог бы быть ближе к III Интернационалу, чем Плеханов и другие представители II Интернационала. При всех своих ошибках в теории марксизма и в русской политике, Лавров остается лучшим из представителей I Интернационала, ориентировавшихся на пролетариат. Возлагая свои надежды в России на крестьянство, Лавров, конечно, ошибался, но ошибался как плохой пролетарский социалист, веривший в склонность русского крестьянства к коммунизму (через общины и артели), а не как идеолог мелкой буржуазии, проклинающий капитализм и превозносящий преимущества мелкого крестьянского хозяйства. Напротив, Лавров не переставал подчеркивать от 1873 г. до конца жизни, что шествие капитализма в России празднует победу, и что на меньшем, чем социалистическая революция, нельзя мириться настоящему революционеру. По своему положению в производстве, Лавров, начиная с ареста 1866 г., был интеллигентным пролетарием, жившим исключительно литературным заработком, так что он был заинтересован в торжестве социализма и лично.

34) *С. Валк.* Материалы к истории 1-го мая в России. О речи Лаврова на Парижском международном с'езде 1889 г, «Красная Летопись» 1922. № 4, стр. 250—252.

Очень важный документ для характеристики Лаврова и притом прекрасно переданный.

5) *Наша Правда.* Орган коллектива РКП. Артиллерийской Академии. № 15 от 15 июля 1923 г. Стр 4. in folio.

Весь номер посвящен Лаврову. Передовая «Кто он», дающая краткую его характеристику, стихи «Памяти П Л. Лаврова» Владимира Смиренского, краткая биография Лаврова, его же, «Беглые мысли» Г. Л, «П. Л. Лавров и Парижская Коммуна» Н С., «П. Л. Лавров в материалах охранного отделения», краткие заметки о выставке памяти Лаврова, о трудах его, имеющихся в клубной библиотеке Арт Академии и о переименовании Академии в Артиллерийскую имени П. Л. Лаврова Академию. На 1-й странице есть и портрет Лаврова Номер интересный. Он роздан был всем посетившим торжественное заседание Артиллер. Академии в память столетия со дня рождения Лаврова.

36) *Ив. Книжник.* Памяти П. Л. Лаврова. Статья в «Юном Пролетарии» 1923, № 6—5 (50—51), май—июнь. Изд. «Прибой». II. 1923. Стр 40—43.

Краткое резюме речи автора на торжественном заседании Артил Академии и доклада 17 — VII — 1923 г. в Научном Обществе Марксистов.

II. СОЧИНЕНИЯ П. Л. ЛАВРОВА.

а) Политико-социальные работы.

1) *Собрание сочинений Петра Лавровича Лаврова.* Статьи социально политические. Вып VII. Государственный элемент в будущем обществе Изд. «Колос». Стр 244. Петр 1920.

Как явствует из предисловия автора, тема этой работы занимала его с 1873 г., а закончена работа в июне 1876 г., так что она является результатом трех лет размышлений. Лавров принял в расчет два доклада об организации общественной службы в будущем обществе, представленные на Брюссельский конгресс анархической части Интернационала 1874 г, использовал учение научного социализма о государстве и развил много самостоятельных идей, которые особенно интересны в наши дни пролетарской диктатуры.

Книга ставит себе 5 вопросов: 1) в чем сущность государственного элемента, 2) почему в буржуазном строе он противоречит началам рабочего социализма, 3) исчезнет ли этот элемент в социалистическом строе, 4) нужен ли он на другой день после социальной революции и 5) нужен ли он накануне социальной революции при организации партии и при организации последней борьбы с капитализмом и государством.

Под государством Лавров понимает «общественный союз, в котором существует власть..., помощью которой одна доля населения делает решения, ею принятые, обязательными для другой части..

Всюду, где существует подобная власть одних личностей над другими, мы признаем существование государственного элемента»...

«Потребность безопасности» и «борьба групп за существование» явились, по Лаврову, источниками развития в обществе элемента власти. Усиление военной техники тоже помогло ей. Развитие частной собственности превратило государственную власть в охранителя «того экономического порядка, который вырастал из всемирной конкуренции монопольных собственников». Государство охраняет самое малое меньшинство собственников против всей остальной огромной массы народа, пролетариата, эксплоатируемого, вырождающегося Государство и само является эксплуататором, как владелец государственных земель, фабрик, заводов, банков Посему «между рабочим социализмом и современным государством примирения нет и быть не может»... «Путем легальной реформы рабочий социализм восторжествовать не может, а потому ему остается один путь—путь социальной революции» (стр 60).

В социалистическом строе создадутся такие условия, при которых государственной власти не нужно будет. Здесь Лавров развивает впервые те доказательства, которые позднее развивал Бебель в «Будущем обществе». Отчасти их заимствовал у Лаврова Кропоткин в своем «Завоевании хлеба». За недостатком места мы останавливаться на этой части книги не будем (стр. 62—106).

На другой день после социальной революции Лавров считает государственную власть необходимой, но требует различных приемов ее применения, в зависимости от условий среды, где произошел переворот. Для Германии, Англии, Франции, Бельгии и России Лавров рисует возможные условия при захвате власти пролетариатом (в России—революционной интеллигенцией) По Лаврову, социальная революция должна начаться немедленным обращением имущества частного в общее, об'явить обязательность всеобщего труда, организовать общественные работы, разослать эмиссаров социальной революции в другие страны, чтобы «предотвратить вмешательство других правительств в революционное движение в России», организовать местные территориальные с'езды и комитеты, которые «могут образовать из своих уполномоченных общую думу рабочей России», организовать на новых началах народное образование, печать (при этом, по Лаврову, «ни одна школа не может быть предоставлена противникам нового порядка» (стр. 177).

Накануне социальной революции Лавров также признает необходимость государственного элемента в самой революционной партии, требует власти для партийного центра (стр. 186), устройства партийных с'ездов и строгого выполнения социалистической этики.

Мы передали лишь в самых общих чертах содержание этой замечательной книги. Приходится сказать, что она актуальна для нас, хотя написана 50 лет назад. Горячо рекомендуем ее вниманию коммунистов, а особенно беспартийных интеллигентов, чтущих Лаврова как моралиста и идеалиста.

Было бы желательно, чтобы эта книга Лаврова стала предметом докладов в марксистских кружках и в коммунистических университе-

тах. Она заслуживает такого же внимания, какого удостоилась книга Лаврова о Парижской Коммуне

2) *Цезарь де Пап.* Общественная служба в будущем обществе. Перевод с французского, с предисловием и примечаниями П Л. Лаврова. Изд. «Колос». Стр. XIV+135+11 нен. Петр. 1919

Книга эта содержит предисловие Лаврова, записку де-Папа, представленную им на Брюссельский конгресс Интернационала 1874 г (это был конгресс анархистов— сторонников Бакунина) под заглавием «Общественная служба в будущем обществе» и другую записку Женевской секции пропаганды на тот же конгресс под заглавием «Кто и каким образом будет отправлять общественную службу в будущем обществе»

Для самого Лаврова примечания и критика этих двух записок явились предварительным этюдом к его самостоятельной большой работе «Государственный элемент в будущем обществе».

Автор изобличает авторов записок в различных ошибках, ознакомление с которыми весьма полезно и теперь для выяснения сущности социализма.

Напечатание этих записок полезно для нас с точки зрения исторической в том отношении, что знакомит нас с идеологией сторонников Бакунина и выясняет, почему анархический Интернационал, хотя и имел в те годы больше сторонников, чем марксистский, однако вскоре внутренне разложился и распался.

3) *П. Л. Лавров.* Парижская коммуна, 18 марта 1871 г. Изд. 1-ое и 2-ое «Колос». Стр 276+4 нен. Петр. 1919.

Выше уже указаны рецензии об этой книге марксистских авторов Есть рецензия и в «Книге и Рев.» за 1920 г., № 8—9, стр. 35 36, но она недостаточно ярко излагает все содержание книги Лаврова и старается ослабить впечатление от нее ссылкой на соображения Дюбрейля

4) *П. Лавров* Что сделала Коммуна. В сборике «Парижская Коммуна». Изд. Комм Ин. П. 1921. Стр. 20—52.

Перепечатка 8-й главы из «Парижской Коммуны».

5) *П. Л. Лавров.* Социальная революция и задачи нравственности. Старые вопросы. С примечанием П. Витязева. Изд. «Колос». 148+4 нен Петр. 1921.

Книга состоит из 2 статей, напечатанных первоначально в «Вестнике Народной Воли» за 1884—86 годы.

Первая статья делится на 10 глав: 1) Нравственный идеал отдельной развитой личности, 2) Идеал нравственного общежития, 3) Развитие идеалов и прогресс нравственности, 4) Личность и общество, 5) Выработка идеалов социалистической нравственности, 6) Социалистическая нравственность, 7) Неизбежность социальной революции, 8) Условия торжества социализма, 9) Специальные условия борьбы в России и 10) Нравственные задачи русского социалиста-революционера.

В этой статье Лавров доказывает, что «развитие нравственных идей в человечестве неизбежно вело к социалистической нравственности» и что нравственный идеал «получает свое истинное значение лишь как идеал нравственности социалистической»; что «торжество социалистического строя может быть лишь результатом социальной ре-

волюции», ради которой допустимо и насилие, и убийство; что условия борьбы в России ставят необходимость образования партии, «крепко организованного и солидарного товарищества убежденных личностей».

Лавров здесь выявляется как противник индивидуализма, так как полагает, что «этика отдельной личности входит лишь элементом в этику социологическую, по которой первая может быть выделена лишь путем отвлечения» (стр. 12) Лавров сводит этику социализма к целесообразности в зависимости от условий борьбы за социализм в разных странах (стр. 44—45, см. также стр. 77), находит, что «под разнообразными и пестрыми явлениями истории общею подкладкою всегда была и осталась борьба классов за экономические интересы (стр. 49).

К сожалению, у нас нет здесь места, чтобы выписать хотя вкратце все то интересное, что пишет Лавров, и для наших дней. Укажем только, что на стр. 53—54 он высказывает непримиримость с реформизмом, на стр. 60 говорит об отношении к рабочим, крестьянам и мелкой буржуазии, на стр. 63—64—о необходимости союза с крестьянством и нейтрализации его в социальной борьбе, на стр 66 о том, что всякая экономическая борьба есть борьба политическая.

И все это писалось в 1884—5 годах, в дни рождения русского марксизма! Недаром Плеханов в эти годы считал Лаврова своим учителем на-ряду с Марксом и Чернышевским.

Вторая статья «Старые вопросы» говорит об учении Л. Н. Толстого и состоит из введения, изложения этого учения, критики его и разбора сочинения Толстого «Что же нам делать?». Здесь обсуждаются вопросы о никчемности веры сравнительно с знанием и наукой, о необходимости насилия и вообще об ошибках Толстого. Для нашей эпохи эта статья менее интересна

6) *П. Л. Лавров* Из истории социальных учений. Изд. «Колос». Стр. 132+4 нен. Петр. 1919.

Книга эта, к сожалению, незаконченная, представляет собою обзор истории социальных учений с древнейших времен до эпохи научного пролетарского социализма.

В книге 6 глав. В 1-й главе, «План работы», выясняется цель книги—«показать, что те движения мысли, которые носят название коммунистических и социалистических теорий, были в своем развитии не чем иным, как рядом попыток создать социологию как науку, т.-е. открыть законы развития и строя человеческих обществ и, на основании добытых законов, уяснить средства практической деятельности устранить в... данном общественном строе все те явления, которые мешают прогрессу и благосостоянию масс»... (стр. 4).

В следующих двух главах рассматриваются «религиозные социалисты» и «политические метафизики».

Для выяснения взглядов Лаврова особенно интересна 4-ая глава «Условия научного социализма». «Настоящая социология есть социализм» (стр. 51)—так пишет Лавров, подчеркивая эти слова (см. также стр. 62), «Нельзя понимать—в самом деле понимать—факты общественной жизни, не стремясь направить ход этой жизни в ту или другую

сторону. Кто ограничивается только пониманием фактов, тот этим самым доказывает свое непонимание их» (стр 51) «Поэтому в социологии научно связаны всегда две группы вопросов, теоретических и практических... Кто понял задачи науки общества, тот тем самым определил свою обязанность в среде этого общества»... (Стр. 53 и 55). В конце главы становится задача—«проследить, под влиянием господства капитализма, фазисы развития международного рабочего социализма с его прочною почвою в рабочей организации, с его определенной задачею социальной революции, с его научным анализом экономических вопросов, как преобладающих над всеми остальными вопросами общественной жизни, с его стройною теорией общества, дозволяющей вполне применить к нему термин научного социализма (стр. 68).

В последних двух главах рассматривается «античный социализм» (Платон) и «утопии всеобщего труда» (Мор, Кампанелла и др.). Последующая глава, вернее, ряд глав должны были рассмотреть научный социализм, но их в книге нет. Почему? Редакция «Колос» не дает никаких об'яснений В отличие от других книг того же издания Лаврова, здесь нет ни одного примечания от редакции и даже не исправлены некоторые искажающие смысл опечатки, например, на стр. 50 «религиозные факты» вместо «реальные факты»

Но в общем книга очень ценна уже тем, что дает интереснейший обзор истории революционных идей и руководящие указания к их оценке.

Добавим, что впервые эта работа Лаврова была напечатана в журнале «Вперед», том III, 1874 г. В другой книге Лаврова: «Социальная революция и задача нравственности» на это указывает в примечании сам П. Витязев (см примечание на стр. 56).

7) *П. Л. Лавров.* Кому принадлежит будущее? Изд. «Революционная мысль». Стр. 125+3 нен. Петр. 1917.

Книжка эта написана в полубеллетристической форме, где рассуждения о взаимоотношениях капитала, государства, науки, религии, искусства и труда олицетворены в живых людях: Картежнике—промышленнике, Бароне—государственном деятеле, Профессоре—ученом, Инквизиторе, Джулио—живописце и Бабефе—рабочем. Эти 6 человек по завещанию их воспитателя составили «Общество последовательных» и каждые 5 лет собираются в день смерти воспитателя в таверне в Лондоне, делясь своим опытом На этот раз собрались только четверо. Умер художник Джулио и безнадежно болен государственник—Барон, но они прислали, когда еще могли писать, письма, в которых излагается их взгляд на жизнь. Затем говорят последовательно представители капитала, труда, религии, науки и присоединившийся к ним без спроса русский молодой революционер. В форме спора ясно выявляется значение необходимости революционной борьбы прежде всего и недостаточности одного искусства, одной науки, одних государственных реформ и абсурдность религии.

Книжка читается с большим интересом и может быть полезна и в наши дни.

8) *П. Л. Лавров.* Исторические письма. 5-ое изд. без перемен Изд. «Русское Богатство». Стр. 300. Петр. 1917.

Книга содержит предисловие к 1-му изданию, написанное Лавровым в ссылке, в Кадникове, в 1869 г, текст 17 «писем», из которых 15 составляли 1-ое издание, а последние 2 добавлены во 2-м издании, и, наконец, из предисловия к этому 2-му изданию, вышедшему в Париже в конце 1891 г.

Содержание «писем» следующее: 1) Естествознание и история, 2) Процесс истории, 3) Величина прогресса в человечестве, 4) Цена прогресса, 5) Действие личностей, 6) Культура и мысль, 7) Личности и общественные формы. 8) Растущая общественная сила, 9) Знамена общественных партий, 10) Идеализация, 11) Национальности в истории, 12) Договор и Закон, 13) Государство, 14) Естественные границы государства, 15) Критика и вера, 16) Теория и практика прогресса, 17) Цель автора.

В предисловии ко 2-му изданию указывается, что текст первого значительно изменен, дополнен в 1872 г. и снабжен примечаниями 1890—91 годов.

Книга эта наиболее идеалиастическая из всего, что написано Лавровым. Только в конце 16-й главы, о теории прогресса, есть намек на то, что Лавровым принимается в расчет и экономика в развитии прогресса. Переиздание ее Лавровым в 1891 г. без переработки доказывает, что влияние марксизма не изменило его мировоззрения органически и потому оно осталось дуалистическим, наполовину материалистическим (в вопросах естествознания, философии, психологии и религии) и наполовину идеалистическим (в вопросах истории и социологии). Впрочем, как мы видели выше, в вопросах истории Лавров все же признавал классовую борьбу и классовое учение о государстве. Для нашего времени книга эта не имеет значения.

9) «*Постепенно*». Неизданная статья П. Л. Лаврова. Стр. 16—18 «Книга и Рев.» за 1922 г, № 6 (18)

Подробный разбор этой статьи и выяснение ее значения для истории мировоззрения Лаврова начала 60-х годов произведены в статье П. Витязева в том же номере «Книги и Рев.» и потому отсылаем к ней читателя. Укажем только, что эта статья меняет взгляд самого Витязева на политическое настроение Лаврова 1860—63 г г., выраженный им в сборнике «Вперед» («На гранях жизни»). Лавров уже был революционно настроен в 1862—3 г.г., иначе он не был бы членом «Земли и Воли» и не написал бы подобной статьи, как «Постепенно». Тон его письма к сыну 1870 г. мог быть продиктован соображениями тактики по отношению к жандармам, которые должны были перехватить это письмо. Впрочем, дальнейшие открытия Витязевым новых статей Лаврова периода 60-х годов окончательно выяснят этот пункт.

10) *Черный Передел*. Орган социалистов-федералистов 1880—1881 г.г. Гиз, М. и П. 1922. Стр 355.

Здесь перу Лаврова принадлежат: заметка без подписи «Франция», стр. 179—183, статья за подписью П. Лавров «Несколько слов об организации партии», стр. 252 — 266 и передовицы без подписи,

стр. 283—295 и 317—326. Материал весьма важный, рисующий взгляд Лаврова на положение революционного движения 1880—81 г.г. во Франции и в России

11) *П. Лавров (Миртов)* Национальности в истории. Изд. «Земля». Киев. 1917. Стр. 16.

Здесь дано историческое доказательство перехода национального вопроса в государственный вопрос. Глава из «Историч. писем».

12) Историко-революционная хрестоматия. Том I. Изд. «Новая Москва». М. 1923. Стр. 102—117. Отдел «П. Л. Лавров».

Здесь дана краткая характеристика журнала «Вперед», выдержки из его программы, написанной Лавровым, из передовой статьи Лаврова и критика, написанная Кравчинским (Степняком).

13) Письмо Лаврова к Фр. Энгельсу по поводу смерти Карла Маркса. «Под знаменем марксизма». 1923. № 2—3. Стр. 12.

Очень интересное письмо, рисующее отношение Лаврова к Марксу.

б) Исторические работы Лаврова.

14) *П. Лавров* Воспоминания о Софье Михайловне Гинзбург. «Голос Минувшего». 1917. № 7—8. Стр. 16. С. М. Гинзбург—замечательная русская женщина-революционерка, и Лавров дает о ней интересные штрихи, говорящие много и о нем самом.

15) *П. Л. Лавров* Очерки по истории Интернационала. С предисловием и примечаниями П. Витязева. Изд. «Колос». Стр. 168. Петр. 1919.

В «Книге и Рев.» за 1920 г., № 6, стр. 24 уже помещен отзыв об этой книге тов. И. Сосиса, но, по нашему мнению, он не прав, считая ее мало интересной для современного рядового читателя. Впрочем, тов. Сосис сам себя опровергает, приведя далее интересные и по его мнению места из книги.

Напротив, мы считаем эти «Очерки» очень важным первоисточником для истории последних лет I Интернационала (1872—74 годы), так как Лавров использовал для них всю тогдашнюю литературу и марксистов и бакунинцев, а также материалы собственных корреспондентов журнала «Вперед» и свою собственную переписку с Марксом, Энгельсом, де-Папом и др. На это вполне справедливо указывает П. Витязев в своем предисловии.

Чтобы использовать вполне «Очерки», надо знать в общих чертах историю I Интернационала. Тогда читатель найдет в «Очерках» важные дополнения о 5-м конгрессе в Гааге, о Лондонском конгрессе, о деятельности Нью-Йоркского Генерального Совета, о Бельгийском конгрессе бакунинцев, «русские отзывы» об Интернационале той эпохи, письма Бакунина, уставы Интернационала, о конгрессе в Филадельфии и т. п.

16) *П. Л. Лавров.* Герман Александрович Лопатин. С предисловием П. Витязева и приложением материалов для библиографии о Г. А. Лопатине, собранных А. А. Шиловым. Изд. «Колос». Стр. 63+1 нен. Петр. 1919.

Об этой книжке в «Книге и Рев.», за 1920 г. № 3—4, стр. 35—36, уже помещена прекрасная рецензия, а потому отсылаем к ней читателя. Для характеристики самого Лаврова особенно интересно предисловие П. Витязева.

в) Эстетико-литературные работы Лаврова.

17) *П. Л. Лавров*. Этюды о западной литературе. Под редакцией А. А. Гизетти и П. Витязева. Изд. «Колос». Стр. XXXII + 218, Петр. 1923.

Книга содержит вступительную статью А. А. Гизетти «Воззрения Лаврова на литературу и эстетику» и восемь статей на литературные темы П. Л. Лаврова, относящиеся к 1860 — 1882 годам. Из 8 статей П. Л. Лаврова 5 лишь недавно были разысканы П. Витязевым, при чем текст их проверен им по журналам и газетам, где они были напечатаны, и так как корректура их не была проверена самим Лавровым, текст во многих случаях восстановлен и исправлен тем же П. Витязевым. Статьи эти следующие: «Мишле и его колдунья» (1863 г), «Два старика» (1872 г , о Мишле и В. Гюго), «Иностранная литературная летопись» (1881 г., о Гюго, Золя и Деруледе), «Томас Карлейль» 1881 г.) и «Шекспир в наше время» (1882 г.) Остальные 3 статьи «Лаокоон Лессинга» (1860 г.), «Лирики тридцатых и сороковых годов» (1877 г) и «Генри Уодсворте Лонгфелло» (1882 г.) были указаны Я. Н. Колубовским в его библиографической статье о Лаврове, напечатанной в 1898 г. в № 44 «Вопросов философии и психологии».

Книга является огромным вкладом для изучения Лаврова со стороны его эстетических взглядов, так как в статье о Лессинге Лавров, между прочим, дает оценку главнейших эстетических теорий XVIII века, а также со стороны его литературных симпатий и антипатий (в статьях о лириках 30-х и 40-х годов, о Шекспире и др). Особливый интерес для наших дней представляют отзывы Лаврова о Гервеге, певце революции 1848 г. и об Эллиоте, поэте эпохи чартизма и борьбы против хлебных пошлин в Англии, а также об американском поэте Лонгфелло. Лавров прекрасно изобличает буржуазную поэзию «господствующего большинства», повторяющую «его обычные мысли в изящной форме»..., чтобы оно могло «спокойно по привычке продолжать лицемерить, повторять привычные ему фразы, цитируя при этом популярных поэтов».

Поскольку Лавров обсуждает произведения разбираемых им поэтов в обстановке их исторической эпохи, чтение его статей поучительно и для читателя нашего времени.

К сожалению, вступительная статья А. А. Гизетти как раз этой именно особенности статей Лаврова не отмечает, проникнута духом идеалистическо-мистических воззрений на искусство и литературу и силится видеть в Лаврове не то, чем он был, т. е. не реалиста-социалиста, а чуть ли не сноба-эстета, яко бы утверждающего независимость эстетического развития и путей искусства от социально-политической

обстановки» (стр. XXI). Верно лишь то, что «стройную форму» и «пафос художника» Лавров считал необходимыми признаками художественного произведения.

Будем надеяться, что «вступительная статья» не помешает читателям рассмотреть подлинные взгляды Лаврова на искусство и литературу и с пользой прочитать его статьи.

Мы должны быть благодарны П. Витязеву за разыскание большинства статей, вошедших в книгу.

г) Научная работа Лаврова.

18) *Собрание сочинений Петра Лавровича Лаврова.* Под редакцией Н. Русанова, П. Витязева и А. Гизетти. Статьи научного характера. Серия III. Вып. I. Изд. «Револ. Мысль». Стр. 162+2 нен. Петр. 1917—1918

Здесь содержатся предварительные этюды к «Истории мысли Лаврова—«До человека» и «Жизнь и ее начало». В первом этюде 7 глав: 1) Начало истории, 2) Вселенная и земля, 3) Органический мир, 4) Позвоночные, 5) Происхождение культуры, 6) Начало работы мысли, 7) Обезьяны. Выяснение значения этих статей требует специального исследования марксистов-естествоведов.

19) *То же.* Вып. II. Стр. 151+1 нен. Петр. 1917—18

Здесь содержится статья Лаврова, написанная им в 1882 г. и напечатанная анонимно в «Отеч. Записках» за 1883 г. под заглавием «Хлопоты науки с низшими организмами». В ней 11 глав. Оглавление их дает ясное представление о высоко-интересном содержании статьи и для нашего времени: 1) Человек—царь мироздания, 2) Понимание животного мира человеком, 3) Биология как отдельная наука, 4) Что такое жизнь, 5) Где начинается мысль? 6) Где начало общества? 7) Обстановка жизни, 8) Первые ступени животного мира, 9) Линейные колонии червей, 10) Подготовление царства человека и 11) Задача утверждения царства человека.

20) *Собрание сочинений Петра Лавровича Лаврова.* Серия III. Вып. V. Переживания доисторического периода. Стр. VIII + 168 Петр. 1918.

Книга содержит предисловие к названной работе Лаврова, помеченное июлем 1897 г., и 17 глав самой работы, напечатанной впервые в 1898 г. в Женеве. Чтобы вызвать интерес специалистов к этой работе, передаем содержание ее глав: 1) Жизненные элементы и переживания в исторические периоды, 2) Три типа переживания дикости, 3) Моды и их инициаторы, 4) Происхождение и проявление трех типов переживания дикости, 5) Преобладание и развитие в обществе техники и экономических форм (обращаем особливое внимание читателя на эту главу), 7) Психические переживания, 8) Психические типы, обусловленные культурными, 9) Переживания и жизненные элементы в области эстетической мысли, 10) Переживания в области религии вообще, 11) Переживания двух первых слоев верований, 12) Пережи-

вания натуризма, 13) Переживания анимизма и фетишизма, 14) Переживания колдовства, 15) Переживания в творчестве мифов и символов, 16) Переживания в области философии и науки, 17) Борьба мысли исторического времени с доисторическими переживаниями. (Оглавление в самой книге гораздо пространнее, занимая 3 страницы мелкого шрифта).

21) *То же* Вып. VIII. Стр. 244. Петр. 1918 г.

В книге 7 статей по социологии, написанных на протяжении 30 лет, с 1867 г до 1897 г. Статьи эти следующие: 1) Герберт Спенсер и его «Опыты», 2) Формула прогресса Н. К Михайловского, 3) Социологи-позитивисты, 4) О методе в социологии, 5) Единственный русский социолог (о де-Роберти), 6) Хроника общественных наук (о социологии Летурно и Фуллье), 7) Герберт Спенсер и современная социологическая литература

д) Философские работы Лаврова.

22) *Собрание сочинений П. Л. Лаврова* Статьи по философии Серия I. Вып. II. Стр. 216+8 нен. Петр 1917—18 г.

Здесь помещено 7 статей Лаврова, напечатанных между 1853 и 1863 г.г Заглавия их следующие: 1) Механическая теория мира, 2) Что такое антропология, 3) Отзыв о книге Ор. Новицкого «Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований», 4) Три беседы о современном значении философии, 5) Моим критикам (Ответ М. А. Антоновичу и Д. И. Писареву), 6) Антропологическая точка зрения в философии и 7) Единство.

23) *То же.* Вып. VI Стр. 202+6 нен. П. 1918.

Настоящий выпуск содержит 4 статьи Лаврова по психологии, написанные между 1860 и 1872 г.г. Их заглавия: 1) Современное состояние психологии, (1860), 2) Разные направления в психологии (1863), 3) Наука психических явлений и их философия (1871) и 4) Кавелин как психолог (1872).

е) Историко-философские работы Лаврова.

24) *Собрание сочинений Петра Лавровича Лаврова.* Статьи историко-философские. Серия IV. Вып. I. Стр 204+2 нен. Петр. 1918.

Здесь напечатано 6 статей Лаврова за 1867—80 г.г. Их заглавия: 1) Несколько мыслей об истории мысли, 2) Историческое значение науки и книга Уэвеля, 3) Философский смысл истории, 4) Научные основы истории цивилизации, 5) Канун великих переворотов и 6) Противники истории.

25) *То же* Вып. VII. Стр. 140+XII. Петр. 1918.

Сюда вошли 4 статьи 1867—80 г.г.: 1) Эпоха появления новых народов в Европе, 2) Средневековый Рим и папство, в эпоху Феодоры и Мароции, 3) Подготовление новой европейской мысли и 4) Политические типы XVIII века.

Добавлен указатель имен к IX, вып. IV серии и к I вып. IV серии.

26) *То же.* Стр. 200. Вып. IX. Петр. 1918.

Сюда вошли 3 статьи 1867—79 г.г.: 1) История городского и сельского устройства в Западной Европе, 2) История Франции под пером русских исследователей (Н. Кареева и В. Гольцева) и 3) Женщины во Франции в XVII и XVIII веках.

Все эти работы Лаврова еще ждут исследователей, давая огромный материал для выявления его сложной духовной физиономии.

ж) Работы Лаврова по истории религии.

27) *Собрание сочинений П. Л. Лаврова.* Статьи по истории религии. Серия V. Стр. 272. Петр. 1917—18.

Здесь помещено 9 статей Лаврова 1860—72 г г.: 1) Отзыв о книге Mannhard «Die Gotterwelt»... 2) Развитие учения о мифических верованиях, 3) Новая наука, 4) О поклонении озерам и текучей воде и легенды о затонувших городах. (Перевод статьи Лаврова из «Bulletins de la Société d'Anthropologie de Paris» 1872), 5) Теоретики сороковых годов в науке о верованиях, 6) Антропоморфизм и антропопатизм, 7) Апокрифы, 8) Амвросий Миланский и 9) Анабаптисты или перекрещенцы.

Последние 4 статьи были написаны Лавровым для «Энциклопедического Словаря».

12—VI—1923.

10—I—1925.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Введение 2

ГЛАВА I.

П. Л. Лавров до выступления на литературное и общественное поприще (1823—1857 г.г.) . 9—18

Детство П. Л. Влияние семьи. Воспитание в артиллерийском училище Общественная атмосфера России в годы учения П Л. Экономический под'ем, политическая реакция и образование дворянской и разночинной оппозиции. Западники и славянофилы. Увлечение утопическим социализмом. Пропаганда Петрашевского. Влияние революции 1848 г. Усиление революционных течений. Полицейский гнет. Начало пропаганды Герцена из-за границы. Влияние общественной атмосферы на выработку мировоззрения П. Л. Начало его преподавательской деятельности, женитьба и семья. Занятие историей науки. Радикализм его политических взглядов.

ГЛАВА II.

Литературная и общественная деятельность П. Л. Лаврова до ссылки. Начало его революционной работы (1857—1866 г.г.) . . . . 19—29

Оживление общественной атмосферы в России после Крымской войны. «Освобождение» крестьян и разочарование в нем. Воскресные школы. Усиление революционного движения среди учащейся молодежи. Первые прокламации, университетские беспорядки и лозунг Герцена «в народ». Чернышевский. Бакунин. Добролюбов. Писарев. Реформы 1864 г. «Молодая Россия». Усиление реакции. Тайные общества. «Орга-

Стр.

низация» и «Ад» Покушение Каракозова. Литературная работа П Л Его связь с Герценом Подпольные стихи на политические темы Участие в легальной печати Общественные выступления П. Л. Сближение с Чернышевским Мнение царского правительства о П Л. Участие в «Земле и Воле». Статья «Постепенно», как зародыш большевизма П. Л.

ГЛАВА III.

Ссылка П. Л. Лаврова, бегство его за границу и окончательное политическое оформление (1867—1871) . . . . . 30—38

Арест и ссылка П Л Гражданский брак с А.П Чаплицкой Новое направление литературных работ П. Л. в ссылке. Бегство из ссылки в Париж. Новые воздействия общественной атмосферы Франко-прусская война. Выступление против нее членов Интернационала. Сближение П Л с Варленом и вступление в члены Интернационала. Революция 4 сентября 1870 г. «Правительство национальной измены» Попытки его свержения бакунистами и бланкистами Позорный мир с Пруссией. Провокационные декреты Национального Собрания. Революция 18 марта 1871 г. Правительство Коммуны и гражданская война. Отношение к ним П Л. Поездка к Марксу и Энгельсу для помощи Коммуне. Возвращение в Париж.

ГЛАВА IV.

Влияние «Исторических писем» и приглашение П. Л. редактировать заграничный орган русского революционного движения (1871—1873) 39—47

«П. Л.» вождь русской революционной молодежи. Расслоение русской деревни. Рост разночинной интеллигенции. Зарождение рабочего класса. Стачки. Первые русские марксисты. Влияние бакунизма среди русской революционной молодежи. «Исторические письма», как итог самых животрепещущих вопросов тогдашней современности. Процесс нечаевцев в июле 1871 г. еще более увеличивает значение «Исторических писем» для революционной молодежи. Кружок «чайковцев». Отношение самого П. Л. к своей роли вождя революции. Приезд к П. Л делегатов от революционной молодежи России. Переезд в Цюрих.

Арест и выдача Нечаева и суд над ним в России Усиление влияния Бакунина среди русской молодежи в Швейцарии в 1872—1873 г. г Основание тайного общества для революционной работы в России по образцу секций Интернационала летом 1873 г

ГЛАВА V.

П. Л. — редактор журнала «Вперед» (1873—1876 г.г.) . . . . . 48—59

Первый проект конституционной программы. Переезд в Цюрих. Непонимание русской революционной молодежи. Влияние русской секции Интернационала и ее журнала «Народное Дело». Выдача Нечаева и суд над ним. Обаяние личности Бакунина. Неудачные переговоры с Бакуниным о совместном издании журнала. Договор П. Л с чайковцем Куприановым об издании «Вперед». Почему программа «Вперед» все-таки оказалась в основном бакунистской. Лавровская тактика. Недовольство журналом со стороны большинства чайковцев. Бланкистская оппозиция П. Н. Ткачева Старания П. Л. сделать свой журнал более революционным. Предпочтение в России бакунизма лавризму. Оценка пропаганды лавризма в России Плехановым. Аптекманом и Русановым, как пропаганды марксизма.

ГЛАВА VI.

П. Л. и русское народничество (1877—1886 г.г.) . 60—65

Кто является отцом народничества. Свидетельство В Н. Фигнер о зарождении «Земли и Воли» 1876—1879 г. г. и об ее программе. Тайная типография Зунделевича в Петербурге. Оппозиционное настроение буржуазии после Турецкой войны и сочувствие ее революционерам. Ясная постановка вопроса о политической борьбе и откол от «Земли и Воли» политической партии Народной Воли. Соответственное разочарование в бакунизме и в Западной Европе и образование там рабочих политических партий. Отказ П. Л. от своей прежней тактики. Участие в жизни Французской Рабочей Партии. Речь П. Л. о Парижской Коммуне. Сочувствие Народной Воле Работа в ее Красном Кресте. Участие в редакции «Вестника Народной Воли». Защита террора.

Стр.

ГЛАВА VII.

П. Л. и рабочий класс России (1887—1900 г.г.) . 66—75

Отношение П. Л. к группе «Освобождение Труда» и к «Нашим разногласиям» Плеханова. Рабочие стачки в России с середины 80-х годов. Группа рабочих членов Партии Народной Воли. Посылка Благоевым своей программы П. Л. Незамечание П. Л. рабочего вопроса в России. Характер его речи на первом конгрессе II-го Интернационала по сравнению с речью Плеханова. Письмо Богучарского к П. Л. об успехах социал-демократизма в России и ответ на это П. Л. Измена П. Л. самому себе. Непримиримость его по отношению к буржуазии до конца жизни. Смерть.

ГЛАВА VIII.

Элементы марксизма в учении П. Л. . . . . 76—87

Эклектизм П Л. и близость его к идеализму. Причина этого. Отношение П. Л. к психическим явлениям. Взаимоотношения между философией и наукой. Агностицизм. Антропологизм. Понятие прогресса. Роль экономического процесса. Пример развития металлургической и земледельческой техники. Экономическое об'яснение либерализма. Учение о борьбе классов. Постановка на научную почву учения о нравственности. Идеалистические пережитки в учении П. Л. Положительные стороны пропаганды марксизма лавристами в России.

ГЛАВА IX.

Элементы большевизма в учении П. Л. . . . . 88—98

Теоретическая и практическая стороны большевизма. Две мерки П. Л. для рабочего класса в России и за границей. Разрешение вопросов практической борьбы революционно в духе I-го Интернационала на основании опыта Парижской Коммуны. Учение П. Л. о государстве, как охранителе интересов буржуазии. Отличие от учения анархистов о государстве. Необходимость социалистической

Стр.

революции. Значение партийной программы и пролетарской партии. Чистка партии. Необходимость централизма и дисциплины в партии. Диктатура. Партия и массы. Террор. Диктатура в школе. Предвосхищение многих мероприятий Октябрьской революции. Союз с крестьянством и средства к его привлечению.

ГЛАВА X.

Место П. Л. в истории русского социализма . 99—105

Влияние на П. Л. I-го Интернационала. Поверхностный взгляд на пролетариат. Революционность эпохи I-го Интернационала. Почему П. Л. оставался революционером и в эпоху II-го Интернационала. П. Л. — продукт развития не только России, но и Западной Европы. Интернационализм П. Л. Близость его по духу к III Интернационалу. Признание эс-эрами своим учителем П. Л. — явное недоразумение. Взгляд П. Л. на интеллигенцию с 1881 г. Почему надо изучать произведения П. Л.

Приложение № 1. Список важнейших статей и книг П. Л. Лаврова в хронологическом порядке их появления

Приложение № 2. Указатель пособий, использованных для составления настоящей книжки и рекомендуемых для более подробного изучения эпохи, в которую жил П. Л. Лавров.

Приложение № 3. П. Л. Лавров в литературе за годы революции (1917 — 1924). Библиографический обзор и рецензии.

ГОД ИЗДАНИЯ **4-ый** ГОД ИЗДАНИЯ

Открыта подписка на 1925 год

КРАСНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ

12 номеров журнала в год 2 рубля.

В журнале принимают участие виднейшие политические и общественные работники, лучшие научные, литературные и художественные силы :: Ленинграда, Москвы и др. городов СССР. ::

Приложения:

I-ая СЕРИЯ **12** книг избранные сочинения **Н. ЛЕНИНА.**

II-ая СЕРИЯ: **12** книг избранные соч. русских классиков **Лермонтов, Пушкин, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Гоголь, Лев Толстой** и др.

ПОДПИСКА:

БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ:

на 1 год . . . . . 2 руб. — коп.
на ½ года . . . . . 1 „ 20 „

С ПРИЛОЖЕНИЯМИ.

с одной серией	с двумя сериями
4 руб — коп	6 руб — коп.
2 „ 20 „	3 „ 30 „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ. Торговый сектор „Прибоя“, Ленинград, пр. 25 Октября, 52. **Севпечать**, пр 25 Октября, 1. Московское отделение „Прибоя“, Лубянский пас., пом. 47-49 и все почтовые отделения.

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ НА ДОМУ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1925 ГОД.

Как появилась жизнь на земле?

Как устроены небо, земля и живые организмы?

Как работает тело человека, животного и растения?

Чему учат нас физика, химия и др. точные науки?

Как улучшить сельское хозяйство и в каком положении оно находится у нас и за границей?

Чему учил рабочих и крестьян В. И. Ленин?

На все эти и на многие другие вопросы ответит Вам

„Народный университет на дому".

Печатается и на-днях выходит № 1.

Требуйте подробный указатель (проспект) из Издательства „ПРИБОЙ", просп. 25 Октября, № 1.

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРИБОЙ“

ЛЕНИНГРАД, Улица 3-го Июля, дом № 14.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

журнал самообразования

Коммунистический Университет

НА ДОМУ

Издание имеет целью дать марксистско-ленинское воспитание рабочим и крестьянам и коммунистической молодежи, не имеющим возможности получить его в Коммунистических Университетах, а также тем, кто хотел бы пополнить свои знания.

Издание помогает читателю в проработке курсов посредством специальных вопросников, методических указаний и т. п.

ГЛАВНЕЙШИЕ ОТДЕЛЫ:

ОБЩЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ:—ленинизм, диалектический материализм, политэкономия, история РКП, история общественных форм, экономическая политика и хозяйство СССР, кооперация и т. п.

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ:—химия, физика, геология, физиология и многие другие вопросы, подробнее разрабатываемые в другом издании „Прибоя“ „Народный Университет на Дому“.

ОТДЕЛ ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ:—ответы читателям по курсам, освещенным в журнале и вне их, советы и помощь в самообразовании, указание и советы, что и как читать и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 2 руб. — на 3 мес., 4 руб. — на 6 мес., 7 руб.—на 12 мес. (12 книг).

РАССРОЧКА: При выписке на 1 год: 2 руб.—при подписке и по 1 руб. — в следующие пять месяцев. При выписке одновременно „Народного Университета на Дому“ и „Коммунистического Университета на Дому“ (24 книги) — 12 руб. за оба издания: рассрочка: 4 руб.—при подписке и по 1 руб.—в следующие 8 месяцев.

10% СКИДКИ получат подписчики при выписке книг. Расходы по пересылке издательство **берет на себя.**

◆◆ ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНО ◆◆

подробный указатель (проспект) содержания журнала.